Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Калиненко Андрей Анатольевич

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ФАКТОРЫ НАМЕРЕНИЙ ЛИЧНОСТИ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

(на примере принудительной социальной изоляции)

Специальности: 19.00.01 – общая психология, психология
личности, история психологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель –
доктор психологических наук,
профессор, заслуженный деятель
науки Удмуртской Республики
В.Ю. Хотинец

Ижевск – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ ФАКТОРОВ НАМЕРЕНИЙ ЛИЧНОСТИ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ 15

1.1. Проблема побудительных сил и действенности намерений личности в психологической науке 15

1.2. Ценностно-смысловые факторы осуществления намерений личности 27

1.3. Принудительная социальная изоляция как трудная жизненная ситуация в реализации намерений личности 39

1.4. Концепция метаиндивидуального этнокультурного мира В.Ю. Хотинец как методологическая основа изучения ценностно-смысловых факторов намерений личности в трудных жизненных ситуациях 51

ГЛАВА 2 ОРГАНИЗАЦИЯ, МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ 61

2.1. Характеристика и описание выборки 61

2.2. Психодиагностический инструментарий 61

2.3. Методы математико-статистической обработки полученных данных 67

ГЛАВА 3 РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ ФАКТОРОВ НАМЕРЕНИЙ ЛИЧНОСТИ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ 70

3.1. Структура и особенности намерений лиц в трудной жизненной ситуации и нормальных условиях жизнедеятельности 70

3.2. Кросскультурные различия базовых культурных ценностей и смысложизненных ориентаций лиц в трудной жизненной ситуации и нормальных условиях жизнедеятельности 74

3.3. Кросскультурные различия ценностей на индивидуальном уровне лиц в трудной жизненной ситуации и нормальных условиях жизнедеятельности 88
3.4. Ценностно-смысловые факторы намерений лиц в трудной жизненной ситуации и нормальных условиях жизнедеятельности 92

ВЫВОДЫ 119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 122
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 125
ПРИЛОЖЕНИЯ 149
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 149
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 153
ПРИЛОЖЕНИЕ 3 155
ПРИЛОЖЕНИЕ 4 163
ПРИЛОЖЕНИЕ 5 165
ПРИЛОЖЕНИЕ 6 168

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Сложные условия неустойчивости, неопределенности состояния общества, такие как экономические трудности, массовая миграция и маргинализация населения, нравственный кризис и социальная аномия, деформация институтов социализации и рост ненаказуемого антисоциального поведения (Н.П. Фетискин) повлекли за собой разрушительные тенденции в менталитете общества, в котором распространяются и даже возвеличиваются ценности своеволия, господства и роскоши, гедонизма, где практически отсутствуют ценности самоконтроля (сдержанности, ограничения, ответственности). Вчерашняя определенность будущих замыслов уже сегодня может смениться разрушением прежнего уклада жизни, потерей близких, работы, семьи, финансовой независимости. Данные изменения затрагивают различные возрастные и социальные группы и приводят к тому, что у человека не всегда имеется четкое представление о способах и средствах реализации намерений и целей (Е.П. Ильин, Л.И. Божович).

Действенность силы осуществления намерения, когда отсутствует определенность соответствующих случаев и/или способов выполнения; когда возникают иные, чем предусмотренные в акте намерения, подходящие события (адекватные ситуации, замещающие случаи), или же используются другие эквивалентные возможности достижения цели (Е.П. Ильин); когда определен ресурс удовлетворения потребности, а цель, выбранная человеком, все дальше сдвигается по времени (К.Левин); повышает свою значимость в сложных противоречивых и непредсказуемых условиях жизни человека, в трудных жизненных ситуациях.

Так, нахождение осужденного в условиях принудительной социальной изоляции как трудной жизненной ситуации в реализации будущих замыслов и

намерений (Ф.Е. Василюк) приводит к дезорганизации ценностно-смысловой сферы личности (А.Н. Леонтьев, М. Рокич, С.Л. Рубинштейн), что при выходе из пенитенциарных учреждений может способствовать повторному совершению преступлений, приводящих к обострению социальной напряженности (М.Ш. Магомед-Эминов, В.Ф. Пирожков, А.Р. Ратинов, М.В. Виноградов и др.).

В действительности ценностные образования являются базой для формирования системы личностных смыслов (Д.А. Леонтьев), более того, детерминируют намерения человека. В отечественной и зарубежной психологии признается, что ценности, доминирующие в обществе как главный элемент культуры, и ценностные приоритеты реализуются в намерениях, основных целях поведения (Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко). Ценностно-смысловыми факторами могут выступать смысловые конструкты, смысловые диспозиции, система культурных и личностных ценностей.

В науке особое значение уделяется культурному потенциалу личности, так как в культуре заложены наиболее надежные и продуктивные формы и способы взаимодействия человека с миром, выработанные в ходе культурно-исторического развития человеческого сообщества. В связи с этим, имеется объективная потребность в поиске наиболее эффективных направлений изучения факторов намерений, их побудительных сил для реализации жизнедеятельности человека (В.Ю. Хотинец).

Степень разработанности проблемы. Проблемы формирования намерений в связи с побудительными силами в психологической науке получили свое развитие в работах: К.А. Абульхановой-Славской (2001), рассматривающей намерения с позиции личностного регулирования, организации своего жизненного пути как целого; Л.И. Божович (2001), определяющей намерения в качестве побудителей поведения; Е.П. Ильина (2011) указывающего на то, что намерение есть мотивационная установка как латентное состояние готовности к удовлетворению потребности, осуществляющееся при появлении нужной ситуации в соответствующих обстоятельствах; А.В. Сухарева (2013), С.В.

Фроловой (2006), связывающих формирование намерения с системой ценностей и отношений личности, в частности, с отношением к социокультурным и этническим признакам и др.; Левина К. (2001), подчеркивающего динамическое состояние возникновения намерения и др.

Проблемы ценностно-смысловой регуляции поведения и деятельности человека рассматривались в трудах А.Г. Асмолова (2001), Б.С. Братуся (2000), Д.А. Леонтьева (2007), В.А. Петровского (2010), С.Л. Рубинштейна (2001), А.В. Серого (2010); проблемы ценностно-смысловых предикторов поведения и деятельности субъектов в контексте взаимодействия с этнокультурным миром в работах В.В. Гриценко (2012, 2014), Н.М. Лебедевой (2010, 2012, 2014), Г.У. Солдатовой (2009, 2014), Т.Г. Стефаненко (2005, 2013), А.Н. Татарко (2007, 2010), В.Ю. Хотинец (2010, 2013, 2015) и др., опирающихся на представления о ценностях M. Rokeach (1973), S.H. Schwartz (2010, 2014) и др.

Трудная жизненная ситуация в отечественной психологии рассматривается в контексте устойчивости привычного образа жизни (Н.Г. Осухова, 2006), с учетом когнитивного оценивания личностью (Е.В. Битюцкая, 2007), в аспекте оценки значения ситуации, эмоционального состояния личности (А.А. Бодалев, 2002), в связи с критической невозможностью реализации мотивов, стремлений, ценностей (Ф.Е. Василюк, 2001, 2005), с позиции социально-психологических средовых ограничений (М.Ю. Кондратьев, 2005, Т.И. Миронова, 2012) и т.д.

В связи с этим проблемой исследования является установление факторов побуждения и планирования поведения и деятельности лиц в трудной жизненной ситуации, выявление побудительной силы (синтеза потребности и интеллектуальной активности) намерений, удерживающей отсроченные жизненно значимые цели (то, что нужно осуществить, то, к чему направлены устремления,) и приводящей к выполнению намеренных действий (с использованием соответствующих способов и средств).

Актуальность исследования определяется рядом противоречий, среди которых следует отметить следующие:

– социального характера – между потребностью со стороны государства и общества в сохранении и поддержании социальной безопасности, безвозвратном устранении противоправных насильственных действий со стороны преступников, представляющих угрозу обществу, и недостаточным ресурсом социальных институтов в реализации данной задачи в современном криминализированном обществе;

– научного характера – между потребностью в изучении побудительной силы намерений лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, удерживающей отсроченные жизненно значимые цели и приводящей к выполнению намеренных действий в будущем и недостаточностью теоретико-методологической разработанности проблемы построения намерений в трудной жизненной ситуации;

– практического характера – между потребностью в эффективных психологических методах психокоррекции, используемых в пенитенциарных учреждениях и постпенитенциарных реабилитационных организациях и недостаточностью воздействующего эффекта психологических техник, применяемых в ходе сопровождения лиц в условиях принудительной социальной изоляции (трудной жизненной ситуации) и их ресоциализации после освобождения.

Цель исследования: установление связи ценностно-смысловой сферы личности с ее намерениями в трудных жизненных ситуациях.

Объект исследования: намерения личности.

Предмет исследования: ценностно-смысловая сфера как фактор намерений личности в трудных жизненных ситуациях.

В работе были выдвинуты **гипотезы***:*

1) Культурные ценности и смыслы связаны с намерениями личности опосредованно жизненной ситуацией.

2) В трудной жизненной ситуации аффективный и интеллектуальный компоненты (побудительные силы) намерений находятся в разрыве и

рассогласовании друг с другом.

3) В трудной жизненной ситуации этноконфессиональные ценности и религиозные смыслы, воплощающие в себе безопасные и надежные формы и способы взаимодействия с миром, становятся факторами построения намерений человека.

На основе выдвинутой гипотезы и цели исследования нами были поставлены следующие **задачи**:

1. На основе теоретико-методологического анализа отечественных и зарубежных источников изучить состояние проблемы ценностно-смысловых факторов намерений личности в трудных жизненных ситуациях и создать необходимое теоретическое обоснование предпринятого исследования.

2. Раскрыть структуру и особенности намерений лиц в трудной жизненной ситуации в сравнении с группой лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности.

3. Установить кросскультурные различия в показателях базовых культурных ценностей и смысложизненных ориентаций лиц в трудной жизненной ситуации и нормальных условиях жизнедеятельности.

4. Установить кросскультурные различия в показателях ценностей на индивидуальном уровне лиц в трудной жизненной ситуации и нормальных условиях жизнедеятельности.

5. Выявить ценностно-смысловые факторы намерений лиц в трудной жизненной ситуации и нормальных условиях жизнедеятельности.

Теоретико-методологической основой исследования являются:

– общепсихологическая теория деятельности, представленная субъектно-деятельностной концепцией С.Л. Рубинштейна (принцип единства сознания и деятельности, принцип субъектности), деятельностной психологической теорией А.Н. Леонтьева, на основании которых учитываются активная позиция личности в мире, ее включение в деятельность;

– культурно-историческая теория Л.С. Выготского (принцип культурного

опосредствования психики, поведения, сознания), на основе которой принимается положение о культурном опосредствовании намерений личности;

– психологические теории мотивов Л.И. Божович, Е.П. Ильина, К.Левина, объясняющие побудительные силы намерений личности;

– концепция ценностей и личностных смыслов А.Н. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, теория универсального содержания и структуры ценностей Ш. Шварца, Н.М. Лебедевой, с позиций которых понимаются ценностные и смысловые образования как предикторы намерений личности.

– концепция метаиндивидуального этнического мира В.Ю.Хотинец, объяснительные принципы которой используются в интерпретации полученных результатов, касающихся взаимодействия личности с этнокультурным миром.

Методы исследования: теоретические методы: анализ и обобщение теоретических положений; эмпирические методы (психодиагностические): для определения намерений личности использовалась методика «Жизненное предназначение» О.И. Моткова, для измерения культурных и индивидуальных ценностей применялись опросники Ш. Шварца в адаптации Н.М. Лебедевой, методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения ценности и доступности», для выявления жизненных смыслов применялся тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева; методы обработки эмпирических данных (процедуры математической статистики): описательная статистика (выявление основных характеристик распределения), непараметрический тест (критерий Манна-Уитни), кластерный анализ (иерархический, метод K-means), дисперсионный одномерный однофакторный, одномерный двухфакторный ANOVA. Обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS 16.0 for Windows.

Основные результаты исследования и их научная новизна:

Раскрыты особенности намерений лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, которые характеризуются разрывом и рассогласованностью аффективного (переживания нужды) и интеллектуального (конкретных способов и

средств достижения цели) компонента и выражаются дефицитарностью интеллектуальной активности, рассогласованностью цели и способов ее достижения, замещением интеллектуального компонента в связи с имеющимися сомнениями в действенности собственных способов и средств достижения цели религиозными притчами или благодетельством Божественных сил.

Установлена сообразованность намерений и базовых культурных ценностей лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации в связи с их этнокультурной принадлежностью: у лиц, идентифицирующих себя с русскими, намерения в большей мере ориентированы на собственное Я с включением внутренних субъектных ресурсов, базовые культурные ценности весомее представлены ценностями индивидуалистической направленности; у лиц, идентифицирующих себя с удмуртами, намерения в большинстве своем отличаются социальной направленностью с адаптивными возможностями во взаимодействии с внешним миром, базовые культурные ценности значительнее выделяются коллективистскими ценностями социальных отношений.

Установлены ценности на индивидуальном уровне в группе лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации и в нормальных условиях жизнедеятельности (как в удмуртской, так и русской), которые в большей мере направлены на достижение свободы, потребности быть самосильными и независимыми и в тоже время потребности в позитивном взаимодействии с другими для собственной безопасности и стабильности жизни. В русской этногруппе всей выборочной совокупности их ряд расширяется за счет включения ценностей достижения, обретения личного успеха и результатов жизнедеятельности.

Выявлены ценностно-смысловые предикторы намерений лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации в связи с их этнокультурной принадлежностью, к которым наряду с субъектной активностью и субъектной регуляцией относятся этноконфессиональные ценности и религиозные смыслы, сопоставимые с ценностями православия в русской группе, исходящие от языческих воззрений и

религиозно-мифологических представлений финно-угорских народов в удмуртской группе. В качестве предикторов намерений лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, среди смысложизненных ориентаций выступил «процесс жизни», а также «локус контроля – Я». Выявленные ценности и смыслы удерживают побуждение намерения, синтезируют его аффективный и интеллектуальный компоненты.

Теоретическая значимость исследования. Психология намерений личности (Л.И. Божович, Е.П. Ильина) расширяется за счет полученных результатов о разрыве и рассогласовании аффективного (переживания нужды) и интеллектуального (конкретных способов и средств достижения цели) компонентов намерений лиц в трудных жизненных ситуациях, которые выражаются дефицитарностью интеллектуальной активности, рассогласованностью цели и способов ее достижения, замещением интеллектуального компонента религиозными притчами, божественным благодетельством.

Теория ценностей и смыслов (Д.А. Леонтьева) дополняется положениями о том, что этноконфессиональные ценности и религиозные смыслы, сопоставимые с ценностями православия и религиозно-мифологическими представлениями, становятся факторами «потенциала реализации намерений» лиц в трудных жизненных ситуациях.

Концепция метаиндивидуального этнического мира (В.Ю. Хотинец) обогащается результатами об особенностях взаимодействия этнической индивидуальности с культурным миром в условиях отсроченности достижения целей и реализации намерений.

Практическая значимость исследования: Результаты исследования могут быть использованы практическими психологами, осуществляющими психологическое сопровождение лиц в трудных жизненных ситуациях, специалистами Федеральной службы исполнения наказания, осуществляющих деятельность в пенитенциарных учреждениях и центрах социальной

реабилитации. Материалы диссертационного исследования могут применяться при разработке дисциплин «Психология личности», «Психология мотивации», «Психология ценностей и смыслов» образовательных программ бакалавриата, магистратуры, аспирантуры по направлению подготовки «Психология», научными работниками при построении логической модели исследования факторов построения сценариев субъектной активности человека.

Достоверность результатов исследования обеспечивается базированием на строго доказанных и корректно используемых выводах фундаментальных и прикладных наук, положения которых нашли применение в работе; исходными непротиворечивыми методологическими принципами и теоретическими положениями работы; сочетанием комплекса теоретических и эмпирических методов и процедур, адекватных цели и задачам исследования; репрезентативностью выборки испытуемых.

Положения, выносимые на защиту:

1. Намерения и базовые культурные ценности сообразованы (связаны) друг с другом: намерения в большей мере ориентированы на собственное Я с включением внутренних субъектных ресурсов, базовые культурные ценности весомее представлены ценностями индивидуалистической направленности у индивидов из русской культурной среды; намерения в большинстве своем отличаются социальной направленностью с адаптивными возможностями во взаимодействии с внешним миром, базовые культурные ценности значительнее выделяются коллективистскими ценностями социальных отношений у индивидов из удмуртской культурной среды.

2. В трудной жизненной ситуации разрыв (наличие одного, отсутствие другого) и рассогласованность (независимость) аффективного и интеллектуального компонентов намерений личности выражаются дефицитарностью интеллектуальной активности, рассогласованностью цели и способов ее достижения, замещением религиозными притчами и обращением к божественным силам.

3. В трудной жизненной ситуации ценностно-смысловыми предикторами намерений становятся этноконфессиональные ценности и религиозные смыслы, синтезирующие аффективный и интеллектуальный компоненты намерений и удерживающие побуждения реализации поставленных целей, отсроченных действий и отложенных поступков.

4. В нормальных условиях жизнедеятельности культурные ценности-предикторы намерений самоорганизуют ценностную систему личности, согласуя ценности вариативной направленности (ценности коллективизма и индивидуализма).

Апробация исследования. Основные положения и результаты проведенного исследования докладывались и обсуждались на Межрегиональной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии личности» (Новосибирск, 2009), Межрегиональной заочной научно-практической конференции «Человек в современном обществе: вопросы психологии» (Новосибирск, 2010), II международной научно-практической конференции «Современная психология: теория и практика» (Москва, 2011), IV Всероссийской научной конференции «психология индивидуальности» (Москва, 2012), Всероссийской научно-практической конференции «Человек и мир: психология конфликта и риска инноваций» (Ижевск, 2012), Международном симпозиуме «Образование и межнациональные отношения» (Ижевск, 2013), XI Конгресса антропологов и этнологов России «Контакты и взаимодействие культур» (Екатеринбург, 2015), V Международной научной конференции «психология индивидуальности» (Москва, 2015). Основные положения и результаты проведенного исследования докладывались и обсуждались на аспирантских семинарах и заседаниях кафедры общей психологии Института педагогики, психологии и социальных технологий Удмуртского государственного университета (2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015). По материалам исследования опубликовано 13 работ, 3 из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК.

Соответствие диссертации паспорту научных специальностей.

Отраженные в диссертации научные положения соответствуют пунктам специальности 19.00.01 – «Общая психология, психология личности, история психологии»: п. 17 «Мотивация, ее механизмы, формирование и функционирование. Потребности, мотивы, личностные ценности и ценностные ориентации, интересы, стремления. Нравственные ориентации. Влияние мотивации на деятельность и познавательные процессы. Смыслообразование»; п.18 «Мировоззрение и смысложизненное самоопределение»; п. 31 «Направленность личности, жизненные и ценностные ориентации»; п. 34 «Жизненная цель, жизненная задача, жизненный выбор».

Структура и объем диссертации. Диссертация изложена на 169 страницах машинописного текста и состоит из введения, трех глав, общих выводов, библиографического списка, включающего 228 источника, 6 приложений. Работа проиллюстрирована 33 таблицами и 12 рисунками.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ ФАКТОРОВ НАМЕРЕНИЙ ЛИЧНОСТИ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

1.1. Проблема побудительных сил и действенности намерений личности в психологической науке

В последнее время в психологической науке остается актуальной общая методологическая установка на рассмотрение функций внутренних возможностей человека и его активности [1; 91]. Существенным признаком активности субъекта признается интенциональность, которая позволяет субъекту принимать решения относительно его будущих замыслов и обязательно предполагает активную позицию, а не только пассивное желание. Интенциональность субъекта находит свое отражение в его намерении как сознательном стремлении, выполняющем функцию побуждения и планирования поведения, деятельности.

В свое время еще Ф. Брентано придерживался мнения о том, что интенция есть типичное свойство человека, оно выступает в качестве первичного побуждения его активности в процессе жизнедеятельности. Исследователь подчеркивал, что интенция – это намерение, цель, стремление как целостное психическое образование, выступающее в качестве внутренней детерминанты активности человека, а не внешних стимулов [27].

С.Л. Рубинштейн рассматривал психологическое содержание намерения в контексте волевого действия, самостоятельного выбора и осознанного решения. Он отмечал, что «всякое волевое действие является намерением или преднамеренным действием в широком смысле слова, поскольку в волевом

действии результат является целью субъекта и входит, таким образом, в его намерения» [114].

По мнению Л. И. Божович, намерение надлежит рассматривать в качестве побудителя поведения в случаях, когда субъектом принимаются решения в момент осуществления какой-либо деятельности. При этом она подчеркивает, что намерения появляются на основе потребностей, которые, вероятно, не могут быть удовлетворены непосредственно в данный момент, и требуется выполнение последовательных предварительных шагов, которые не имеют своей собственной побудительной силы, т.е. когда возникает необходимость в детальной проработке плана действий. В подобной ситуации намерения являются побудителями к действиям, направленным на достижение промежуточного результата. «Намерение, – пишет Л.И. Божович, – представляет собой сложный, опосредствованный по своей внутренней структуре акт поведения, побуждающий человека к цели, не имеющей собственной побудительной силы. Намерение является результатом опосредствования потребностей человека его сознанием» [23; 24].

Е.П. Ильин, отмечая, что намерение − это сознательное решение, замысел, желание, предположение сделать что-то, обращает внимание на то что намерение имеет временные границы в планировании и осуществлении действия. Долговременное намерение есть мотивационная установка на будущее. Такое намерение является латентным состоянием готовности к удовлетворению потребности и осуществляется в случаи возникновения необходимой ситуации, в соответствующих обстоятельствах жизнедеятельности. Срочные, оперативные намерения могут приводить к возникновению побуждения − «здесь и сейчас» [53].

К. Левин считает существенным признаком намерения осознанность и самостоятельность принятого решения, которое, по его мнению, выполняет функцию побуждения и планирования поведения или деятельности человека. Т. е признак намерения не интенция или квазипотребность, а именно «волевой акт, в

результате которого возникают такие обстоятельства, которые позволяют субъекту рассчитывать на действие внешних стимулов, в такой ситуации выполнение намеренного действия становится условно-рефлекторным. «Намеренность основывается на том, что бы создать действие, вытекающее из непосредственного требования вещей» [70].

Большинство исследователей (Е.П. Ильин, С.Л. Рубинштейн, Л.И. Божович, К. Левин), определяя психологическое содержание понятия «планирование деятельности», выделяют следующие общие признаки: намерение формируется в тех случаях, когда 1) запланированная цель деятельности является отдаленной во времени и ее достижение отсрочено; 2) намерение – это результат требования потребности, с одной стороны, и осознание средств достижения цели (удовлетворение потребности) − с другой. Исследователи подчеркивают интеллектуальную составляющую появляющегося побуждения, которая влечет за собой принятие волевого решения [25; 53; 70; 114].

В основе многих современных теоретических подходов к определению категории намерения лежат идеи российской психологической науки, которая рассматривает сущность намерения в контексте личностной характеристики. К.А. Абульханова-Славская описывала категорию намерения с позиции субъекто-деятельностного подхода, где субъект деятельности − это новое, преобразованное качество личности, которое означает полную перестройку всей системы ее психической организации, а не только включение способностей, целей и соответствие ее потребностям [1; 2].

В работах С.Л. Рубинштейна, Л.И. Божович, К.К. Платонова, Б.М. Теплова намерение рассматривается в качестве особого типа волевого акта, который сочетает в себе эмоциональные и интеллектуальные составляющие, связанные с потребностями и интересами отдельной личности. Б.М. Теплов считает, что намерение − это волевой акт. Исследователь выделяет две стадии волевого действия: подготовительную, которая связана с принятием решения, и завершающую, которая представляет собой исполнение решения, принятого ранее

[147]. В работах С.Л. Рубинштейна исследуется намерение и его функции, и намерение определяется как сознательный акт, связанный с внутренней подготовкой отсроченного или затрудненного действия, как результат предшествующей духовной деятельности, включающий осознание стоящих перед человеком задач, выдвижение цели и выбор соответствующих средств для ее достижения [114].

В исследованиях П.П. Блонского, Н.Д. Левитова, В.Н. Мясищева представлен иной подход к пониманию природы намерения. Здесь намерение – это одна из составляющих направленности личности, это сознательно принимаемое решение достичь определённой цели с отчётливым представлением о средствах и способах действия.

П.П. Блонский указывает на динамический характер намерений. Их формирование, по его мнению, происходит в борьбе внутренних противоречий между стремлением личности и ее внутренними резервами, потенциальными возможностями, между новой потребностью и степенью ее удовлетворения [20]. Динамичность намерений проявляется, помимо прочего, и в борьбе мотивов. Эту специфику намерения отмечает Н.Д. Левитов. Он считает, что наличие намерения свидетельствует о внутренней активности личности, об активизации внутренних побудительных сил, гарантирующих в большинстве случаев направленность развития человека и наполнено сознательной мотивировкой [71].

По мысли Л.С. Выготского, механизмы образования намерений и спланированного заранее целевого действия можно понять, изучая знаковое опосредствование во времени: «…актуально воспринимаемые элементы настоящей ситуации включаются в одну структурную систему с символически представленными элементами будущего». Акт возникновения намерения имеет место быть, когда он отделен от моторики и содержит в себе импульс к действию, осуществление которого нацелено на будущее; «…оба эти момента отсутствуют в действии, организованном натуральной потребностью» [27, с. 47].

Данные представления о механизме формирования намерения указывают на мотивационную составляющую в планировании действия. По мнению А.Н. Леонтьева мотив по отношению к действию имеет иерархическую связь «подчиняющегося и подчиненного» «мотив – то, что побуждает и направляет» [75, с. 446]. А.Н. Леонтьев предложил различать мотивы, «себя не актуализировавшие, потенциальные, и мотивы актуальные», так как «намерение формируется тогда, когда цель деятельности отдалена» [75, с. 444]. Таким образом, исследователи приходят к выводу, что намерению соответствуют потенциальные мотивы, которые со временем могут либо актуализироваться, либо разрушаться.

Исходя из выше изложенного, очевидно, что категорию намерения необходимо рассматривать в контексте потребностно-мотивационной сферы личности с учетом этапов, условий формирования мотива и волевой регуляции поведения. Е.П. Ильин, предлагает поэтапную модель формирования намеренного действия. Как верно отмечает исследователь, на первом этапе возникает «первичный (абстрактный) мотив» включающий в себя формирование потребности и побуждение к поиску средств её реализации (поисковая активность). Второй этап мотивационного процесса, прежде всего, включает в себя субъективное осознание вероятности достижения цели различными способами деятельности. Человек делает этот прогноз, учитывая собственные возможности и реальную ситуацию. Вторая важная задача мотивационного этапа прогнозирование последствий применения способа достижения цели. Здесь учитываются нравственная составляющая возможных поступков, ценностные границы (при этом может возникнуть ситуация морального запрета для реализации намечаемого плана достижения цели). Могут быть учтены и последствия достижения цели для самого субъекта, и реакция окружающих на предполагаемое действие. Вторая стадия формирования мотива демонстрирует факт, о наличии нескольких причин побуждения мотивации: одни вызывают поисковую активность, другие – к выбору путей и целей. Е.П. Ильин считал, что

мотивацию уместно рассматривать в сочетании совокупности и ряда причин, побуждений. На третьей стадии формирования мотива осуществляется принятие решения о единственной (конкретной) цели и способа ее реализации. Таким образом, на стадии формирования мотива появляется намерение добиться цели, побуждение воли, проявляющееся в сознательном преднамеренном «побуждении к действию». Это побуждение приводит к действию человека, с появлением побуждения к поступку заканчивается формирование «конкретного» мотива [53, с. 76-83].

По мнению Е.П. Ильина, ошибочно принимать побуждение за мотив. Итак, мотив представляет собой системное образование, энергетической стороной которого является побуждение, состояние готовности к действию. Дж. Роттер называет такое состояние как потенция действия; Л. Фестингер – мотивационное давление.

По мнению В.Г. Леонтьева, мотив позволяет определенным образом организовать активность человека. Описывая психологическую структуру мотива, исследователь выделяет подструктуру свойств, которые образуют мотивационное ядро, и подструктуру функций, в которых свойства проявляются. Мотивационное ядро составляют содержательные, установочные, волевые свойства. Как наиболее значимые В.Г. Леонтьев выделяет содержательные свойства, т.к. в них заключаются первичные побудители и они формируют другие компоненты мотивационного ядра. К примеру, в результате потребности организуется: направленность в виде избирательной активности; значимость – личностный смысл; динамичность – в проявлении силы, устойчивости мотива [77].

К. Левин считает, что побудительная сила вещей связана с потребностями и намерениями человека: трансформация «характера требований» находится в соответствии с изменениями потребностей и интересов человека [70]. Однако нельзя отождествлять намерение и побуждение. Даже имея сформированное намерение, человек может не проявлять достаточной решимости, силы воли для достижения цели. Мы можем предположить, что в мотивационном процессе

сознательно отражается будущее в контексте прошлого опыта. К. Левин считал, что намерение, т. е. постановка цели, содержит в себе напряжение, направленное на достижение цели. Если цель достигается, то сила мотива (потребностное напряжение) ослабевает (По А.А. Ухтомскому и происходит затухание доминантного очага возбуждения, т.е. скрытой готовности организма к деятельности). Но это правило нельзя считать абсолютным. Например, цель может быть не достигнута, а напряжение при этом тоже ослабевает, возможной причиной этого выступает борьба мотивов [53, с. 127].

Исследователи отмечают при этом, что намерение и мотив это – не одно и то же. Так, например, говоря о борьбе мотивов, нужно учитывать, что в этом случаи мотивационные установки (отложенные или нереализованные мотивы) конкурируют. Кроме того эта борьба не приводит к «уничтожению конкурентов», а происходит выстраивание определенной последовательности выполнения намерения: одна мотивационная установка снова превращается в мотив, в побуждение к действию, а другие на время так и остаются установками.

Так понимал иерархию мотивов А.Н. Леонтьев. Он считал, что иерархизируются не мотивы в целом и мотивационные установки, а мотиваторы и не устойчивые мотивы. В этом процессе приоритетную позицию занимают ценностные установки человека. Намерение очерчивает устремление человека в будущее, его замысел, предположение, готовность что-то сделать, осмысленность принимаемого решения. Таким образом, в намерении наиболее ярко проявляется смысл предполагаемых действий и поступков, их произвольный характер [73].

По поводу конкурирующих побуждений высказывает свою точку зрения В.К. Вилюнас, отмечая, что борьба доводов, установок, желаний, влечений идет в процессе мотивации, когда еще не сформирован мотив. В случаи сформировавшегося мотива должны активизироваться усилия по его реализации. «Побежденные» мотиваторы (установки, аргументы, желания) вытесняются из области сознания, как ненужные в данной ситуации. В случае неудачной попытки вытеснения, появляется сомнение в реализации намерений и правильности

действий, а при появлении обстоятельств, повышающие сомнения человека, возможно прерывание выполнение задуманного. [34].

Ряд исследователей (Л.И. Божович, Е.П. Ильин, К. Левин) для объяснения долговременных, отсроченных, латентных намерений личности вводят категорию «мотивационной установки». Мотивационная установка – это запланированное, но отсроченное задание для себя, осуществление которого предполагается при возникновении подходящей ситуации. Её рассматривают как латентное состояние готовности к удовлетворению потребности. Мотивационная установка может возникать и как долговременное намерение (замысел). Формы проявления мотивационной установки – например, могут быть различны: взятое на себя обязательство, обещание, принятое задание, мечта.

И.Г. Кокурина под мотивационной установкой понимает такую установку, когда когнитивный элемент является смысловым суждением, а эмоциональный представляет собой оценочное суждение о важных аспектах деятельности [60]. Ш.Н. Чхартишвили также отмечал, что характерная особенность личности состоит в том, что она по «существу, живет будущим» и «осуществляет далекую мотивацию», в отличие от «ориентированной на настоящее» потребности. Он связывал мотивационную структуру с личностной активностью и волей. В первом случае человек действует в виде субъекта импульсивного поведения, во втором случае – как субъект волевого поведения [111].

Обобщая вышесказанное, отметим, что мотив определяется двумя границами: потребностью и намерением совершить или осуществить что либо. В контексте намерения включается и побуждение к действию, а так же смысловое суждение и ценностное значение для самого субъекта.

Намерение – мотивационная установка – обладает свойством оставаться в долговременной памяти, оно может проявляться неоднократно вне предшествующей стадии формирования полной структуры мотива. Ряд авторов (В.И. Ковалев, В.Г. Алексеев) относят мотивационную установку к разряду сформированных, но не проявившихся в данный момент потенциальных мотивов.

Говоря о побудительных силах и действенности намерения, особое внимание стоит уделить фундаментальной работе К. Левина, в которой была предложена детально разработанная психологическая объяснительная модель динамики поведения личности. Автор опирался на результаты первых экспериментов (Г.В. Биренбаума, Б.В. Зейгарника, А. Карстена, М. Овсянкиной, Т.В. Тембо).

Представления К. Левина о психодинамике поведения человека отличаются от моделей бихевиоризма и психоанализа – концепции законов и механизмов трансформаций энергии побудительных сил человека в конкретные действия. Потребности он рассматривает как системы, порождающие напряжение, разрядка которого происходит в действии при наступлении подходящего случая. Намерения динамически подобны потребностям, хотя имеют иную природу. Для характеристики их динамической стороны К. Левин вводит довольно точный термин «квазипотребность». В понятие волевых процессов он включает спектр преднамеренных процессов разной степени произвольности, обращая внимание на такой их признак, как произвольное конструирование будущего поля, в котором наступление самого действия должно произойти уже автоматически. Хотя в то же время намерение порождает действие, определяющееся конкретной ситуацией (окружающим полем). К. Левин подчеркивает важность интеллектуальной стороны возникающего побуждения, поскольку именно она влияет на принятие решения человеком.

Согласно К. Левину, цели и намерения человека по своим функциональным и динамическим свойствам стоят в одном ряду с его потребностями и так же, как последние, играют важнейшую роль в качестве побудителей человеческого поведения [70]. К ним же он относил и уровень притязания как важнейшее образование личности.

Следует иметь в виду, что для человека потребность является одной из побудительных сил, детерминирующей его активность (прежде всего психическую), поэтому отрицание взгляда на потребность как на оперативное

состояние, заряженное энергией побуждения, заводит проблему произвольной активности человека в тупик [53].

Дополнительно К. Левин вводит понятие «Aufforderungscharakter», которое можно перевести на русский язык как «характер требования, требовательный характер или побудительный характер». Этот термин означает побудительность или побудитель. Побудительность может быть различной с точки зрения интенсивности и знака (положительного или отрицательного). Однако более важным является то, что объекты побуждают к определенным, более или менее узкоочерченным действиям, которые могут быть чрезвычайно различными, даже если ограничиться только положительными побудителями. Приводимые К. Левином факты свидетельствуют о прямой связи изменений побудительности объектов с динамикой потребностей и квазипотребностей субъекта, а также его жизненных целей [86; 70].

Экспериментальные исследования (Г.В. Биренбаума, Б.В. Зейгарника, А. Карстена, М. Овсянкиной, Т.В. Тембо) установлено, что побуждения, идущие от принятого намерения, обладают динамическими свойствами (силой, напряженностью и др.), что и побуждения, идущие непосредственно от потребности. Потребности человека различаются не только по своему содержанию и динамическим свойствам (сила, устойчивость и пр.), но и по своему строению: одни из них имеют прямой, непосредственный характер, другие – опосредованы целью или сознательно принятым намерением.

Человек, побуждаемый принятым намерением, может действовать даже вопреки непосредственному желанию. Таким образом, намерение организует поведение человека, позволяет ему произвольно действовать с целью удовлетворения своих потребностей, и при этом невозможно рассматривать действие без учета эмоционально-волевого компонента.

В свою очередь Л.И. Божович отмечает, что побудительной силой намерения является синтез двух аспектов: влияния непосредственной потребности и воздействия интеллектуальной активности, посредством которой

человеком осознаются средства, позволяющие достичь удовлетворения потребности. Намерение представляет собой возникающее в процессе психического развития человека новое функциональное образование, в котором в неразрывном единстве выступают аффективные и интеллектуальные компоненты. Л. И. Божович заключает, что намерение организует поведение человека, позволяет ему самостоятельно действовать с целью удовлетворения потребностей. Ценностные ориентации субъекта на будущие цели подчиняют себе промежуточные цели достижения и определяют поведение, эмоции, моральное состояние субъекта [25].

В своей работе Е.Ю. Патяева отмечает, что согласно культурно-исторической парадигме, побуждения человека не предопределены изначально и могут быть существенно разными в зависимости от социальных и культурных условий его жизни, а также и от его собственной жизненной позиции и активной деятельности. В частности, духовные устремления и свобода воли не «даны» человеку изначально, но и не являются эпифеноменами – они, начиная с некоторого этапа исторического развития человечества, могут быть «выработаны» или «обретены» человеком в ходе его жизни (происходит это не всегда автоматически, а лишь при выполнении определенных условий) [111]. Анализируя концепцию человеческих действий П. Жане, Е.Ю. Патяева акцентирует внимание на интересной идее относительно процессов побуждения и мотивирования. Намерение, как она пишет; «представляет собой приказ самому себе («я сделаю это») и знаменует чрезвычайно важный шаг в развитии собственно человеческих процессов побуждения: возникновение наряду с внешними приказами еще и внутренних, т. е. через интериоризацию речевого побуждения» [110, с. 53]. Следовательно, побуждение к запланированной деятельности личности определено социальными, культурными условиями и должно быть осознанным.

Это означает, что аффективными компонентами намерения могут быть названы желание, влечение, потребность, которые вызывают напряжение,

раздражение или удовольствие и т.д., приводящие к эмоциональному возбуждению.

Для интеллектуального компонента характерно построение промежуточного целеполагания, способов и возможностей удовлетворения потребности, осознание мотивации (интеллектуальный-планирующий компонент). В намерении раскрывается устремление человека в будущее, замысел предполагаемого действия, степень осмысленности произвольного действия, волевое принятие решений.

Действенность силы осуществления намерения в рамках динамической теории К. Левина, вероятно, появляется в тех случаях, когда при акте намерения точно устанавливается соответствующий случай и определенный способ выполнения действия. Разумеется, в действительности далеко не каждый акт намерения может содержать точную фиксацию соответствующего случая и определенного способа выполнения действия ввиду отсутствия полного контроля над изменяющимися будущими событиями, зависящими от самой личности. Следовательно, возникновение действенности намерений возможно и при отсутствии предварительного установления соответствующего случая и способа выполнения действия.

Действенность намерения может направляться на другой, не тот, что был установлен в акте намерения, соответствующий случай и вызывает другие, не те, что предусматривались в акте намерения, действия [53].

Итак, намерения как побудители поведения формируются, когда осуществление цели деятельности отсрочено во времени. Когда потребность не может быть удовлетворена непосредственно и требуется достижение промежуточных целей, которые не имеют собственной побудительной силы, намерение является побудителем действий [23, с. 36-37]. Долговременные намерения, подобно мотивационной установке как латентному состоянию готовности к удовлетворению потребности, реализуются в соответствующих

обстоятельствах. Срочные намерения определяют формирование побуждения «здесь и сейчас» [53, с. 150].

Побудительная сила намерения представляет собой синтез двух аспектов: воздействие возникшей потребности и активность, когда человек определят средства и способы, позволяющие удовлетворить потребность. «В этом случае мы имеем дело с новыми функциональными образованиями, представляющими собой нерасторжимое единство аффекта и интеллекта», переживания нужды и интеллектуальной активности.

Действенность силы осуществления намерения ослабевает, когда отсутствует определенность соответствующих случаев и/или способов выполнения; когда возникают иные, чем предусмотренные в акте намерения, подходящие события (адекватные ситуации, замещающие случаи), или же используются другие эквивалентные возможности достижения цели [70, с. 125-130], когда определен ресурс удовлетворения потребности, а цель, выбранная человеком, все дальше сдвигается по времени, повышает свою значимость в сложных противоречивых и непредсказуемых условиях жизни человека [53, с. 60].

1.2. Ценностно-смысловые факторы осуществления намерений личности

В работах российских и зарубежных психологов формирование намерения рассматривается в случаи отдаленности цели деятельности. Исследователи подчеркивают интеллектуальную сторону возникшего побуждения. Именно интеллектуальная активность приводит к принятию решения, отражая устремление человека в будущее. Однако актуальным остается вопрос о причинах

побуждения к деятельности, т.е. определение ценностно-смысловых факторов предполагаемых действий и поступков в отсроченном будущем, их характер намеренности действий. В научных работах, посвященных исследованию намерения, не устанавливается прямое тождество намерения с мотивом и не рассматривается их соотношение. В то же время исследователи делают вывод о наличии у намерения побудительной силы. Таким образом, намерение все же оказывается тесно связанным с мотивацией и мотивом, и невозможно рассматривать его в отрыве от мотивационно-потребностной сферы личности [24; 35; 53].

По мнению А.В. Серого «ведущее положение во многих теориях личности занимает ценностно-смысловая сфера, которое направляет личностное развитие» [123, с. 82]. Учитывая, положение, что «ценностные ориентации» и «система личностных смыслов» являются неделимым системно-структурным образованием, можно утверждать, что они и составляют ценностно-смысловую сферу личности [120; 123]. Смылообразование коррелирует с ценностной системой человека, а ценности в трудах отечественных и зарубежных психологов понимаются как система личностных смыслов, которая способствует дифференциации человеком объектов по и значимости. Важным остается вопрос установления ценностных факторов, участвующих в построении намерений личности [87; 120, 129].

При междисплинарном исследовании ценностей в нашей стране и за рубежом стоит исходить из аксеологической трактовки в философии (Г.П. Выжлецов, Дж. Дьюи, И. Кант). Существует немало различных теоретических трактовок и объяснительных принципов ценностей, ценностных ориентаций: ценность как общественный идеал, ценность как объективированная форма результата материальной и духовной культуры, ценность как источник мотивации. Мы сконцентрируем свое внимание на психологическом генезисе и функционировании ценностей в структуре личности человека как факторе

смыслообразования в построении намерений и попытаемся охарактеризовать данную категорию в рамках одного из явлений мотивационного процесса.

В настоящее время в психологической науке существуют различные теоретических представлений относительно категории ценности в регуляции поведения. Акцентируется значимость ценности для самого субъекта, при этом ценность не сводится с конкретным предметом, а рассматривается как атрибут абстрактного явления и объекта (С.Л. Рубинштейн, 2001). В других работах ценность проанализирована как регулятор поведения социального взаимодействия, осмысленности и принятии социальных норм, атрибут конкретного (Н.М. Лебедева, 2000; Д.А. Леонтьев, 1996; Б.Ф. Братусь, 2002; M. Rokeach, 1968; S.H. Schwartz, 2001, 2002; A. Bardi, 2001 и др.). Исследователи описывают ценность функционирующую в качестве компонента культуры, надындивидуальной реальности (И.А. Джидарьян, 2001, С.Л. Рубинштейн, 2001) и одновременно выделяют как индивидуальные, так и надындивидуальные ценности (Б.С. Алишев, 2005, Д.А. Леонтьев, 2003; Н.М. Лебедева, 2008, M. Rokeach, 1968; S.H.Schwartz, 2010). Во многих работах ценность рассматривается как источник мотивации, устойчивое мотивационное образование (А.Г. Асмолов, 2002; Б.С. Алишев, 2002, Н.М. Лебедева, 2007, Д.А. Леонтьев, S.H. Schwartz, 2001-2014).

Кроме перечисленных выше представлений, обращает на себя внимание теоретическое положение Э. Шпрангера. Ценностную ориентацию он считает основой личности с помощью, которой он познает мир. При этом ценностные ориентации отдельной личности, так и группы людей трактуются как универсалии человеческой природы. Таким образом, подчеркивается двухсторонний процесс освоения субъектом ценностей: с одной стороны, с культурно-историческим опытом развития общества (ценности на групповом уровне), с другой – освоением и преобразованием самим субъектом ценностей на уровне поведения (ценности на индивидуальном уровне).

Иная точка зрения сформулирована в теории личности А. Маслоу: ценности рассматриваются как основа потребностно-мотивационной сферы, без учета культурно-исторического развития общества. А. Маслоу выделяет две группы ценностей – «бытийные» и «высшие» [96].

По мнению М. Рокича ценности необходимо определять как «устойчивое убеждение в том, что конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точек зрения». М. Рокич выделяет два класса ценностей: терминальные ценности – ценность как цель (стремление к конечной цели с личной и социальной точки зрения стоит того и оценивается положительно), инструментальные ценности – ценность как принцип (действие с личной и общественной точки зрения предпочтительнее в любых ситуациях).

Как отмечает В.Ю. Хотинец, в основе каждой социокультурной общности лежит система ценностей, которая определяет главные и сущностные принципы, усвоенные субъектом в процессе инкультурации, и обуславливает его взаимодействие с природой, окружающей действительностью, собой. Ценности культуры имеют устойчивое и стабильное проявление во времени, формируя индивидуальные и групповые убеждения. Исследователь утверждает, что культурные ценности, в основе которых лежит религиозно-мифологическая картина мира, в конечном итоге закрепляют модель единой картины мира, выверяют единые смыслы и определяют, способы общественных связей и стратегию существования социальной общности [183].

Схожей точки зрения придерживается Б.С. Алишев, отмечая, что важно является исследовать социокультурные различия в ценностях и установках различных групп. Рассмотрению этого вопроса посвящены работы Алишева Б.С., Салиховой Н.Р. [11; 114]. По мнению Б.С. Алишева (2005), система ценностей личности – одна из основных составляющих психики, влияющая на характер взаимодействий «субъект-объект» и влияющий на отношение и поведение людей к другим и самим себе. «Ценности отражаются в сознании в форме ценностных представлений и ценностных ориентаций и служат важным фактором социальной

регуляции взаимоотношений людей и поведения индивида. Они занимают определенное место в отношениях людей, принимающих эти ценности в качестве предельных оснований своих мыслей и действий, а также являются той «аксиоматической» основой, на которой выстраивается сама рациональность субъекта» [130]. Б.С. Алишев (2000, 2005) отмечал, что проблема ценности связана с вопросом определением её значения для субъекта, с необходимостью решения различных задач в непрерывной деятельности и взаимодействии с окружающей действительностью [5, с.7].

Итак, развитие личности и мотивационной составляющей невозможно рассматривать в отрыве от культурно-исторического развития общества. Ценности имеют двойственную основу, они социальны т.к. исторически обусловлены и индивидуальны, поскольку в них отображается собственный опыт субъекта [4].

Говоря о роли ценности в потребностно-мотивационной сфере Е.П. Ильин отмечает, что причинами побуждения к осуществлению деятельности могут быть: идеалы, ценностные ориентации, потребности, цели, интересы. Возникновение между человеком и окружающим миром (объектами ценностей) рассогласования (нужды человека в данный момент), по мнению Е.П. Ильина целесообразно называть «потребностной ситуацией», которая является внешним условием возникновения потребности личности [53].

Л.И. Божович подчеркивает, что «устойчиво доминирующие мотивы поведения приобретают для человека ведущее значение и тем самым подчиняют себе все другие его мотивы. Иерархическая структура мотивационной сферы в наиболее развитой ее форме предполагает усвоение определенных моральных ценностей – представлений, понятий, идей, ставших доминирующими мотивами поведения. Цели, поставленные человеком, сознательно принятые им решения и намерения способны подчинить себе непосредственные побуждения, что определяет волевой характер поведения человека. Но в тех случаях, когда усвоенные ценности сами приобретают силу непосредственных побуждений, они

могут определять поведение людей независимо от сознательно принятых решений, непроизвольно подчиняя себе все другие его побуждения, в том числе и неосознаваемые им самим. В этом случае можно говорить о гармонической структуре мотивационной сферы человека, а следовательно, и о гармонической структуре его личности» [24, 25].

Похожей точки зрения придерживается В.С. Магун. Он рассматривает в как потребность жизненные ценности, жизненно важные цели человека, отмечая, что расположение ценности по степени значимости не всегда означает расположение их по силе потребности. По мнению В.П. Тугаринова, ценности есть предмет в виде явления и его свойств, которые важны и необходимы, приняты людьми в качестве средств удовлетворения потребностей и интересов.

Д.А. Леонтьев придерживается той же точкой зрения относительно побуждающей функции ценности, используя в качестве объяснительного принципа предложенную Е.Ю. Патеявой двухуровневую модель мотивации: мотивационные образования «конкретно-ситуативные» (релевантные); «не ситуативные» (обобщенные и устойчивые) и трехуровневую модель структуры мотивации А.Г. Асмолова: источник мотивации, деятельность в конкретной ситуации, регуляция деятельности. По словам Д.А. Леонтьева, «ценности относятся к устойчивым мотивационным образованиям и источникам мотивации, обладают высокой степенью устойчивости и соотносятся с жизнедеятельностью человека в целом, а не ограничиваются конкретной деятельностью» [87, с. 203-204].

Можно сделать вывод, что ценности выполняют функцию регуляции поведения в социальной среде, имеют универсальную и культурно-историческую природу. Ценности отдельной личности, как и социальной группы, задают важнейшие смыслы человеческой жизнедеятельности. Ценности являются основой мотивов поведения, которыми человек руководствуется в течение своей жизни, применяя их как средства решения жизненных задач в социокультурном мире.

Развивая выше заявленное положение о том, что ценностные ориентации и смысловая сфера личности взаимообуславливают друг друга и функционируют как единая система, обратимся как анализу смыслообразования личности. По мнению Д.А. Леонтьева, в отечественной психологии в изучении понятия смысла, наблюдается установка на раскрытие нового методологического статуса в рамках неклассической и постмодернистской психологии. В качестве объяснительного принципа с точки зрения деятельностного подхода понятие личностный смысл, введённое еще А.Н. Леонтьевым, необходимо рассматривать на пересечении трех фундаментальных психологических категорий «деятельности», «сознания» и «личности». Личностный смысл связывает между собой все три фундаментальные психологические категории.

Теоретические положения об источниках порождения и функционировании смысла в рамках теории деятельности были сформулированы в трудах А.Н. Леонтьева («личностный смысл» описывается как один из трех составляющих сознания смысл, значение, чувственная ткань), А.Г. Асмолова («смысловые образования», «динамическая смысловая система» характеризуются как производные от деятельности субъекта, занимаемой им позиции). Составляющими динамической смысловой системы является иерархия личностных смыслов, смысловых установок. Б.С. Братусь пишет об «обобщенных смысловых образованиях», рассматривает смысловую сферу личности как целое, относя также к смысловым образованиям и ценности личности. В.К. Вилюнас описывает «смысловые образования», «вербальный смысл», основной характеристикой которых является отражение отношения вещей к удовлетворению потребностей субъекта, О.К. Тихомирова для характеристики соотношения средств или условий к цели действия использует понятие «операциональный смысл», где смыслообразование происходит по принципу «цель-условие».

В зарубежной психологии еще В. Франкл отмечал, что направленность человеку на поиск смысла человека придает мотивационная тенденция, присущая

каждой личности от рождения, а не рациональное объяснение инстинктивных побуждений. Смысл наделяет существование человека определенным содержанием, задавая канву общей направленности жизни и развитие самой личности. Р. Мэй отмечает, что о смысле необходимо говорить в рамках категорий воли, желания, намерения т.е. интенциях, собственно о слиянии силы (энергии) и смысла которые придают нашим желаниям (намерения), т.е. следует учитывать интенции (собственно слияние силы (энергии) и смысла), которые придают нашим желаниям (намерениям) побудительную силу. «Итенциональность – это «мостик», связывающий ядро сознания с объектами, частично преодолевающий дихотомию субъекта и объекта» [87, с. 53].

Конечно, в данном случае не идет речь о смысле в структуре мотивации, тем не менее исследователи признают важность смыслообразования через построение целеполагания, т.е. намерения. Стоит отметить, что о потребностях, мотивах и интенциях субъекта как источниках смысла с той же точки зрения писали З. Фрейд, А. Адлер, К.Левин, Э. Толмен, Ж. Нюттен, Р. Мэй, Э. Петерфройнд, Р. Харр, А. Голд и Дж. Шоттер [87, с. 67-70].

Говоря о смысле в мотивационно-потребностной сфере с позиции деятельностной концепции, А.Н. Леонтьев, писал, что побудителем направленной деятельности является предмет, отвечающий потребности, предмет в мысленном плане есть мотив деятельности. Говоря о смысле как об отношении мотива к цели, А.Н. Леонтьев отмечал: «Смысл выражается в значениях (как мотив в целях), а не значение в смыслах» [73]. Источником ситуативных смыслов осуществляющейся деятельности могут выступать не только мотивы, но и другие смысловые структуры – смысловые диспозиции и смысловые конструкты [76].

Направленность побуждению придает объект. Объектом считается не только предмет, вещь, но и нечто, составляющее цель, направляющее реализацию побуждения человека. «Опредмечивание потребности», по выражению А. Н. Леонтьева, делает побуждение осмысленным, по сути «побудителем деятельности выступает не сам предмет, а его значение для субъекта». Таким образом

исследователь выделяет смыслообразующее качество мотива. «Предмет действия, – пишет А.Н. Леонтьев, – выступает для субъекта всегда в определенном отношении к мотиву… Это сознаваемое отношение предмета действия к его мотиву и есть смысл действия, форма переживания (осознавания) смысла действия есть сознание его цели. (Поэтому предмет, имеющий для меня смысл, есть предмет, выступающий как предмет возможного целенаправленного действия; действие, имеющее для меня смысл, есть, соответственно, действие, возможное по отношению к той или иной цели). Изменение смысла действия есть всегда изменение его мотивации» [87; 91].

С.Л. Рубинштейн, обратил особое внимание на взаимосвязь индивидуального переживания и знания, которое определяется существующими в языке значениями различных понятий: «фиксированные в языке обобщенные значения, отражающие общественный опыт, приобретают в контексте индивидуального сознания, в связи с мотивами и целями, определяющими речь как акт деятельности индивида, индивидуальное значение или смысл, отражающие личное отношение говорящего – не только его знания, но и его переживания в том неразрывном их единстве и взаимопроникновении, в котором они даны в сознании индивида» [114, с.454].

Многие исследователи (Б.С. Братусь, 2002, Д.А. Леонтьев, 2003 и др.) подчеркивают, что смысловая сфера личности, является иерархичным образованием. Б.С. Братусь, отмечал, что смысловая сфера имеет строение «смысловой вертикали» от прагматических, ситуационных смыслов до трансцендентных смыслов отношения человека к конечным вопросам и смыслам жизни (Б.С. Братусь, 2002).

Понятие смысла у Ф.Е. Василюка находится в границах временной перспективы, как он отмечает, смысл может воплощаться в «смысловом будущем», которое отражается в отношении смысла к реальном, действительному, настоящему. Смысл есть продукт мотивационно-потребностной системы личности. Функцией мотива является смысловообразование, и

побуждение к деятельности. Ценность выступает некой мерой значимости мотивов, смысл является границей сознания и бытия (как времени), идеального и реального, возможности их реализации.

Интересной для нас является идея Ф.Е. Василюка, в которой он предлагает рассматривать личность как «субъективную историю переживаний», одним из элементов которой выступает эмоционально окрашенное переживание. Высшие человеческие переживания воплощаются не в границах адаптации, а в контексте освоения культурных ценностей. Ценность приобщает индивида к надындивидуальной реальности [33, с. 57]. В одной из своих работ С. В. Фролова подчёркивает, что упорядоченные детские впечатления создают основу индивидуального опыта взрослого человека, задавая вектор смысловых установок зрелого человека [161; 162]. Например, интериоризированные детские впечатления от прочтения сказок, мифов своей культуры, задают ценностные ориентиры будущей деятельности и являются источником смыслообразования.

Таким образом, в общем плане, смысл можно определить как взаимосвязь субъекта и объекта, явлением действительности, которое определяется местом и значением для самого субъекта. Смысл выделяет объект картине мира и реализуется в формировании структуры личности, регулирующей её поведение. Смысловая структура личности представляет собой точку слияния двух аспектов психического и личностного (см. рис.1).

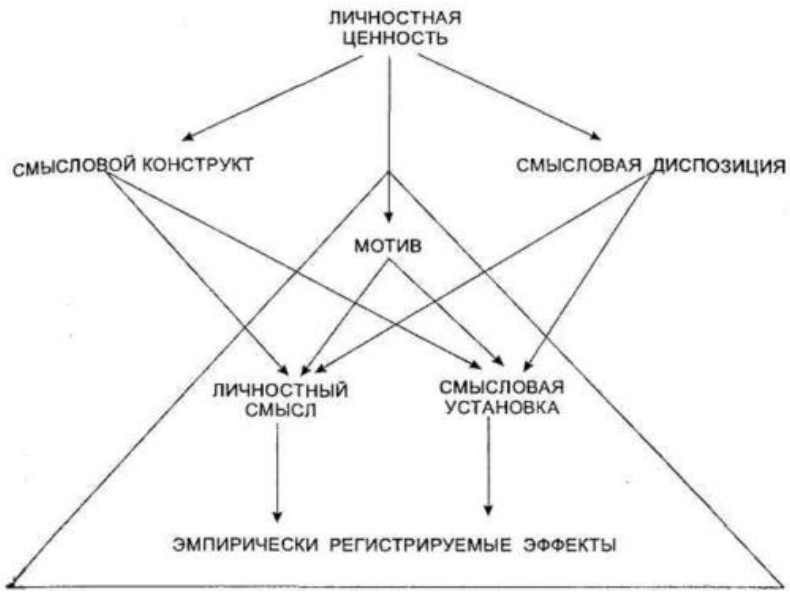

Рисунок 1. Функциональные взаимосвязи смысловых структур Д.А. Леонтьева

По мнению Д.А. Леонтьева, в данной схеме к личностным структурам не относятся: «личностный смысл», «смысловая установка», «мотив», так как они не являются устойчивыми, инвариантными образованиями. Мы можем предположить, обладают трансситуативным характером, что «ценности», «смысловые конструкты» и «смысловые диспозиции» являются устойчивыми факторами намерений личности, которые складываются и функционируют в конкретной деятельности.

Д.А. Леонтьев, в рамках своей системной концепции смысловой реальности, дает определение смысловой сфере личности как особой совокупности смысловых структур. Различные жизненные смыслы, изменяясь в структуре личности, могут принимать разнообразные измененные формы и выступать в разном обличии, при этом находясь в строгой иерархии и логической взаимосвязи. Эти смысловые структуры, есть жизненные отношения субъекта, собственной реальности внутреннего мира человека. Смысловые структуры различаются по областям их функционирования. Функционирование установок и диспозиций происходит в области предметно-практической и психической деятельности, а личностные смыслы и смысловые конструкты реализуются в

сфере сознания, мироотношения человека. Ценности и мотивы связаны с сознанием и процессами деятельности [87, с. 114-117].

Смысл может быть обусловлен направленностью на ценности, сочетаясь с конкретной индивидуальностью личности, в то время как личностный смысл формируется структурой ценностных иерархий отдельного индивида а «ключ» к личностному смыслу заложен в структуре ценностных иерархий каждого индивида. Рассмотрение ценностей как смысловых образований в структуре личности в большей степени отражает их побудительную силу в мотивационно-потребностной сфере.

Подводя итог, необходимо конкретизировать многочисленные смысловые структуры, их взаимосвязи и функции. «Личностный смысл» имеет свое проявление в преобразовании и изменении пространственных, временных и др. характеристик значимых объектов в их образе; «смысловая установка» проявляется в эффектах стабилизирующего влияния на протекание деятельности; «мотив» проявляет себя в направленном побуждении деятельности, имея под собой смысловые основания; «смысловая диспозиция» сохраняет смысловое отношение к объекту после окончания деятельности»; «смысловой конструкт» проявляет себя в смыслообразующем эффекте, не сводясь к мотивационной составляющей, «личностная ценность» выполняет функцию мотивоорбразования, имея источник из социокультурной принадлежности субъекта [87].

Построение намерений личности может быть связано с осознаваемыми формами смысловой регуляции, степенью значимости, важности достижения результата (его психологическими возможностями по ее преодолению). Смысловыми факторами намерений могут явиться потенциальные мотивы, а так же система ценностей, значимые переживания личности, смысловые структуры (смысловые конструкты и смысловые диспозиции).

При рассмотрении вопроса о соотношении ценностных ориентаций и смысловой сферы личности важно отметить, что это два неотъемлемых структурных образования личности, которые выполняют функцию оценки

окружающей действительности, придавая ориентир настоящих и будущих поступков (ценностные ориентации) и наделения значением деятельность личности (смысловая сфера). Исследование ценностно-смысловых факторов позволит понять особенности потребностно-мотивационной сферы личности, с учетом культурно-исторических условий формирования ценностей и смыслов.

В ходе теоретического исследования установлено, что ценности личности являются устойчивыми мотивационными образованиями и ведущими источниками значимых для человека жизненных смыслов. Они внутренне побуждают к действию и определяют его границы. При этом ценности личности выполняют функцию оценки реальных явлений, ориентации, мотивации и выступают в качестве регулятора поведения и деятельности, а смысл отражает отношение субъекта (личная значимость) и предмета деятельности как непосредственного ее результата (целью). Намерения и сознательно принятые человеком решения могут подчинить себе его непосредственные побуждения. Усвоенные ценности способны преобразовываться в непосредственные побуждения и определять поведение человека независимо от сознательно принятых решений, подчиняя себе другие побуждения. Можно допустить, что ценность (полезность) и смысл (личностная значимость) могут выступать факторами осуществления намерений личности, синтезируя его аффективный и интеллектуальный компоненты.

1.3. Принудительная социальная изоляция как трудная жизненная ситуация в реализации намерений личности

С момента рождения человеку приходиться сталкиваться с различными трудными жизненными ситуациями, на разных возрастных этапах жизни, в

разных сферах деятельности, в составе различных социальных и культурных групп. В жизни каждого субъекта могут возникнуть неконтролируемые и не спрогнозированные обстоятельства, когда привычная реакция на внешние воздействия невозможна, такие обстоятельства в свою очередь, влекут за собой нарушение спланированных намерений, замыслов, целей, изменение прежнего уклада жизни. При анализе событий, характеризующих жизненные трудности, исследователи оперируют понятиями «кризисная», «экстремальная», «трудная» ситуации. Эти ситуации отличаются по степени угрозы для самой личности, по характеру субъективной оценки ситуации и задействованных ресурсов для её преодоления.

В сфере социального обслуживания населения принята следующая формулировка категории «трудная жизненная ситуация»: это ситуация, «объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина (инвалидность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, сиротство, безнадзорность, недостаточная обеспеченность, безработица, отсутствие определенного места жительства, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество и т.д.), которую человек не может преодолеть самостоятельно» [154]. Разумеется, данная характеристика трудной жизненной ситуации не является полной и всеобъемлющей, и в ней затрагиваются только объективно наблюдаемые (внешние) причины, которые могут приводить к нарушению деятельности, к отрицательным эмоциям и переживаниям, дискомфорту. Эти условия могут иметь негативные последствия для развития личности.

С точки зрения психологической науки, сущность поведения человека в трудной жизненной ситуации можно понять, только выяснив содержание и структуру обстоятельств, причин, социальных условий, препятствующих нормальной жизнедеятельности, во-первых, с позиции возникших внешних условий ситуации, а во-вторых, в контексте индивидуальных особенностей

людей, связанных с оценками ими различных социальных ситуаций как трудных, и активного взаимодействия личности и среды.

В настоящее время в психологической науке существует немалое количество классификаций тех ситуаций, которые можно считать препятствием в реализации намерений личности. Для нашего исследования, наравне с обычными ситуациями, представляют интерес трудные ситуации, являющиеся особым случаем психологических ситуации: «экстремальная ситуация, трудная ситуация, критические поворотные события, кризисная ситуация, критическая ситуация, травматические события, напряженная ситуация» [19].

Проблема «человек в трудных жизненных ситуациях» исследуется в рамках психологии личности, социальной психологии и т.д. Анализ преодоления трудных жизненных ситуаций в контексте психологической защиты определяли (А. Фрейд, Л.И. Вассерман, Ф.Е. Василюк, Р.М. Грановская, И.М. Никольская, Н. Хаан, Н. Эндлер, Э.Г. Эйдемиллер, Д. Паркер, Дж. Пери); социально-психологической адаптации (Ф.Б. Березин, Б.Д. Парыгин, А.А. Реан, Т.В. Середа, А.А. Налчаджан, С.А. Шапкин); совладания со стрессами (В.А. Бодров, А. Биллинг, С. Карвер, С. Кобаса, Б.Е. Компас, Р. Лазарус, Ш. Фолкман); активности и ее роли в преодолении жизненных трудностей (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова, А.К. Белоусова, А.В. Брушлинский, А.Н. Дёмин, В.В. Знаков, Т.Л. Крюкова, Б.Ф. Ломов, В.А. Петровский, С.Л. Рубинштейн); исследованием трудной жизненной ситуации с позиции внутренней активности личности и внешних условий, изучали (Б.С. Братусь, Л. Ф. Бурлачук, Ф. Е. Василюк, Е. Е. Данилов, К. Муздыбаев, М. Тышкова) и т.д.

В настоящее время исследователи делают акцент на изучение трудных ситуации через механизм преодоления в различных специфических условиях. Например, описаны ситуации преодоления семейных трудностей (А. Кочарян, Т.Л. Крюкова, А. Либина, Э.Г. Эйдемиллер), трудностей связанных с учебной и профессиональной деятельности (В.А. Бодров, Т.Л. Крюкова, В.И. Моросанова),

особенности саморегуляции в ситуации потери работы (А.К. Осницкий), в учреждениях закрытого типа (В.Ю. Кандратьев, М.И. Еникеев и т.д).

Как показал Ф.Е. Василюк, в контексте своей модели жизненного мира, трудность есть объективная онтологическая характеристика внешнего мира, в котором мы живем. Внешний мир, согласно этой модели, может быть трудным или легким. Легкий внешний мир – тот, в котором все наши желания беспрепятственно выполняются. «Трудный» внешний мир – тот, где поставленные задачи, превышают по своей сложности имеющиеся в арсенале возможности, для их выполнения, что и является по своей сути трудной жизненной ситуацией с позиции внешних условий (например, условия принудительной социальной изоляции) [33].

В работе, посвященной развитию личности в затрудненных условиях, Д.А. Леонтьев обращает внимание на психологическую ситуацию включения внутренних ресурсов человека и его переход от образа пассивной личности, управляемой диспозициями и внешней стимуляцией, к образу активной личности, ставящей цели и стремящейся к их достижению. «Ресурсы соотносятся с задачами, это то, наличие чего облегчает решение задачи, а отсутствие или недостаток – затрудняет ее решение. Ресурсы есть только там, где есть задача, цель. Для того, у кого нет никаких целей и задач, ресурсы не существуют. Недостаток ресурсов создает трудности. Понятие «трудность» является в данной модели ключевым. Оно означает, что решение задачи сопряжено с большей затратой разного рода ресурсов и меньшей уверенностью в успехе, чем решение нетрудной задачи» [90, 91].

Л.И. Анцыферова в своих работах отмечала, что у субъектов оказавшихся в трудных жизненных ситуациях почти всегда проявляется высокая приспосабливаемость к неблагоприятным обстоятельствам, а так же воля к жизни. Эта идея самоорганизации личности, высказанная ею очень давно, побуждает внимательнее относиться к внутриличностным и средовым ресурсам человека, которые нередко лишь в трудной ситуации себя и обнаруживают [106, с. 36].

По мнению А. А. Бодалева, в экстремальной ситуации, первостепенное значение для человека имеет, ценностная категория опасности, например угроза здоровью, жизни, сохранности. Эмоциональное состояние, в котором пребывает человек, столкнувшись с экстремальной для него ситуацией, также существенный субъективный фактор, от которого зависит, какое решение примет и какие действия будет предпринимать. «Люди, попавшие в экстремальную ситуацию, различаются степенью сформированной у них воли, появляющейся в выраженной способности сохранять присутствие духа и искать достойный в нравственном отношении и продуктивный по результатам выход из создавшейся ситуации». По его словам, экстремальные ситуаций разного типа поддаются преодолению, когда человек располагает очень определенным жизненным опытом и у него сформировались психические качества, помогающие победить все сложности, которые создает конкретная ситуация [22, с. 34-37]. Иными словами, трудная жизненная ситуация приобретает свое значение тогда, когда с меняющимися условиями деятельности не позволяют справиться те способы активности, которые имеются в арсенале человека.

По мнению Н.Г. Осуховой, к трудным жизненным ситуациям можно отнести такие ситуации, когда «в результате внешних воздействий или внутренних изменений происходит нарушение адаптации человека к жизни, в результате чего он не в состоянии удовлетворять свои основные жизненные потребности посредством моделей и способов поведения, выработанных в предыдущие периоды жизни» [109, с. 29].

М. Тышкова определяет трудные ситуации «как особый случай психологических ситуаций, о котором можно говорить тогда, когда система отношений личности с ее окружением характеризуется неуравновешенностью либо несоответствием между стремлениями, ценностями, целями и возможностями их реализации, либо качествами личности. Исследователь выделяет несколько групп таких ситуаций: трудные жизненные ситуации (болезнь, опасность инвалидности или смерти); трудные ситуации, связанные с

выполнением какой-либо задачи (затруднения, противодействие, помехи, неудачи); трудные ситуации, связанные с социальным взаимодействием (ситуации «публичного поведения», оценки и критика, конфликты, давление, и т.п.)» [41].

В исследовании Е.В. Битюцкой было установлено, что трудную жизненную ситуацию как психологическую категорию отличают общие и частные признаки. Общие признаки: значимость ситуации; беспокойство, эмоциональные переживания, вызванные ею; повышенные затраты собственных ресурсов для совладания с ситуацией. К частным признакам исследователь относит неподконтрольность, неопределенность, трудность в прогнозировании, в принятии решения. Частные признаки могут варьироваться в зависимости от типа ситуации и особенностей личностных [19]. По мнению Е.В. Битюцкой необходимой характеристикой трудной жизненной ситуации, «является когнитивное оценивание, которое представляет собой процесс ее субъективного восприятия и интерпретации, результатом которого является субъективная картина ситуации, представленная в сознании индивида. Это предполагает оценивание: субъективной трудности, значимости, стрессогенности, степени прогнозируемости и подконтрольности ситуации; потерь, которые с нею связаны; вариантов решения; собственных возможностей (физических, психологических, интеллектуальных, моральных, временных) и опыта преодоления трудной жизненной ситуации» [19, с. 88].

А.М. Столяренко разделяет типы ситуаций по степени трудности их преодоления, нормальные, параэкстремальные, экстремальные и гиперэкстремальные (в зависимости от требуемой активности и от позитивности достигаемого результата). Нормальные (обыденные) ситуации – это те, в которых не создается трудностей и каких-либо опасностей, а требуется обычная активность человека. Такие ситуации разрешаются, как правило, без травмирующих последствий для личности. Свойство параэкстремальных ситуаций – вызывать сильное внутреннее напряжение. Такие ситуации могут

повлечь неудачи. При экстремальных ситуациях у человека возникает предельное внутреннее напряжения или перенапряжения. Они ставят перед личностью большие объективные и психологические задачи. В экстремальных ситуациях вероятность успеха в осуществлении деятельности значительно снижается, и увеличивается риск негативных последствий (угрозы) для личности [106, с. 16].

Ф.Е. Василюк отмечает: тип критической ситуации «определяется характером состояния «невозможности», в котором оказалась жизнедеятельность субъекта. «Невозможность» же эта определяется, в свою очередь, тем, какая жизненная необходимость, оказывается парализованной в результате неспособности имеющихся у субъекта типов активности справиться с наличными внешними и внутренними условиями жизнедеятельности». Совокупность этих состояний влечет за собой невозможность реализации человеком мотивов, стремлений, ценностей» (см. табл.1) [33].

Ф.Е. Василюк подчеркивает, что «суть стресса состоит в отрицании неспецифичности ситуаций, порождающих стресс. Не любое требование среды вызывает стресс, а лишь то, которое оценивается как угрожающее, которое нарушает адаптацию, контроль, препятствует самоактуализации» [33, с. 33]. Категориальное поле, которое стоит за понятием стресса, В.К. Вилюнас обозначает термином «витальность», понимая под ним неустранимое измерение бытия, «законом» которого является установка на здесь и теперь удовлетворение потребностей низшего порядка. Говоря о фрустрации, Ф.Е. Василюк выделяет её необходимые признаки: существование большой заинтересованности (желания) достичь цели (удовлетворить потребность) и в то же время наличие препятствий, мешающих достижению, барьеры. Барьеры, преграждающие путь индивида к цели, могут быть физические (например, стены тюрьмы), биологические (болезнь, старение), психологические (страх, интеллектуальная недостаточность) и социокультурные (нормы, правила, запреты). В.П. Зинченко и Б.Г. Мещярекова утверждают, что потребность, актуализироанная в данный момент, и осознание невозможности ее неудовлетворения, вызывает состояние фрустрации. Конфликт

возникает тогда, когда субъективно невозможны ни компромисс между противоречащими побуждениями, ни выход из состояния конфликта [33, с. 37-43].

Среди различных обстоятельств, приводящих к кризису, исследователи отмечают смерть близкого человека, тяжелое заболевание, отделение от родителей, семьи, друзей, изменение внешности, смену социальной обстановки, неожиданные изменения социального статуса, женитьбу и т.д. [33, 197, 198]. Теоретически жизненные события квалифицируются как ведущие к кризису, в случае, когда они «создают потенциальную или актуальную угрозу удовлетворению фундаментальных потребностей» и при этом ставят перед индивидом проблему, «от которой он не может уйти и которую не может разрешить в короткое время и привычным способом» [33, с. 46]. Все это указывает на то, что пребывание в условиях социальной депривации приводит к кризису т.к. резко изменяется социальный статус, обстановка, происходит отделение от близких, а разрешение запланированных целей и задач невозможно в короткое время и привычным способом.

Развивая теорию кризиса, Ф.Е. Василюк вводит категорию индивидуальной жизни, понимаемой как развертывающееся целое, как жизненный путь личности. Под кризисом исследователь понимает критический момент и переломный пункт жизненного пути. Ф.Е. Василюк выделяет два типа кризисных ситуаций, которые различаются по степени существующей возможности реализации внутренней, жизненной необходимости. В кризисной ситуации первого типа может быть сильно затруднена и осложнена реализация какого-либо замысла, о все-таки сохраняется возможность выхода из испытания, без ущерба для своего жизненного замысла. В ситуации второго типа собственно кризисе, реализация жизненного замысла становится невозможной. Результатом переживания этой ситуации может стать «перерождение» личности или возникновение нового жизненного замысла, новых ценностей, новой поведенческой стратегии, нового образа Я.

Таблица 1

Типология критических ситуаций (Василюк Ф.Е.)

Онтологическое поле	Тип активности	Внутренняя необходимость	Нормальные условия	Тип критической ситуации
«Витальность»	Жизнедеятельность	Здесь-и-теперь удовлетворение	Непосредственная данность жизненных благ	Стресс
Отдельное жизненное отношение	Деятельность	Реализация мотива	Трудность	Фрустрация
Внутренний мир	Сознание	Внутренняя согласованность	Сложность	Конфликт
Жизнь как целое	Воля	Реализация жизненного замысла	Трудность и сложность	Кризис

Ф.Е. Василюк отмечает, что «конкретное событие вызвать одновременно и стресс, и фрустрацию, и конфликт, и кризис» [33, с.48]. Однако конкретная критическая ситуация не является застывшим образованием, она имеет сложную внутреннюю динамику, в которой различные типы ситуаций невозможности взаимовлияют друг на друга через внутренние состояния, внешнее поведение и его объективные следствия.

Итак, трудную жизненную ситуацию можно определить как состояние невозможности реализации человеком жизненных необходимостей (намерений, стремлений и ценностей), в результате чего могут возникнуть внутренние состояния стресса, фрустрации, конфликта и кризиса. Трудная ситуация возникает тогда, когда имеющиеся в арсенале человека типы активности и имеющиеся ресурсы не помогают ему справиться с изменившимися условиями жизнедеятельности, особенно когда человек сталкивается с ними впервые. Признаками трудной ситуации могут выступать: значимость ситуации для

субъекта, эмоциональные переживания, завышенные затраты собственных ресурсов (общие) и не подконтрольность, неопределённость, трудность в прогнозировании (частные).

Учитывая теоритические положения Ф.Е. Василюка, где тип критической ситуации должен характеризоваться состоянием невозможности реализации личностью внутренних необходимостей своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей); А.А. Бодалева, где трудность ситуации определяется наличием опыта преодоление именно такого рода ситуаций; Д.А. Леонтьева, где предполагаемое решение задачи сопряжено с большей затратой разного рода ресурсов и меньшей уверенностью в успехе. Нам необходимо установить признаки принудительной социальной изоляции, как трудной жизненной ситуации.

Определяя категориальное поле социальной изоляции, Т.И. Миронова отмечает, что понятия «депривация», «сепарация», «изоляция» близки по смыслу. Изоляция обозначается как депривационная ситуация, как внешнее условие, выступающее ограничением или лишением, утратой. Явная форма депривации имеет внешнее условие: пребывание человека в условиях социальной изоляции, длительное одиночество и т.п. Исследователь подчеркивает, что люди, попавшие в ситуацию изоляции от общества, могут по-разному ее переживать, и последствия для их психики будет тоже различными [98, с. 6].

В.Ю. Кондратьев в своей работе предлагает социально-психологические характеристики закрытых сообществ и рассматривает специфику социальных ситуаций, которые могут выступать препятствием (барьером) на пути реализации намерений человека. Например, к трудной жизненной ситуации можно отнести принудительную социальную изоляцию, где группа людей подвергается своеобразному временному остракизму (осужденные в условиях различных исправительных и воспитательно-трудовых учреждений), когда вне зависимости от желания людей, против их воли общество обособляет их, изолируя в рамках закрытых групп, в отличие от самостоятельного выбора (одиночное плаванье, длительное нахождение под водой, экспедиции) [61, с. 61-65]. В работе В.

Франкла описаны три психологические специфические фазы, которые проходит человек, помещенный в места принудительной социальной изоляции: 1) «фаза шока поступления»; 2) «фаза адаптации»; 3) «фаза освобождения». [160, с. 87].

Человек, находящийся в нормальных (обыденных) условиях, когда не создается трудностей и опасностей и требуется обычная активность, может свободно прогнозировать будущее и контролировать происходящее. Попадая в условия принудительной социальной изоляции в пенитенциарные учреждения закрытого типа впервые, человек оказывается перед необходимостью адаптации к разным факторам, таким как: однообразность существования в стенах тюрьмы, нарушение биоритмов организма, сдвиг пространственно-временных ориентиров, требования соблюдения режима, отсутствие свободного доступа к информации, ограничение общения с внешним миром. Все эти факторы приводят к дезадаптации человека и дезоорганизации прежнего уклада жизни, что указывает на наличие препятствия в реализации внутренних необходимостей человека. Новые требования, предъявляемые в условиях изоляции, характеризуются разрушением прежних связей и планов, межличностными конфликтами, что повышает затраты психических и психологических ресурсов, создавая трудность в их преодолении. Отсутствие определенного опыта повышает эмоциональную значимость происходящих событий и, как следствие, создает эмоциональную напряженность (стресс). Ф.Е. Василюк отмечал по этому поводу «затруднения при попытке достичь некоторой цели в силу продолжительного неудовлетворения потребности могут вызвать нарастание стресса, которое, в свою очередь, отрицательно окажется на осуществляемой деятельности и приведет к фрустрации; далее агрессивные побуждения или реакции, порожденные фрустрацией, могут вступить в конфликт с моральными установками субъекта». В условиях пенитенциарной системы, будь то «необходимости» или интенции личности, существовавшие в обыденных условиях, приобретают большую значимость из-за невозможности их реализации ввиду физического временного ограничения [33].

Итак, трудная жизненная ситуация возникает в результате внешних воздействий (трудностей и усложнений среды), где может нарушаться способность человека к адаптации. Это находит свое отражение в различных состояниях, переживаемых личностью в новых средовых условиях. К тому же недостаток или повышенные затраты ресурсов, отсутствие опыта преодоления (внутренние условия) создает трудности в реализации внутренних необходимостей.

Принудительная социальная изоляция является для человека ограничением или лишением на пути к реализации намерений. В условиях изоляции перед человеком встает первостепенная задача биологической, социальной, психической и психологической адаптации. к новым условиям, и возникает необходимость поиска нужных ресурсов для решения задачи преодоления специфических условий об этом писали (А.А. Бодалев, Ф.Е. Василюк, Д.А. Леонтьев).

Личность, попадая впервые в условия принудительной социальной изоляции (пенитенциарные учреждения закрытого типа), оказывается в обстоятельствах, затрудняющих осуществление замыслов и намерений из-за недостатка имеющихся ресурсов и малой уверенности в возможном успехе, из-за отсутствия полного контроля, возможности прогнозировать жизнь и свободы в принятии решения и осуществления действия. Поэтому, пребывание в условиях принудительной социальной изоляции (первичное нахождение в пенитенциарных учреждениях закрытого типа) можно рассматривать как трудную жизненную ситуацию со стороны внутренней активности (нарушение адаптации, волевой регуляции, планирования детальности и др.) и внешних условий ограничения (социальной депривации).

1.4. Концепция метаиндивидуального этнокультурного мира В.Ю. Хотинец как методологическая основа изучения ценностно-смысловых факторов намерений личности в трудных жизненных ситуациях

Взаимодействие ценностей культуры и личности, культуры и социальной группы является предметом исследования как в отечественной науке (В.В. Гриценко (2011, 2013, 2014,2015), Н.М. Лебедева (2010, 2012, 2014), Д.А. Леонтьев, Г.У. Солдатова (2009-2014), Т.Г. Стефаненко (2005-2013), В.Ю. Хотинец (2010, 2013, 2015) и др.), так и за рубежом (G.Hofstede (1984), C. Kluckhohn F.L. Strodtbeck (1961), D. Matsumoto (2010), M. Rokeach (1973), S.H. Schwartz, W. Bilsky (2010, 2012), F. Trompenaars, F., Hampden-Turner (2004) и др. [см. 130]).

Исследование взаимодействия ценностей культуры и свойств индивидуальности нашло отражение в концепции метаиндивидуального этнокультурного мира В.Ю. Хотинец (2000-2015). С позиции В.Ю. Хотинец, этническая индивидуальность обретает свою актуализацию в пространстве метаиндивидуального этнокультурного мира. Этническая индивидуальность формируется в интегральное целое, во-первых, посредством внешней детерминации этническими значениями объектов мира, в результате которой образуются этнотипические свойства, во-вторых, посредством внутренней детерминации этническими смыслами, опосредующая роль которых приводит к формированию этноиндивидуальных свойств. Этническую индивидуальность в структурном плане можно рассматривать как единство этнотипических и этноиндивидуальных свойств, внешне и внутренне обусловленных активностей, а также субъективируемых ею этнических значений и объективируемых ею этнических смыслов [167].

Вхождение в свой этнокультурный мир подразумевает овладение и усвоение культурных ценностей, этнических значений и смыслов. Согласно мнению многих ученых, ценности, доминирующие в обществе – это ядро культуры (Н.М. Лебедева, А.Н. Татрко, В.Ю. Хотинец, W. Bilsky, G. Hofstede, H. Schwartz и A. Bardi др.). В них выражены представления членов общества о том, что желательно в данной культуре, т.е. культурные идеалы. Главный элемент системы культурных ценностей – ценность как идеал, которая отвечает за согласованность разных аспектов культуры. По мнению К. Клакхон и Ф. Стродбека, ценностные ориентации – «сложные, определенным образом сгруппированные принципы придающие направленность мотивам человеческого мышления и деятельности». Основная идея К. Клакхона состоит в том, что, несмотря на исключительное многообразие, всем культурам присущи общие фундаментальные ценности. Многие подходы к изучению ценностей базируются именно на этой теории, (например, подходы М. Рокича и Ш. Шварца [68]).

В рамках теории универсального содержания и структуры ценностей Ш. Шварца [213], Н.М. Лебедевой [68] культурные ценности рассматриваются как понятия или убеждения, имеющие отношение к желательным конечным состояниям или поведению, превосходящие специфические ситуации, управляющие выбором или оценкой поведения и событий, упорядоченные по степени важности.

Как отмечают Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко, современные подходы в психологии, наряду с концентрацией культурных различий, нацелены на поиск универсалий, на то, что является неизменным в психологии людей, принадлежащих к разным культурам. Ценности, которые доминируют в обществе как основной культурный компонент, и индивидуальные ценности личности проявляют себя в основных целях поведения. Таким образом, сквозь призму анализа ценностей можно отчетливо увидеть изменения, происходящие в культуре и личности в ответ на исторические и социальные перемены [68].

В психологической науке ценности исследуют в двух различных аспектах: индивидуальном и культурном.

На индивидуальном уровне ценности рассматриваются как основа формирования мотивов деятельности. Соотношение различных ценностей демонстрируют психологическую динамику согласия и конфликта, переживаемую людьми в процессе ежедневной актуализации своих ценностей. [68; 203]. Шварц объясняет это: главный содержательный аспект, отделяющий ценности друг от друга, это тип мотивации, в которой они отражаются.

Культурные ценности группового уровня определяют способы решения разными обществами базовых проблем регулирования человеческой деятельности. Согласно Ш. Шварцу, когда ценности используются для характеристики культур, исследуются разделяемые в обществе абстрактные идеи о том, что считается хорошим, правильным и желательным в обществе или культурной группе. Социальные институты в своих целях и способах деятельности выражают приоритетные культурные ценности. Когда люди выполняют свои роли в социальных институтах, они обращаются к культурным ценностям, решая, какое поведение будет соответствующим, и оправдывая свой выбор в глазах других. На основе ценностей, которые принимаются и исповедуются в определенном культурном сообществе, люди строят свои отношения, устанавливают главные проблемы, планируют и мотивируют свою деятельность по собственному решению. Способы решения этих проблем могут быть использованы в качестве измерений, по которым культуры отличаются одна от другой [65].

В каждой культуре, на что обращает внимание М. Мид, существует модель совершенного человека, своеобразный идеал. Адаптивная функция культуры как раз и проявляется в том, что идеальный тип личности наделяется необходимыми для оптимального функционирования этноса чертами [130].

В своей работе Т.Г. Стефаненко подчеркивает, культурную обусловленность поведения в ритуалах (общих, автоматических способах

поведения) поскольку они представляют собой результат принятия группой людей общих культурных ценностей, норм поведения, общения. Исследователь отмечает опосредованное влияние культуры на поведение людей – через ценности, нормы, роли, социальные, когнитивные процессы, обычаи. Культурное своеобразие влияет на способы получения в процессе общения, на выбор мотивационных стратегий, особенностей урегулирования конфликтов и в целом на личность, самовосприятие и её социальное отношение, аффекты (эмоции и чувства) и навыки взаимодействия с другими [128].

Г.У. Солдатова (1998) обращает внимание на то, что в самом общем понимании в психологии существует два уровня сравнения ценностей – на основе системы ценностей одной какой-либо культуры и универсальной межкультурной системы ценностей. Изучение культур в диапазоне различных измерений предполагает исследование набора ценностей, специфичных для каждой культуры. Знание такой культурной специфики важно для прогнозирования индивидуального и группового поведения в различных ситуациях. Следовательно, для проведения исследований ценностно-смысловой сферы личности необходимо учитывать особенности культуры в двух направлениях [127].

А.В. Сухаревым разработан этнофункциональный теоретико-методологический подход к изучению психики человека на современном этапе культурно-исторического развития. Этносреда может рассматриваться как идеальный прообраз культуры и психологии общества, ландшафта, животного и растительного мира, биологии человека, духовных (трансцендентных) сущностей (духи природных стихий, Бог). Продуктивным может быть использование этнофункциональной методологии, в которой базовым понятием является ментальность этносреды. Согласно принципу этнофункциональности, каждая составляющая ментальности (представления, отношения и пр.) наделяется этноинтегрирующей или этнодифференцирующей функцией по отношению к тому или иному этносу или системе этносов [131].

Таким образом, этнокультурный мир корреспондируется ценностями культуры, являющимися в психологическом смысле его фундаментальным внутренним содержанием (Н.М. Лебедева [68]; В.Ю. Хотинец [177]; S. Schwartz [223]; D. Matsumoto [204], Д.А. Леонтьев [81]).

Проблема культурной опосредованности поведения и деятельности с позиций концепции метаиндивидуального этнокультурного мира рассмотрена В.Ю. Хотинец в ряде проведенных исследований.

В рамках концепции метаиндивидуального этнокультурного мира В.Ю. Хотинец проведено эмпирическое исследование согласованности социальных и культурных ценностей в регуляции поведения удмуртов, приводящей к изменениям в поведенческой сфере. Обнаружено, что такая согласованность социальных и культурных ценностей приводит к изменениям в поведенческой сфере и выполняет регулирующую функцию в поведении этнических субъектов. При условии рассогласования социальных и культурных ценностей испытуемых, приобщающихся к иной социокультурной среде, оказывает эффекты на поведенческие паттерны, отличающиеся дизъюнктивными проявлениями: подозрительностью, тревожностью, доминантностью, соперничеством; заниженной нормативностью поведения, завышенной социальной сопротивляемостью. Фактор приобщения к иной социокультурной среде приводит к повышению нонконформизма. В этой ситуации рассогласовании социальных и культурных ценностей в ходе приобщения к иной социокультурной среде происходит снижение социальной смелости: социальной активности и социального взаимодействия [130; 177].

Исследование профессиональной рефлексии личности в условиях этнокультуры (оно было проведено в среде работников образования Удмуртии) выявило адаптивные ценности социальной направленности – в удмуртской группе и инструментальные ценности индивидуальной направленности – в русской. Эти ценности посредством оказания «эффектов» запускают самоорганизацию личности в социуме. Таким образом, самоорганизация осуществляется средствами

сообщества – у удмуртов; активизирует самоорганизацию субъекта, его рефлексивные возможности – у русских [149; 180; 184].

В исследовании психологических особенностей учебно-познавательной активности студентов удмуртской и русской этнических групп обнаружены различия в предпочитаемых ценностях студентов-удмуртов и студентов –русских. У студентов – удмуртов была выявлена, коллективистская направленность (ценности социальных отношений), которая способствовала установлению и поддержанию группового единства и гармонии. У студентов-русских преобладали ценности индивидуалистической направленности (ценности регуляции поведения и отношения к миру), активизирующие процесс личностного роста и интеллектуальное развитие, стремление к достижениям и психологическому благополучию [102; 187].

Исследуя ментальность удмуртского народа, В.Ю. Хотинец установила согласование между религиозно-мифологическими представлениями удмуртов народа и культурными ценностями этнических субъектов – носителей культуры (этнические субъекты с развитым этническим самосознанием). В.Ю. Хотинец отмечает, что этнотипические особенности поведения личности объективированы в культуре народа – продукте особенного этногенеза общности (религиозно-мифологические представления, ценности, образцы типичного для данной культуры поведения), овладение которым происходит в процессе социализации. Этническая функция культуры, служит важнейшей цели - психологической защите индивида, данная цель дает ему возможность сформировать некую картину мира, которая позволит безопасно планировать и выполнять деятельность в противоречивых обстоятельствах жизни. Культура как источник интерраризированных образований включает в себя нормативные идеалы поведения, ценности и установки. Этнокультурные ценности, ставшие внутренними регуляторами поведения, являются основой самоопределения людей в группе, способом самосохранения в мире культурного многообразия. Религиозно-мифологические представления как внутренний защитный стержень

от безнадежности и бессмысленности существования осуществляют функцию усложняющегося упорядочения внутреннего мира человека для самоорганизующегося определения во внешнем [183].

Д.А. Леонтьев (2005) в своих исследованиях отмечает, что ценности выполняют смыслообразующую функцию и усваиваются личностью – субъектом культурных групп и этнических общностей – от семьи до человечества в целом. По его мнению, развитие и функционирование личностных смыслов и ценностных ориентаций носит взаимосвязанный и взаимодетерминирующий характер, ценности одновременно являются и источниками, и носителями значимых для человека жизненных смыслов. Развитие смысловой сферы может быть опосредовано социальными общностями и их ценностями. Развитие ценностной регуляции возможно рассматривать как процесс усвоения и интеграции ценностей социальных групп в структуре личности. Усвоение социальных ценностей и их трансформацию в личностные ценности, можно исследовать с двух позиций: во-первых, с позиции интериоризации (направленности от ценности социальных групп к личностным ценностям), во-вторых, с позиции социализации (движения от структуры индивидуальной мотивации к социальным ценностям) [88].

Опираясь на один из принципов «интегральной психологии» K. Wilbera (2004) «ориентирующего обобщения» – интеграторов, позволяет нам «сравнивать базовые положения рассматриваемых теорий на минимальном допустимом уровне абстракции» [51, с. 50–51], мы соотнесли базовые положения концепции личностных смыслов Д.А. Леонтьева и концепции метаиндивидуального этнокультурного мира В.Ю. Хотинец. На основе принципа двойственности качественной определённости, этническая индивидуальность в концепции В.Ю. Хотинец, рассматривается как полисистемное образование, имеющее этнокультурную (этнотипическую) и этноиндивидуальную формы, объектный и субъектный способ существования. В функциональном плане, с одной стороны, этноиндивидуальность отражает усвоение личностью этнических значений мира

(социальных, культурных ценностей по Д.А. Леонтьеву, Н.М. Лебедевой) посредством внешних источников детерминации, обретая объектный способ существования, с другой – отражает трансляцию индивидуальностью этнических смыслов (личностных ценностей по Д.А. Леонтьеву и ценностей на индивидуальном уровне Н.М. Лебедевой) объектам мира посредством внутренних источников детерминации, обретая субъектный источник существования. Согласование концепции личностных смыслов Д.А. Леонтьева и концепции метаиндивидуального этнокультурного мира В.Ю. Хотинец в связи с основными положениями теории культурных ценностей (по тексту проверить) Ш. Шварца и Н.М. Лебедевой, позволяет изучать ценностно-смысловые факторы намерений личности в трудных жизненных ситуациях.

Итак, ценностно-смысловые факторы намерений личности в диссертационной работе, возможно, изучать в аспекте внутренней (индивидуальных ценностей и личностных смыслов) и внешней детерминации (культурных ценностей и значений). В результате чего, концепция метаиндивидуального этнического мира В.Ю. Хотинец является основанием для определения теоретико-методологических позиций диссертационного исследования.

Итак, по результатам теоретико-методологического анализа проблемы исследования можно сделать следующие выводы по 1 главе.

Результаты теоретического исследования показывают, что в психологической науке под намерением понимается побуждение к сознательному планированию деятельности. Намерение непосредственно связано с мотивационной структурой личности и оно может выступать в качестве побудителя поведения. Формирование намерения происходит только тогда, когда цель деятельности отдалена и ее достижение отсрочено во временном промежутке, когда невозможно удовлетворить потребность здесь и сейчас. В основе побудительной силы намерения лежит синтез двух образующих: единство аффективного и интеллектуального компонента (переживание нужды и

планирования деятельности). Действенность силы осуществления намерений в трудных жизненных ситуациях приобретает особую значимость для субъекта в условиях, когда отсутствуют способы достижения цели, когда не определен ресурс удовлетворения потребности, а цель, выбранная человеком, все дальше сдвигается по времени, тем самым повышая внутреннюю аффективную напряженность.

Личностные ценности относятся к разряду устойчивых мотивационных образований и являются ведущими источниками значимых жизненных смыслов. Ценности личности выступают в качестве регулятора поведения, их основная функция заключается в оценке реальных явлений, ориентации в социальном пространстве, в мотивации планирования и достижения цели. Смысл отражает отношения субъекта (личностная значимость) с предметом деятельности как непосредственным ее результатом (целью). Усвоенные ценности могут приобретать силу непосредственного побуждения, определяя тем самым поведение людей. Ценность (полезность) и смысл (личностная значимость) выступают факторами осуществления намерений, синтезируя аффективный и интеллектуальный компоненты.

В трудных жизненных ситуациях, например, в условиях принудительной социальной изоляции, личность оказывается в обстоятельствах затруднения в осуществлении будущих замыслов и намерений из-за недостатка имеющихся ресурсов и малой уверенности в возможном успехе, отсутствием полного контроля, прогнозирования жизни и свободы в принятии решения и осуществления действия. Первичное нахождение в пенитенциарных учреждениях может являться для личности трудной жизненной ситуацией, во-первых, в аспекте трудностей реализации субъектной активности (волевой регуляции, планирования детальности, нарушение адаптации и др.), во-вторых, со стороны внешних условий ограничения (социальной депривации).

Концепция метаиндивидуального этнокультурного мира В.Ю. Хотинец в согласовании с концепцией личностных смыслов Д.А. Леонтьева в связи с

основными положениями теории культурных ценностей Ш. Шварца и Н.М. Лебедевой является теоретико-методологической основой диссертационного исследования.

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ, МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Характеристика и описание выборки

Исследование ценностно-смысловых факторов намерений лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, проводилось в период с 2011-2013 гг. На этапе организации исследования были отобраны участники в возрасте 20-37 лет, находящиеся в условиях принудительной социальной изоляции, отбывающие наказание в исправительных колониях общего режима за различные уголовно-правовые преступления на территории одного из субъектов РФ среди них: 1) идентифицирующие себя с русскими (87 чел.), 2) причисляющие себя к финно-угорским народам – удмуртам (50 чел.). В исследовании участвовали также респонденты, находящиеся в нормальных условиях жизнедеятельности (всего 60 чел.), из них идентифицирующие себя с русскими (30 чел.), с удмуртами – (30 чел.). Эти респонденты были организованы методом фокус-групп. Этническая принадлежность всех участников исследования определялась по самоотчетам с учетом объективных и субъективных признаков [169; 172; 185].

2.2. Психодиагностический инструментарий

Для определения намерений использовалась методика «Жизненное предназначение» О.И. Моткова [100], направленная на изучение содержания главных жизненных ориентаций и особенностей их осуществления в процессе

жизнедеятельности. Интегральный показатель методики – «потенциал осуществления жизненных намерений», то есть выраженность внутренних условий, способствующих реализации жизненных ориентаций и запланированных решений личности.

Для изучения ценностей на культурном уровне применялся опросник культурных ценностных ориентаций Ш. Шварца в адаптации Н.М. Лебедевой [65; 68; 143], который включал 57 ценностей (30 культурных ценностей как жизненных принципов и 27 культурных ценностей как способов поведения). Респонденты ранжировали ценности по степени важности как руководящие принципы в их жизни. Шкала ранжирована от -1 (отвергаемая ценность) до +7 (наиболее важная ценность). Ценности группировались в блоки: Консерватизм–Автономия (интеллектуальная, аффективная), Иерархия–Равноправие, Мастерство–Гармония, расположенные в каждой паре вдоль биполярных осей.

Анализ ценностей проводился на уровне социальной культуры (различий в социальных нормах, обычаях и традициях социальных групп). Единицами анализа являются социальные группы. Этот уровень исследования имеет место тогда, когда ценности характеризуют социальную культуру общества или группы людей. Подобный анализ важен для определения общих ценностей людей, составляющих данную культуру, поскольку позволяет рассматривать функционирующие в обществе или другой ограниченной социальной группе абстрактные идеи о том, что хорошо, правильно и желательно в обществе. (В этом контексте понятие «культура» сходно с понятиями нации, национальности, этнической или религиозной группы, субкультуры и понимается как определенная социальная группа, характеризующаяся социальными нормами, обычаями, традициями).

Ш. Шварц выделил основные оси измерения ценностей культуры. Это три важнейшие вопроса, для общества во всех странах.

1. «Автономия – Консерватизм» (включенность). Эта ось измерения характеризует психологическую природу границ между индивидом и группой.

Она определяет, в какой мере люди автономны, или, наоборот, включены в группы. В автономных культурах люди рассматриваются как самостоятельные, имеющие свои психологические границы. Они выражают свои собственные предпочтения, чувства, идеи, проявляют личные способности и находят смысл в собственной уникальности. Выделяют два типа автономии: интеллектуальную и аффективную. «Интеллектуальная автономия» (Intellectual Autonomy) поощряет индивидов самостоятельно следовать собственным идеям и интеллектуальным устремлениям. Примером приоритетных ценностей в таких культурах – широта взглядов, любознательность, творчество, свобода. «Аффективная автономия» (Affective Autonomy) поощряет индивидов стремиться к эмоциональному переживанию позитивных чувств. Важные ценности: удовольствие, разнообразие в жизни, наслаждение жизнью, интересная жизнь, потакание себе.

В культурах, акцентирующих такую ценность, как «Консерватизм» (Embeddedness) («Принадлежность»), люди рассматриваются как атрибуты коллектива. Смысл жизни для большей части людей состоит в социальных отношениях, идентификации себя с группой и стремлении к групповым целям. В таких культурах присутствует ориентация на сохранение существующего порядка и уклонение от действий, угрожающих групповой солидарности. Важные ценности в таких культурах – социальный порядок, уважение традиций, безопасность, долг и мудрость.

2. «Равноправие (равенство) – Иерархия». Важнейшая проблема общества – обеспечить ответственное социальное поведение, побуждать людей учитывать благополучие других и координировать с ними свои действия, понимать их неизбежную взаимозависимость. Ценность «Равноправие» (Egalitarianism) предполагает, что люди должны рассматривать других членов общества в качестве равных и имеющих такие же базовые потребности. Социальный характер взаимоотношений людей проявляется в том, что они должны ответственно сотрудничать друг с другом и проявлять заботу о благополучии каждого. Важные

ценности в таких культурах – равенство, социальная справедливость, верность, ответственность, честность, полезность.

Противоположный полюс данной оси измерения – «Иерархия» (Hierarchy) – основывается на иерархических системах предписанных ролей, которые обеспечивают ответственное поведение. Считается, что неравное распределение власти, социальных ролей и ресурсов логично и разумно. В процессе социализации принимают иерархическое распределение ролей как само собой разумеющееся и соглашаются с обязанностями и правилами, которые они налагают на человека, при этом важной становится ответственность людей за выполнение предписанных им ролей в иерархической системе. Приоритетные ценности – социальная власть, авторитет, подчинение и благосостояние.

3. «Гармония – Мастерство» (овладение). Третья социальная проблема – как люди регулируют свои отношения с миром природы и социальным миром. Ценность «Гармония» (Harmony) подчеркивает необходимость быть в ладу с другими людьми и физическим окружением, ценить мир и гармонию в обществе и природе, стараться понять и принять мир (а не изменять его, не управлять, не эксплуатировать). Важные ценности – мир на земле, единство с природой, защита окружающей среды, мир прекрасного. «Мастерство» (Masteru) – противоположный взгляд общества на данную проблему. В соответствии с этой ценностью поощряется активное самоутверждение, направленное на овладение и изменение природного и социального окружения для того, чтобы достичь групповых и личных целей. Особенно важные цели – честолюбие, успех, мужество, компетентность. Ценность «Мастерство» высока в культурах, которые характеризуются прагматичностью, стремлением к прогрессу и изменениям, которые предполагают, что проблемы могут быть решены, если мы приложим достаточно усилий. Важные ценности – социальное признание, независимость, честолюбие, отвага (дерзость), влияние, выбор собственных целей, умелость, достижение успеха.

Опросник был проверен на надежность и валидность (S. Schwartz [208; 211; 225], Н.М. Лебедева [65; 66], 2001, В.Н. Карандашев [57]).

Иерархия ценностей на индивидуальном уровне была исследована с опорой на опросник измерения индивидуальных ценностей Ш. Шварца в адаптации Н.М. Лебедевой [66; 68; 143]. Опросник содержит 40 утверждений, каждое из которых относится к тому или иному мотивационному типу: Саморегуляция, Стимуляция, Гедонизм, Достижение, Власть, Безопасность, Конформность, Традиция, Благожелательность, Универсализм. Для подсчета результатов использовалась симметричная 6-балльная шкала от «очень похож на меня» до «совсем не похож на меня».

Исследование ценностей на индивидуальном уровне проходило на основе анализа типов человеческой мотивации (ведущей мотивационной цели, далее МЦ), поскольку тип мотивации определяет направленность действий индивида.

1. Саморегуляция. МЦ – свобода мысли и действия (выбор, творчество, познание), обусловленные потребностью индивида быть автономным и независимым.

2. Стимулирование. МЦ – новизна и состязательность в жизни (полнота жизненных ощущений), необходимые для поддержания оптимального уровня активности организма.

3. Гедонизм. МЦ – удовольствие, чувственное наслаждение, наслаждение жизнью. В основе его лежит необходимость удовлетворения биологических потребностей и испытываемое при этом удовольствие.

4. Достижение. МЦ – достижение личного успеха в рамках разделяемых культурных стандартов и, вследствие этого, получение социального одобрения.

5. Власть. МЦ – достижение социального статуса, престижа и влияния на других людей. В основе - потребность в доминировании, господстве, лидерстве.

6. Безопасность. МЦ – стабильность, безопасность и гармония в обществе, семье и для самого индивида. В основе – потребность в

адаптированности и предсказуемости мира, в снижении ощущения неопределенности.

7. Конформность. МЦ – ограничение действий и побуждений, причиняющих вред другим или нарушающих социальную гармонию. Выводится из потребности групп - в самосохранении и выживании и потребности личности гармонично взаимодействовать с другими людьми, подавляя при этом свои социально-разрушительные наклонности.

8. Традиция. МЦ – уважение и поддержание обычаев, принятие и признание идей, существующих в определенной культуре и религии. Традиционное поведение становится символом солидарности группы, выражением уникальности ее картины мира.

9. Благожелательность. МЦ – поддержание и повышение благополучия людей, с которыми человек находится в контакте. В основе лежит потребность позитивного взаимодействия в целях благополучия группы и индивидуальная потребность в аффилиации.

10. Универсализм. МЦ – понимание, благодарность, терпимость и поддержание благополучия всех людей и природы. Этот мотивационный тип не был выведен априори из трех указанных универсальных человеческих потребностей, а обнаружен эмпирическим путем при исследованиях ценностей. В основе этой цели, по-видимому, лежат универсальные потребности в красоте, гармонии и справедливости.

Опросник проверен на надежность и валидность (S.Schwartz [208; 211; 225], Н.М. Лебедева [66], 2001, В.Н. Карандашев [57]).

Для выявления внутриличностных конфликтов и вакуумов между «ценным» и «доступным» в мотивационно-личностной сфере была использована методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения ценности и доступности» [152; 153]. Процедура исследования заключалась в следующем: испытуемому необходимо было провести попарное сравнение 12 понятий, означающих различные жизненные ценности. Методом субъективных оценок по 10-бальной шкале

необходимо было оценить эти понятия дважды: первый раз по «ценности» (Ц), второй раз – по «доступности» (Д). Далее подсчитывалось значение «ценности» и «доступности» каждой жизненной сферы и показатель расхождения «ценность–доступность» (Ц – Д). Индекс расхождения (Ц – Д) – показатель рассогласования, дезинтеграции в ценностно-мотивационной сфере личности, свидетельствующий о степени неудовлетворенности текущей жизненной ситуацией (внутренний конфликт (Ц – Д > 4), внутренний вакуум (Д – Ц > 4)).

Для выявления жизненных смыслов личности использовался тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д.А.Леонтьева [88]. Тест включает в себя 20 симметричных шкал-вопросов, состоящих из пары альтернативных утверждений, требующих ответа по 7-балльной шкале. Тест позволяет получить, наряду с общим показателем осмысленности жизни, значения по пяти субшкалам, включающим три конкретные смысложизненные ориентации и два аспекта локуса контроля: цель в жизни, процесс в жизни, результативность жизни, локус контроля – Я, локус контроля – жизнь.

2.3. Методы математико-статистической обработки полученных данных

Результаты исследования обрабатывались посредством процедур математической статистики [105]: описательной статистики (выявления основных характеристик распределения), непараметрического теста (критерий Манна-Уйтни), кластерного анализа (иерархический, метод K-means), дисперсионного одномерного однофакторного, одномерный двухфакторный ANOVA. Обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS 16.0 for Windows.

Для выявления намерений был проведен контент-анализ [100] ответов на открытый вопрос: «Мое жизненное намерение состоит в …» по методике О.И. Моткова «Жизненное предназначение» при сегментарном подсчете упоминаний смысловых единиц (категорий) в каждом отдельном бланке стимульного материала. Объем упоминаний категорий измерялся подсчетом количества слов.

С целью выявления наиболее предпочитаемых ценностей на культурном уровне в каждой группе респондентов ценности с наибольшими средними значениями были соотнесены и согласованы с результатами процедуры их кластеризации. Для определения оптимального количества кластеров ценностей был использован иерархический кластерный анализ (метод – Between-groups linkage, дистанционная мера – Squared Euclidean distance), на основании которого было получено количество кластеров: равное 4 – в удмуртской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (скачкообразное увеличение коэффициента зафиксировано на 53 шаге (скачок с 173, 833 до 202,769), при общем количестве наблюдений – 57); равное 3 – в русской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (скачкообразное увеличение коэффициента зафиксировано на 54 шаге (скачок с 570,930 до 801,364), при общем количестве наблюдений – 57).

Для сравнения смысложизненных ориентаций в разных группах был применен U-критерий (Манна-Уитни). Первоначально была проверена гипотеза H1 о различии выборок по уровню выраженности показателей, в противном случае принималась гипотеза H0 – об отсутствии различий между искомыми показателями.

Для выявления главных эффектов контролируемых факторов, взаимодействия факторов по показателю зависимой переменной применялся дисперсионный анализ (одномерный двухфакторный ANOVA) данных выборочной совокупности лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции. Первый контролируемый фактор «ценности» включил в себя 3 уровня: низкий, средний, высокий. Второй контролируемый фактор

«этнокультурная принадлежность» включил в себя 2 позиции – русские и удмурты. Показатель «потенциал осуществления жизненных намерений» был обозначен как зависимая переменная. Проверялись три гипотезы: 1) о главном эффекте первого контролируемого фактора, 2) о главном эффекте второго контролируемого фактора, 3) о взаимодействии факторов.

Для объяснения доли вариации зависимой переменной через вариацию независимых переменных применялся дисперсионный анализ (одномерный однофакторный ANOVA) данных в трех выборочных совокупностях (1 – русская группа лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции; 2 – удмуртская группа лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции; 3 – группа лиц в нормальных условиях жизнедеятельности). Первый контролируемый фактор: в первом случае – фактор «ценности», во втором случае – фактор «смысложизненные ориентации» – разделялся на 3 уровня: низкий, средний, высокий. Показатель «потенциал осуществления жизненных намерений» рассматривался как зависимая переменная. Гипотеза H1 содержала утверждение, что, по крайней мере, два средних значения зависимой переменной, соответствующие разным градациям независимой переменной (фактора), различаются; при ее отклонении принималась гипотеза H0 о равенстве средних значений.

Для проверки гипотезы о том, что все распределения зависимой переменной для сравниваемых выборок имеют одинаковые дисперсии, использовался критерий равенства дисперсий Левена ($p > 0.05$).

ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ ФАКТОРОВ НАМЕРЕНИЙ ЛИЧНОСТИ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

3.1 . Структура и особенности намерений лиц в трудной жизненной ситуации и нормальных условиях жизнедеятельности

Для решения задачи – выявления намерений лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции и тех, кто осуществляет свою жизнедеятельность в нормальных условиях жизнедеятельности, – была использована методика «Жизненные предназначения» О.И. Моткова. Ответы на открытый вопрос методики: «Мое жизненное намерение состоит в …» были обработаны посредством контент-анализа (см. Таблица 2, Приложение 1).

Таблица 2

Частота и объем упоминаний намерений (категория А1) лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции и лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности

А1- Намерения личности	Группа в условиях социальной изоляции			Группа в нормальных условиях жизнедеятельности		
	Частота упомина ния	Объем упоминан ия	% объема упоминан ия к общему объему текста	Частота упоминан ия	Объем упоминан ия	% объема упоминан ия к общему объему текста
А1.1-Создание и забота о семье	101	10162	36,93%	30	1650	31,14%
А1.2-Социально значимая деятельность	51	5014	18,22%	24	1392	26,27%
А1.3-Саморазвитие и	36	3580	13,01%	15	795	15,01%

самосовершенствование						
А1.4-Придание, наполнение жизни смыслом	35	3563	12,95%	12	660	12,46%
А1.5-Обустройство жизни	29	2986	10,85%	9	477	9,00%
А1.6-Наслаждение жизнью	21	2212	8,04%	6	324	6,12%
А2-Компоненты намерений	405	**19306**	**70,16%**	**165**	**4883**	**92,17%**
А2.1-Аффективный	273	13679	49,71%	96	2832	53,45%
А2.2-Интеллектуальный	132	5627	20,45%	69	2051	38,72%
А3-Соотношение аффективного (А2.1) и интеллектуального (А2.2) компонентов	**273**	**27517**	**100%**	**96**	**5298**	**100%**
А3.1-Согласованность	99	9879	35,90%	61	3996	75,43%
А3.2-Разрыв аффективного и интеллектуального компонентов	49	5531	20,10%	10	505	9,54%
А3.3-Рассогласованность	31	3896	14,16%	7	382	7,20%
А3.4-Замещение намерений	**94**	**8211**	**29,84%**	**18**	**415**	**7,83%**
А3.4.1-Нравственные поучения – религиозные притчи	44	3591	13,05%	8	245	4,62%
А3.4.2-Обращение к всемогущему Богу-Творцу (православие)	28	2322	8,44%	6	112	2,12%
А3.4.3-Обращение к Покровителям рода и семьи из религиозных (языческих) верований	22	2298	8,35%	4	58	1,09%

Особо отметим, что в группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, на этот вопрос ответили всего 91 (66% от общего количества человек) чел., в группе лиц нормальной жизнедеятельности– 28 чел.

(47% от общего количества человек). Несмотря на то, что по объему упоминания тех или иных намерений в группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, намного превзошли упоминания в группе лиц в условиях нормальной жизнедеятельности (в среднем в тексте на одно указанное намерение у лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, приходится 101 слово, в нормальных условиях жизнедеятельности – 55 слов), принципиальных отличий в качественных (смысловых) единицах не выявлено. Среди часто встречающихся намерений лиц в группе, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, выделяются (ранжированные по частоте и объему упоминания): создание семьи и забота о семье (36,93% объема упоминания к общему объему текста); социально значимая деятельность (18,22%); саморазвитие и самосовершенствование (13,01%); придание, наполнение жизни смыслом (12,95%); обустройство жизни (10,85%); наслаждение жизнью (8,04%). При этом у лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, обнаружены следующие особенности содержательной представленности намерений: во-первых, выявлено, что намерение может быть представлено лишь только потребностью (я хочу) без конкретных способов и средств, позволяющих достичь удовлетворения этой потребности (20,10%), во-вторых, установлена рассогласованность аффективного (переживание нужды) и интеллектуального (способы и средства достижения цели) компонентов (14,16%), в-третьих, обнаружено замещение интеллектуального компонента в связи с имеющимися сомнениями в действенности способов и средств достижения цели нравственными поучениями – религиозными притчами как намерениями («Построить дом, посадить дерево, родить ребенка») (13,05%) или же непосредственным обращением к всемогущему Богу-Творцу («Бог не позволит мне погибнуть и поможет мне») (8,44%), Покровителям рода и семьи из религиозно-мифологических (языческих) воззрений («Духовные покровители защитят меня». «Великий небесный Бог моих предков даст легкой жизни») (8,35%).

При выявлении кросскультурных различий намерений лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, установлено (см. таблица 3):

Таблица 3

Частота и объем упоминаний намерений (категория А1) лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции

А- намерения личности	Русские в условиях социальной изоляции			Удмурты в условиях социальной изоляции		
	Частота упоминания	Объем упоминания	% объема упоминания к общему объему текста	Частота упоминания	Объем упоминания	% объема упоминания к общему объему текста
А1 Направленность реализации намерений						
А1.1 На себя	41	738	21,38	12	286	13,88
А1.2 На других	16	352	10,20	32	434	21,07
А2 Ресурсы реализации намерений						
А2.1 внутренние	39	1036	30,01	13	362	17,57
А2.2 внешние	18	840	24,33	31	673	32,67

В русской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (всего 57 чел.), намерения в большей мере ориентированы на самого себя («Хочу быть материально независимым, наслаждаться своей жизнью») (41) с включением внутренних субъектных ресурсов («По мере возможности буду активизировать свои идеи, прогрессировать в сфере своей деятельности») (39), тогда как в удмуртской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (всего 34 чел.), в большинстве своем намерения отличаются социальной направленностью («Буду стремиться быть полезным для других,

обществу и государству») (32) с адаптивными возможностями во взаимодействии с внешним миром («Хочу жить как все, по справедливости». «Если каждый будет жить ради себя, не станет и жизни», «Мне нравится доставлять людям добро, за что мне достаточно одного лишь слова «спасибо») (31).

Это можно объяснить тем, что разрыв и рассогласование аффективного (переживания нужды) и интеллектуального (конкретных способов и средств достижения цели) компонентов личности в условиях принудительной социальной изоляции выражается в дефицитарности интеллектуальной активности (есть желание, но нет побуждения к поиску путей и средств ее удовлетворения), рассогласованности цели и способов ее достижения, замещением интеллектуальной активности в связи с имеющимися сомнениями в действенности собственных способов и средств достижения цели нравственными поучениями – религиозными притчами или помощью и благодетельством Высших сил (Бога, Покровителей рода).

3.2. Кросскультурные различия базовых культурных ценностей и смысложизненных ориентаций лиц в трудной жизненной ситуации и нормальных условиях жизнедеятельности

В ходе решения задачи – установления кросскультуртных различий базовых культурных ценностей и смысложизненных ориентаций испытуемых, был использован опросник изучения ценностей на культурном уровне Ш. Шварца. С целью выявления наиболее предпочитаемых ценностей были проведены следующие процедуры: 1) подсчет средних значений показателей ценностей, 2) кластерный анализ ценностей (см. Приложение 2; 3).

При анализе данных кластеризации ценностей в каждой группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, обнаружено, что на 24 шаге агломерации в русской группе и 40 шаге в удмуртской группе происходит образование первичных кластеров, объединяющих ценности, тесно соседствующие на диаграммах рассеивания. Эти ценности по результатам анализа их средних значений оказались наиболее предпочитаемыми отдельно в каждой группе (см. Таблица 4).

Важно отметить, что в обеих группах системообразующей ценностью является «благочестие» (хранение веры). Данная ценность занимает системообразующую позицию в иерархической структуре ценностей. Мы смеем предположить, что позиционирование ценности «благочестие» в различных иерархических структурах ценностей разных групп указывает на значимость данной ценности. Она несет смысловую нагрузку религиозно-мифологической направленности (православной – для русской, языческой для финно-угров), сохраняя целостность структуры личности и во многом определяя смысловую нагрузку других ценностно-смысловых образований. Это обстоятельство подтверждалось в ходе беседы с лицами, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, выражающими надежду на помощь Бога (у православных) и Покровителя рода и семьи (из религиозных верований удмуртов) в их сложной жизненной ситуации.

Таблица 4

Предпочитаемые ценности на культурном уровне в русской и удмуртской группах лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции

Русская группа (условия социальной изоляции)			Удмуртская группа (условия социальной изоляции)		
Ценности	Ср.знач.	σ	Ценности	Ср.знач.	σ
Защита семьи	6,45	1,17	**Защита семьи**	5,87	1,81
Здоровье	6,08	1,36	**Здоровье**	5,73	1,41

Уважение родителей, старших	5,89	1,43	**Уважение родителей, старших**	5,53	1,76
Смысл жизни	5,84	1,33	**Самоуважение**	5,43	1,57
Верность	5,70	1,36	**Смысл жизни**	5,40	1,65
Самоуважение	5,67	1,27	**Верность**	5,27	1,20
Настоящая дружба	5,57	1,33	**Чистоплотность**	5,27	1,60
Чистоплотность	5,49	1,45	**Ответственность**	5,10	1,45
Интеллект	5,46	1,40	**Интеллект**	5,07	1,41
Ответственность	5,44	1,49	Мир на земле	5,07	1,64
Выбор собственных целей	5,29	1,49	Сохранение публичного образа	5,03	1,75
Честолюбие	5,22	1,49	Вежливость	4,97	1,65
Независимость	5,17	1,64	**Выбор собственных целей**	4,93	1,68
Достижение успеха	5,14	1,46	Честность	4,90	1,42
Умелость	5,10	1,46	**Наслаждение жизнью**	4,87	1,41
Наслаждение жизнью	5,09	1,94	**Настоящая дружба**	4,80	1,81
Мудрость	5,05	1,58	**Достижение успеха**	4,80	1,40
Полезность	4,93	1,55	**Умелость**	4,77	1,19
Взаимоуслужливость	4,74	1,60	**Честолюбие**	4,67	1,56
			Самодисциплина	4,63	1,38
			Умение прощать	4,57	1,50

Примечание: Жирным шрифтом выделены ценности, встречающиеся в обеих группах

Данные таблицы 4 показывают, что средние значения ценностей у лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции-удмуртов, несколько занижены, и эта тенденция повторяется от исследования к исследованию. Этот факт мы объясняем особенностью оценивания, характерной для представителей удмуртской культуры, уходящей корнями к традиционным ценностям, согласно которым идеальными качествами-ценностями являются умеренность, сдержанность, избегание категоричности в выражении мнения [183; 184; 187]. Это может проявляться в оценивании собственных качеств представителями удмуртской группы с преимущественным использованием

среднего диапазона оценок при ответе на вопросы анкет, в стремлении избегать слишком высоких или низких баллов.

Анализ культурных ценностей показывает, что в обеих группах можно выделить блок повторяющихся, неизменных ценностей: защита семьи, здоровье, уважение родителей и старших, смысл жизни, верность, самоуважение, настоящая дружба, чистоплотность, интеллект, ответственность, выбор собственных целей, честолюбие, достижение успеха, умелость, наслаждение жизнью. Согласно подходу Ш. Шварца, перечисленные ценности вошли в блоки Принадлежность (Консерватизм), Равноправие, Мастерство, Автономия аффективная. Большинство из них (Принадлежность (Консерватизм), Равноправие) относятся к базовым ценностям российской культуры, которые транслируются из поколения в поколение [65, с. 79] и объединяют наши народы. Очевидно, процесс инкультурации не обошел и участников нашего исследования. Наряду с этим встречаются ценности субъектной активности (мобильность, успешность), востребованные в современном мире. Там, где добирается конкурентоспособность за счёт культивирования таких качеств, как ловкачество, изворотливость, культ силы, эгоизма с четкой нацеленностью на земные радости и материальные блага, для приумножения которых хороши любые средства, дарующие удовольствие здесь и теперь, преступный мир «перелицовывает» эти ценности до гипертрофированных понятий.

К тому же выделяются ценности, которые более предпочитаемы в одной из групп и не встречаются в списке приоритетных в другой. Так, в русской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, к отличительным ценностям относятся: независимость (5,17), мудрость (5,05), полезность (4,93), взаимоуслужливость (4,74), вошедшие в блоки Шварца: Принадлежность (Консерватизм), Равноправие, Мастерство. В удмуртской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, среди предпочитаемых встречаются: мир на земле (5,07), сохранение своего публичного образа (5,03), вежливость (4,97), честность (4,90), самодисциплина (4,63), умение

прощать (4,56), которые представлены в блоках: Принадлежность (Консерватизм), Равноправие, Гармония.

Обращает на себя внимание разбалансированность блоков ценностей, заявляющих всеобщее согласие и мир, групповой гармонии, которые достигаются средствами добровольного самоограничения, с одной стороны, и ценностей, нацеленных на отдельные земные радости, приносящие сиюминутные удовольствия, с другой [см. 186]. Согласно Ш. Шварцу, биполярные отношения и противоречия в ценностных конструктах возникают при выборе субъектом противоречивых (лежащих на разных полюсах в определенном конструкте) мотивационных, целевых и т.п. единиц.

В нормальных условиях жизнедеятельности в русской группе базовые культурные ценности весомее представлены индивидуалистическими ценностями: достижение успеха (Мастерство), наслаждение жизнью (Автономия аффективная); в удмуртской группе – коллективистскими ценностями: ответственность, верность, социальная справедливость (Равноправие), чистоплотность, сохранение своего публичного образа, вежливость, социальный порядок, национальная безопасность (Принадлежность (Консерватизм)) (см. Таблица 5).

Таблица 5

Предпочитаемые ценности на культурном уровне в русской и удмуртской группах, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности.

Русская группа (нормальные условия жизнедеятельности)			Удмуртская группа (нормальные условия жизнедеятельности)		
Ценности	Ср.знач.	σ	Ценности	Ср.знач.	σ
Защита семьи	5,53	1,53	**Защита семьи**	6,26	1,23
Достижение успеха	5,40	0,97	**Смысл жизни**	5,93	0,94
Здоровье	5,33	1,69	**Здоровье**	5,83	1,51
Смысл жизни	5,33	1,40	Благосостояние	5,67	1,03
Настоящая дружба	5,27	1,05	**Уважение родителей, старших**	5,67	1,56

Уважение родителей, старших	5,23	1,41	Ответственность	5,60	1,16
Честность	5,20	1,00	Чистоплотность	5,57	1,10
Интеллект	5,20	1,03	**Наслаждение жизнью**	5,50	1,38
Наслаждение жизнью	5,10	1,37	Сохранение своего публичного образа	5,50	1,30
			Самоуважение	5,43	1,55
			Верность	5,43	1,19
			Достижение успеха	5,40	1,22
			Настоящая дружба	5,33	1,95
			Вежливость	5,30	1,41
			Честность	5,30	1,20
			Честолюбие	5,27	1,44
			Мир на земле	5,27	1,55
			Социальная справедливость	5,23	1,17
			Независимость	5,20	1,49
			Интеллект	5,17	1,37
			Умелость	5,03	1,19
			Социальный порядок	5,03	1,21
			Выбор собственных целей	5,07	1,36
			Национальная безопасность	5,00	1,60

Примечание: жирным шрифтом выделены ценности повторяющиеся в обеих группах

Важно отметить, что у представителей как в русской, так удмуртской этногруппах в независимости от условий жизнедеятельности, качественные различия в предпочитаемых ценностях отсутствуют (см. Таблица 4; 5). Это можно объяснить тем, что в независимости от условий нахождения представителей той или иной этнической группы базовые культурные ценности остаются неизменны, т.к являются ядром ценностной картины мира, впитанным в процессе инкультурации.

Для выявления экзистенциональных вакуумов и внутриличностных конфликтов мы применили методику «УСЦД» (Е.Б. Фанталова). Методика

сводилась к попарному ранжированию (попарному сравнению) 12-ти терминальных ценностей по М. Рокичу (M. Rokeach): «Активная, деятельная жизнь», «Здоровье», «Интересная работа» и др. Ранжирование проводилось на специальных матрицах на регистрационном бланке дважды – по «ценности» и по «доступности». Выбор данной методики анализа обусловлен необходимостью проверки гипотетического предположения автора о том, что одной из существенных детерминант мотивационно-личностной сферы является подвижное, постепенно меняющееся в процессе деятельности в зависимости от жизненных обстоятельств соотношение между двумя плоскостями «сознания». А именно – между плоскостью, вмещающей в себя осознание ведущих жизненных ценностей, личностных замыслов, дальних жизненных целей, и плоскостью всего, что является непосредственно доступным, связанным с осуществлением конкретных, легкодостижимых целей, находящихся в «обозримом психологическом поле», в зоне «легкой досягаемости». Далее легко заметить, что, применительно к конкретной жизненной сфере или локальной проблеме, соотношение этих двух плоскостей по своему характеру аналогично соотношению таких психологических параметров, как «Ценность» (Ц) и «Доступность» (Д), которые являются ключевыми в предлагаемой методике.

Следует сразу подчеркнуть, что «Ценность» и «Доступность» не являются полярными характеристиками мотивационно-личностной сферы. Напротив, побудительная сила различных мотивов и возникновение внутренних конфликтов в определенных жизненных сферах будут во многом зависеть от характера взаимосвязи Ц и Д, как будет показано ниже. Для любой жизненно важной сферы сразу можно выделить несколько типичных вариантов такой взаимосвязи Ц и Д.

В связи с этим индекс «Ц–Д» является, в свою очередь, индикатором внутренних конфликтов в мотивационно-личностной сфере человека, поскольку его величина всегда будет указывать на степень расхождения между тем, что есть, и тем, что должно быть, между «хочу» и «имею», а также между «хочу» и «могу».

В результате применения методики Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (см. Таблица 6). был выявлен внутренний конфликт (Ц – Д = 4,28) – разрыв «между потребностью в достижении внутренне значимых ценностей и возможностью такого достижения в реальности» [153, с. 229] – в отношении ценности «здоровье», которая, смеем заметить, является наиболее предпочитаемой ценностью в обеих этногруппах, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции.

Таблица 6

Средние значения внутриличностных конфликтов и вакуумов лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции

Балы Ц и Д	№№ понятий ценностей											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Ц (1 матрица) (У+Р)	3,43	9,11	4,87	2,49	6,97	6,60	5,59	5,88	4,97	5,37	8,35	2,37
Д (2 матрица) (У+Р)	7,31	4,83	6,77	3,28	6,65	4,29	5,27	5,75	5,40	4,79	6,87	4.76
Ц -Д	-3,88	4,28	-1,9	0,79	0,32	2,31	0,32	0,13	0,43	0,58	1,48	2,39

Примечание: 1. Активная, деятельная жизнь; 2. Здоровье (физическое и психическое здоровье); 3. Интересная работа; 4. Красота природы и искусство; 5. Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком); 6. Материально-обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений); 7. Наличие хороших и верных друзей; 8. Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений); 9. Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, а также интеллектуальное развитие); 10. Свобода как независимость в поступках и действиях; 11. Счастливая семейная жизнь; 12. Творчество (возможность творческой деятельности).

Установлено, что у лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности, внутриличностные конфликты и вакуумы не имеют явной выраженности (см. Таблицу 7). Это можно объяснить тем, что в нормальных

условиях жизнедеятельности есть способы и средства реализации потребностей и свобода выбора, действий.

Таблица 7

Средние значения внутриличностных конфликтов и вакуумов лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности

Балы Ц и Д	№№ понятий ценностей											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Ц (1 матрица) (У+Р)	4,34	5,84	5,03	3,78	7,72	6,69	6,53	5,19	5,22	4.75	7,53	3,34
Д (2 матрица) (У+Р)	5,06	5,03	5,69	4,81	6,31	4,63	6,41	5,69	6,22	5.25	6,53	4,34
Ц -Д	-0,72	0,81	0,66	-1,03	1,41	2,06	0,12	-0,50	-1,00	-0.5	1,00	-0.50

Примечание: 1. Активная, деятельная жизнь; 2. Здоровье (физическое и психическое здоровье); 3. Интересная работа; 4. Красота природы и искусство; 5. Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком); 6. Материально-обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений); 7. Наличие хороших и верных друзей; 8. Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений); 9. Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, а также интеллектуальное развитие); 10. Свобода как независимость в поступках и действиях; 11. Счастливая семейная жизнь; 12. Творчество (возможность творческой деятельности).

В продолжении исследования для решения задачи установления кросксультурных различий в смысложизненных ориентациях были установлены смысложизненные ориентации лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, (см. Таблицу 8). Анализ средних значений смысложизненных ориентаций лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции показывает, что в обеих группах расхождение в полученных результатах незначительное. В результате применения процедуры «U-Манна-Уитни» значимых различий не обнаружено (см. Приложение 4). Анализ средних значений (в сравнении с группой в нормальных условиях (см. Таблицу 9))

позволил установить низкую выраженность показателей шкалы «процесс жизни» в обеих группах.

Таблица 8

Средние значения и достоверность различий показателей смысложизненных ориентаций в группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции

Показатели	Средние значения		Критерий Манна-Уитни	Уровень достоверности p =
	в условиях социальной изоляции (русские)	в условиях социальной изоляции (удмурты)		
Цели в жизни	29,53	28,47	1198,000	0,504
Процесс жизни	26,13	25,70	1225,500	0,619
Результативность жизни	21,38	21,70	1211,000	0,556
Локус контроля Я	20,15	19,10	1122,500	0,253
Локус контроля жизни	25,25	24,20	1147,000	0,323
Интегральный показатель	91,72	90,53	1236,500	0,669

Таблица 9

Средние значения и достоверность различий показателей смысложизненных ориентаций в группе лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности

Показатели	Средние значения		Критерий Манна-Уитни	Уровень достоверности p =
	в нормальных условиях жизнедеятельности (русские)	в нормальных условиях жизнедеятельности (удмурты)		
Цели в жизни	29,93	29,57	438,500	0,865
Процесс жизни	29,30	27,80	392,500	0,394

Результативность жизни	24,83	23,60	393,000	0,398
Локус контроля Я	20,00	22,20	427,000	0,733
Локус контроля жизни	29,33	27,00	356,000	0,164
Интегральный показатель	97,40	95,13	442,500	0,912

Согласно Д.А. Леонтьеву [88 с. 14-15], низкие баллы по данной шкале указывают на неудовлетворенность своей жизнью в настоящем; однако ей можно придать полноценный смысл воспоминания о прошлом или нацеленность на будущее. Полученные результаты можно объяснить условиями и режимом нахождения лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, где отсутствует возможность реализации своих намерений, т.е. смысложизненные ориентации и, в свою очередь, культурные ценности, находятся в блокаде и опосредованы при этом принудительной социальной изоляцией.

Обращает на себя внимание установленная тенденция занижения показателей смысложизненной ориентации «локус контроля–жизнь» лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, разделяющих языческие воззрения (финно-угры). Низкие показатели данной шкалы указывают на фатализм, убежденность в том, что жизнь человека не подвластна сознательному контролю, что свобода выбора иллюзорна и бессмысленно что-либо загадывать на будущее. Здесь необходимо обратить внимание на то, что среди языческих ценностей финно-угров встречается постулат «Безропотное принятие неудач». Учеными отмечается формирование в этногенезе финно-угорских народов таких психологических особенностей, как умение довольствоваться гарантированным минимумом, неприхотливость, отказ от чрезмерных желаний и высокая адаптивность, покорность судьбе, умение видеть главное при соблюдении заветов и предписанных норм [183; 184]. Кросскультурных различий не выявлено как в группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, так и лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности.

Для решения задачи определения смысловых факторов лиц удмуртской и русской этногрупп, находящихся в различных социальных условиях, была также применена процедура «U-Манна-Уитни» (см. Приложение 4). В результате установлены значимые различия между показателями смысложизненных ориентаций: процесс жизни, результативность жизни, локус контроля жизни в группах лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, и лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности (см. Таблица 10).

В результате было обнаружено, что заниженные значения показателей в группе лиц, находящихся в условиях социальной изоляции, демонстрируют их «неудовлетворенность прожитой частью жизни», «неудовлетворенность своей жизнью в настоящем», «убежденность в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода иллюзорна и бессмысленно что-либо загадывать на будущее» [88, с.14-15]. При сравнении соответствующих показателей в русской и удмуртской группах лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции значимых различий не обнаружено.

Таблица 10

Достоверность различий показателей смысложизненных ориентаций в группах лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции и лиц, в нормальных условиях жизнедеятельности.

	Средние значения		Критерий Манна-Уитни	Уровень достоверности p =
	в условиях социальной изоляции	в нормальных условиях жизнедеятельности		
Цели в жизни	29,26	29,75	3417,000	0,774
Процесс жизни	26,02	28,55	2727,500	0,015
Результативность жизни	21,46	24,22	2459,500	0,001
Локус контроля Я	19,88	20,10	3503,000	0,983

Локус контроля жизни	24,98	28,17	2406,000	0,001
Интегральный показатель	91,72	90,53	1236,500	0,669

Данные результаты исследования можно объяснить тем обстоятельством, что у всех лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, наряду с универсальными ценностями (ценности семьи, стабильности и успешности жизни, субъективного благополучия) приоритетными выступают коллективистские ценности – ценности социальных отношений: установления доверительных, поручительных и надежных отношений с окружающими [54]. Во-первых, они согласуются с общими правилами поведения в криминальной (тюремной) среде: не выдавать своих, выполнять данные обещания другим, не лгать и не красть у своих, платить долги [13; 194]. Исследователи отмечают, что правила, обычаи и ритуалы, складывающиеся в субкультуре лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции и отражающие их коллективные представления, всегда направлены на сплочение и приспособление к специфическим условиям тюремной среды для сохранения собственной безопасности и сопровождаются чувством солидарности [112 , с. 174].

Во-вторых, жизненные намерения и базовые культурные ценности лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, организованных по внутригрупповому признаку (этнокультурной идентичности), согласуются друг с другом. Так, жизненные намерения в русской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, в большей степени ориентированы на «Я» с включением внутренних субъектных ресурсов. Среди особенных культурных ценностей в этой группе выделяются ценности независимости, уверенности в своих силах и самодостаточности, явно претендующие на статус ценностей индивидуализма. Обнаруженные данные соотносятся с результатами исследований о том, что общий стиль поведения типичного русского выражен доминирующими и энергичными чертами: уверенный, боевитый, активный, смелый, претенциозный, критичный [173; 152;

183]; типичный русский в большей степени проявляет себя уверенным, являясь доминирующим и волевым, редко чувствуя себя эмоционально угнетенным или неполноценным, разговаривая без колебаний, имея живое воображение, яркую фантазию и интеллектуальное любопытство [12].

В удмуртской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, жизненные намерения в большинстве своем отличаются социальной направленностью с адаптивными возможностями во взаимодействии с внешним миром. Среди выявленных ценностей доминируют коллективистские ценности социальных отношений, культивируемые в культуре удмуртского народа: вежливость и тактичность, искренность и честность, самодисциплина и сохранение своего публичного образа [см. 167]. В представлениях удмуртов идеальное устройство бытия – это там, где царят согласие, мир и добрые отношения с добрыми людьми [183]. Ценность «Сохранение публичного образа» является особой ценностью для удмуртов. Как известно [18], в «культурах стыда» – культурах внешних переживаний, чувство стыда является главным механизмом социального контроля, когда человек в своем поведении ориентируется на мнение и оценку других. На основе таких представлений рождаются уверенность, чувство защищенности и безопасности, служащие жизненной опорой.

3.3. Кросскультурные различия ценностей на индивидуальном уровне лиц в трудной жизненной ситуации и нормальных условиях жизнедеятельности

Нами были сгруппированы ценности на индивидуальном уровне в мотивационные блоки согласно теоретической модели С. Шварца и В. Билски и подсчитаны средние значения по типам мотиваций для отдельных выборок с предварительным определением медианы (для центрирования распределения показателей и определения предпочитаемых ценностей) (см. Таблицу 11).

Таблица 11

Предпочитаемые мотивационные типы в русской и удмуртской группах, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции

Мотивационные типы					
Удмуртская группа			Русская группа		
Тип мотивации	Ср.зн	σ	Тип мотивации	Ср.зн	σ
Саморегуляция	**4,58**	**0,67**	**Безопасность**	**4,78**	**0,65**
Безопасность	**4,47**	**0,63**	**Саморегуляция**	**4,62**	**0,72**
Благожелательность	**4,37**	**0,80**	**Благожелательность**	**4,45**	**0,68**
Конформность	4,10	**0,70**	**Достижение**	**4,32**	**0,77**
Универсализм	4,07	0,68	Конформность	4,21	0,72
Гедонизм	4,04	0,97	Гедонизм	4,21	0,76
Достижение	4,01	0,90	Универсализм	4,23	1,14
Традиции	3,78	0,75	Стимуляция	3,85	0,70
Стимуляция	3,73	1,08	Традиции	3,85	1,06
Власть	3,39	1,04	Власть	3,60	1,01

Примечание. Жирным шрифтом выделены наиболее значимые мотивационные типы в группах.

Наиболее значимыми типами мотивации в структуре индивидуальных ценностей лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции,

являются: Саморегуляция (4,58), Безопасность (4,47), Благожелательность (4,37) – в удмуртской группе; Безопасность (4,78), Саморегуляция (4,62), Благожелательность (4,45), Достижение (4,32) – в русской. Как видим, в обеих группах присутствуют аналогичные мотивационные типы. Это: Саморегуляция – мотивационная цель: свобода мысли и действия (выбор, творчество, познание), обусловленная потребностью индивидов быть автономными и независимыми; Безопасность – мотивационная цель: стабильность, безопасность и гармония в обществе, семье и для самого индивида, в основе которой лежат потребность в адаптированности и предсказуемости мира, снижении неопределенности; Благожелательность – мотивационная цель: поддержание и повышение благополучия людей, с которыми человек находится в контакте. В основе лежит потребность позитивного взаимодействия в целях благополучия группы и индивидуальная потребность в аффилиации. В русской группе ряд мотивационных типов расширяется за счет включения типа Достижение – мотивационная цель: достижение личного успеха в рамках разделяемых культурных стандартов и вследствие этого – получение социального одобрения.

Если сравнить данные, полученные в результате исследования с помощью опросников измерения ценностей на индивидуальном и культурном уровнях у лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции в удмуртской и русской группах, можно увидеть, что в удмуртской группе предпочтительные ценности: Саморегуляция, Безопасность, Благожелательность – на индивидуальном уровне; Консерватизм, Равноправие, Гармония, Автономия интеллектуальная – на групповом. В группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции русской национальности на индивидуальном уровне преобладают: Безопасность, Саморегуляция, Благожелательность, Достижение, а на групповом – Консерватизм, Равноправие, Гармония, Автономия (эмоциональная и интеллектуальная), Мастерство. Можно заметить некоторые противоречия в системе ценностей в обеих этногруппах в условиях принудительной социальной изоляции, а именно: ценность

Саморегуляция (ценности изменения и свободы) занимает предпочтительные позиции на индивидуальном уровне, тогда как Самореализация (Автономия (независимость и самостоятельность) и Мастерство (самоутверждение)) завершают ряд на культурном уровне; ценность Традиции (поддержание культуры) – наименее весомая на индивидуальном уровне, Консерватизм (ценности сохранения и стабильности мира) – наиболее предпочитаемая на культурном. Вероятно, выбор опрошенными лицами таких ценностей на индивидуальном уровне, которые служат автономии и независимости, усилению Я-идентичности, можно объяснить тем, что именно личностная идентичность становится ведущей и определяющей в условиях принудительной социальной изоляции пенитенциарных учреждений. Таким образом, на индивидуальном уровне сложная социальная среда (и усиливающийся аспект выживаемости) способствует активизации индивидуальных потребностей быть самосильным и независимым лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции. Идеалом и образцом культуры и социума для них является стабильность, определенность, всеобщее моральное равенство, обусловливающие предпочтение ценностей Консерватизма и Равноправия на групповом, культурном уровне.

Наиболее значимыми типами мотивации в структуре индивидуальных ценностей лиц, находящихся в нормальных условиях, являются (см. Таблицу 12): Саморегуляция (4,30), Безопасность (4,23), Благожелательность (4,23) в удмуртской группе; Безопасность (4,51), Благожелательность (4,46), Саморегуляция (4,36), Достижение (4,18) – в русской. В русской группе лиц, находящихся в нормальных условиях, этот ряд расширяется за счет мотивационного типа Достижение (достижение личного успеха в рамках разделяемых культурных стандартов).

Таблица 12

Предпочитаемые мотивационные типы в русской и удмуртской группах лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности

Мотивационные типы					
Удмуртская группа			Русская группа		
Тип мотивации	Ср. зн	σ	Тип мотивации	Ср. зн	σ
Саморегуляция	**4,30**	**0,60**	**Безопасность**	4,51	0,66
Безопасность	**4,23**	**0,60**	**Благожелательность**	4,46	0,75
Благожелательность	**4,23**	**0,56**	**Саморегуляция**	4,36	0,67
Универсализм	4,14	0,68	**Достижение**	4,18	0,92
Достижение	4,02	0,97	Универсализм	4,13	0,67
Конформность	3,98	0,74	Конформность	4,11	0,71
Гедонизм	3,83	1,04	Гедонизм	4,03	0,90
Стимуляция	3,67	1,17	Стимуляция	3,73	1,08
Власть	3,62	0,98	Традиции	3,68	0,86
Традиции	3,56	0,82	Власть	3,26	1,19

Примечание. Жирным шрифтом выделены наиболее значимые мотивационные типы в группах.

Во всей выборочной совокупности наиболее значимыми мотивационными типами стали: Саморегуляция, Безопасность, Благожелательность, в большей мере направленные на достижение свободы, потребности быть самосильными и независимыми и в то же время потребности в позитивном взаимодействии с другими для собственной безопасности и стабильности жизни. Этот ряд расширяется за счет включения мотивационного типа Достижение (обретение личного успеха и результатов жизнедеятельности) у лиц из русской культурной среды.

3.4. Ценностно-смысловые факторы намерений лиц в трудной жизненной ситуации и нормальных условиях жизнедеятельности

В ходе дальнейшего исследования базовых ценностей лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, различных этногрупп с помощью дисперсионного анализа (одномерного двухфакторного ANOVA, межгрупповой дизайн) показателей всей выборочной совокупности лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, установлены статистически значимые эффекты первого контролируемого фактора (ценности на культурном уровне), взаимодействие факторов (ценности и этническая идентичность). Особо отметим, что главных эффектов второго контролируемого фактора (этническая идентичность) не обнаружено, что является очевидным.

Итак, по показателю «потенциал осуществления жизненных намерений» установлен главный эффект фактора «ценности» при взаимодействии факторов «этническая идентичность» и «ценности»: «ценность» равенство (Равноправие); «ценность» социальный порядок; «ценность» вежливость (Принадлежность (Консерватизм)); «ценность» взаимоуслужливость (Принадлежность (Консерватизм)); «ценность» умелость (Мастерство); «ценность» чистоплотность (Принадлежность (Консерватизм)) (см. Таблицы 13; 14; 15; 16; 17; 18).

Согласно полученным результатам, показатель «потенциал осуществления жизненных намерений» у лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, преобразуется в зависимости от изменения показателей ценностей. При этом в русской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, они резко повышаются от низкого к среднему и чуть возрастает к высокому значению ценности. В свою очередь, у удмуртов прослеживается небольшое понижение показателя от низкого к

среднему и далее резкое повышение к высокому показателю рассматриваемых ценностей (см. Приложение 5).

Таблица 13

Эффект ценностного фактора «равенство» и взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «равенство» по показателю «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (средние и стандартные отклонения) (одномерный двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Фактор этническая идентичность	Уровни ценности «равенство»		
	низкий	средний	высокий
Русские	3,34 (0,52)	3,56 (0,61)	3,53 (0,62)
Удмурты	3,66 (0,73)	3,19 (0,57)	4,00 (0,37)

Примечание. Главные эффекты: ценностного фактора «равноправие» $F = (5, 131) = 3,122$, $p = 0,048$; взаимодействия фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «равноправие» $F = (5, 131) = 4,537$, $p = 0,013$, $R^2 = 0,096$.

Таблица 14

Эффект ценностного фактора «социальный порядок» и взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «социальный порядок» по показателю «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (средние и стандартные отклонения) (одномерный двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Фактор этническая идентичность	Уровни ценности «социальный порядок»		
	низкий	средний	высокий
Русские	3,02 (0,62)	3,59 (0,52)	3,64 (0,61)
Удмурты	3,21 (0,30)	3,12 (0,61)	3,87 (0,50)

Примечание. Главные эффекты: ценностного фактора «социальный порядок» F = (5, 131) = 5,356, p = 0,006; взаимодействия фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «социальный порядок» F = (5, 131) = 3,952, p = 0,022, R^2 = 0,167.

Таблица 15

Эффект ценностного фактора «вежливость» и взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «вежливость» по показателю «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (средние и стандартные отклонения) (одномерный двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Фактор этническая идентичность	Уровни ценности «вежливость»		
	низкий	средний	высокий
Русские	3,33 (0,58)	3,43 (0,62)	3,58 (0,59)
Удмурты	3,50 (0,10)	3,10 (0,61)	3,86 (0,48)

Примечание. Главные эффекты: ценностного фактора «вежливость» F = (5, 131) = 6,132, p = 0,003; взаимодействия фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «вежливость» F = (5, 131) = 2,896, p = 0,059, R^2 = 0,108.

Таблица 16

Эффект ценностного фактора «взаимоуслужливость» и взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «взаимоуслужливость» по показателю «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (средние и стандартные отклонения) (одномерный двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Фактор этническая идентичность	Уровни ценности «взаимоуслужливость»		
	низкий	средний	высокий

Русские	3,26 (0,60)	3,49 (0,59)	3,60 (0,60)
Удмурты	3,36 (0,47)	3,11 (0,53)	3,97 (0,52)

Примечание. Главные эффекты: ценностного фактора «взаимоуслужливость» F = (5, 131) = 7,171, p = 0,001; взаимодействия фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «взаимоуслужливость» F = (5, 131) = 4,048, p = 0,020, R^2 = 0,135.

Таблица 17

Эффект ценностного фактора «умелость» и взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «умелость» по показателю «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (средние и стандартные отклонения) (одномерный двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Фактор этническая идентичность	Уровни ценности «умелость»		
	низкий	средний	высокий
Русские	3,07 (0,83)	3,48 (0,61)	3,60 (0,53)
Удмурты	0,00 (0,00)	3,19 (0,56)	3,90 (0,55)

Примечание. Главные эффекты: ценностного фактора «умелость» F = (5, 131) = 6,929, p = 0,001; взаимодействия фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «умелость» F = (5, 131) = 5,078, p = 0,026, R^2 = 0,117.

Таблица 18

Эффект ценностного фактора «чистоплотность» и взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «чистоплотность» по показателю «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (средние и стандартные отклонения) (одномерный двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Фактор	Уровни ценности «чистоплотность»

этническая идентичность	низкий	средний	высокий
Русские	2,43 (0,40)	3,58 (0,63)	3,54 (0,54)
Удмурты	3,42 (0,00)	3,19 (0,47)	3,43 (0,64)

Примечание. Главные эффекты: ценностного фактора «чистоплотность» F = (5,131) = 3,623, p = 0,030; взаимодействия фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «чистоплотность» F = (5, 131) = 3,187, p = 0,046, R^2 = 0,108.

Подобного рода статистическая закономерность была обнаружена при выявлении только взаимодействия факторов «этническая идентичность» и «ценности»: удовольствие (Автономия аффективная); национальная безопасность (Принадлежность (Консерватизм)); честолюбие (Мастерство) (см. Таблицы 19; 20; 21). Отличительную закономерность в отношениях с фактором «этническая идентичность» получила ценность «благочестие» (хранение веры, следование религиозным убеждениям) (ценность находится в нейтральной зоне между наиболее и наименее предпочитаемыми) (см. Таблица 4, Приложение 6). Согласно данным Таблицы 22, показатель «потенциал осуществления жизненных намерений» растет по мере повышения показателей ценности «благочестие» в русской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, тогда как в удмуртской группе он резко понижается.

Отметим, что выявленные ценности, оказавшие влияние на «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, аналогично предпочитаемым ценностям (см. Таблица 4), входят в блоки культурных ценностей по Ш. Шварцу: Принадлежность (Консерватизм), Равноправие, Мастерство, Автономия аффективная.

Таблица 19

Взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «удовольствие» по показателю «потенциал осуществления жизненных

намерений» лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (средние и стандартные отклонения) (одномерный двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Фактор этническая идентичность	Уровни ценности «удовольствие»		
	низкий	средний	высокий
Русские	3,52 (0,60)	3,64 (0,57)	3,30 (0,60)
Удмурты	3,08 (0,66)	3,41 (0,57)	3,97 (0,62)

Примечание. Взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «удовольствие» и $F = (5, 131) = 4,679$, $p = 0,011$, $R^2 = 0,100$.

Таблица 20

Взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «национальная безопасность» по показателю «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (средние и стандартные отклонения) (одномерный двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Фактор этническая идентичность	Уровни ценности «национальная безопасность»		
	низкий	средний	высокий
Русские	3,38 (0,68)	3,66 (0,45)	3,46 (0,64)
Удмурты	3,71 (0,85)	3,19 (0,62)	3,61 (0,55)

Примечание. Взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «национальная безопасность» и $F = (5, 131) = 3,240$, $p = 0,043$, $R^2 = 0,059$.

Таблица 21

Взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «честолюбие» по показателю «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (средние и стандартные отклонения) (одномерный двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Фактор этническая идентичность	Уровни ценности «честолюбие»		
	низкий	средний	высокий
Русские	3,07 (0,97)	3,56 (0,57)	3,50 (0,58)
Удмурты	3,43 (0,00)	3,18 (0,60)	3,76 (0,62)

Примечание. Взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «честолюбие» и $F = (5,131) = 3,394$, $p = 0,037$, $R^2 = 0,079$.

Таблица 22

Взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «благочестие» по показателю «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (средние и стандартные отклонения) (одномерный двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Фактор этническая идентичность	Уровни ценности «благочестие»		
	низкий	средний	высокий
Русские	3,37 (0,76)	3,50 (0,49)	3,75 (0,54)
Удмурты	3,78 (0,75)	3,36 (0,56)	2,42 (0,47)

Примечание. Взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «благочестие» и $F = (5, 131) = 3,887$, $p = 0,023$, $R^2 = 0,080$.

Полученные данные дисперсионного анализа (одномерного однофакторного ANOVA) констатируют значимые различия показателей зависимой переменной, соответствующих трем разным градациям независимой переменной отдельно в каждой группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции. Так, в русской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, в качестве таких независимых переменных выступили ценности: внутренняя гармония (R^2=0,224), социальный порядок (Принадлежность (Консерватизм) (R^2=0,118), смысл жизни (R^2=0,129), самоуважение (R^2=0,097), самодисциплина (Принадлежность (Консерватизм))

(R^2=0,065), защита семьи (R^2=0,090), единство с природой (Гармония) (R^2=0,070), мудрость (Принадлежность (Консерватизм)) (R^2=0,070), социальная справедливость (Равноправие) (R^2=0,078), выбор собственных целей (Мастерство) (R^2=0,070), здоровье (R^2=0,101), умелость (Мастерство) (R^2=0,089), ответственность (Равноправие) (R^2=0,118), достижение успеха (Мастерство) (R^2=0,110), чистоплотность (Принадлежность (Консерватизм)) (R^2=0,078) (см. Таблица 23). Согласно полученным данным, при повышении показателей перечисленных ценностей показатели «потенциала осуществления жизненных намерений» возрастают. Коэффициенты детерминации (R^2) указывают на наибольшую меру эффекта ценностей: внутренняя гармония, смысл жизни, социальный порядок, ответственность, достижение успеха, здоровье.

Таблица 23

Средние и стандартные отклонения «показателя потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции русской группы (одномерный однофакторный дисперсионный ANOVA)

Ценности русской этногруппы в принудительной социальной изоляции	Уровни ценностного показателя			Уровень значимости $p \leq$
	низкий	средний	высокий	
Внутренняя гармония	2,92 (0,56)	3,40 (0,54)	3,77 (0.51)	0,001
Социальный порядок	3,02 (0,62)	3,59 (0,52)	5,60 (0.60)	0,005
Смысл жизни	2,86 (0,69)	3,48 (0,61)	3,67 (0.48)	0,003
Самоуважение	2,83 (0,61)	3,59 (0,58)	3,54 (0.57)	0,014
Самодисциплина	3,09 (0,61)	3,47 (0,65)	3,63 (0.49)	0,050
Защита семьи	2,50 (0,51)	3,29 (0,59)	3,56 (0.57)	0,005
Единство с природой	3,23 (0,65)	3,54 (0,55)	3,69 (0.58)	0,048
Мудрость	3,09 (0,76)	3,46 (0,59)	3,63 (0.53)	0,047
Социальная справедливость	3,12 (0,65)	3,55 (0,56)	3,63 (0.59)	0,033
Выбор собственных целей	3,14 (1,03)	3,37 (0,64)	3,65 (0.49)	0,047
Здоровье	2,29 (0,20)	3,49 (0,59)	3,55 (0.57)	0,011

Умелость	3,09 (0,67)	3,56 (0,59)	3,60 (0.53)	0,020
Ответственность	2,61 (0,73)	3,49 (0,57)	3,59 (0.55)	0,005
Достижение успеха	3,04 (0,57)	3,48 (0,63)	3,66 (0.51)	0,007
Чистоплотность	2,43 (0,40)	3,52 (0,63)	3,54 (0.54)	0,032

Примечание. Главные эффекты фактора ценности: «внутренняя гармония» $F = (2, 84) = 12{,}091$, $p \leq 0{,}001$; «социальный порядок» $F = (2, 84) = 5{,}602$, $p = 0{,}005$; «смысл жизни» $F = (2, 84) = 6{,}241$, $p = 0{,}003$; «самоуважение» $F = (2, 84) = 4{,}527$, $p = 0{,}014$; «самодисциплина» $F = (2, 84) = 3{,}091$, $p = 0{,}050$; «защита семьи» $F = (2, 84) = 5{,}621$, $p = 0{,}005$; «единство с природой» $F = (2, 84) = 3{,}150$, $p = 0{,}048$; «мудрость» $F = (2, 84) = 3{,}170$, $p = 0{,}047$; «социальная справедливость» $F = (2, 84) = 3{,}568$, $p = 0{,}033$; «выбор собственных целей» $F = (2, 84) = 3{,}161$, $p = 0{,}047$; «здоровье» $F = (2, 84) = 4{,}741$, $p = 0{,}011$; «умелость» $F = (2, 84) = 4{,}096$, $p = 0{,}020$; «ответственность» $F = (2, 84) = 5{,}621$, $p = 0{,}005$; «достижение успеха» $F = (2, 84) = 5{,}216$, $p = 0{,}007$; «чистоплотность» $F = (2, 84) = 3{,}571$, $p = 0{,}032$.

В удмуртской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, сходная закономерность изменения зависимой переменной установлена при эффектах ценностей: смысл жизни (R^2=0,271), творчество (Автономия интеллектуальная) (R^2=0,135), независимость (Мастерство) (R^2=0,105), здоровье (R^2=0,150), достижение успеха (Мастерство) (R^2=0,222), потакание себе (Автономия аффективная) (R^2=0,124). Вместе с тем обнаружены особенные эффекты ценностей: равенство (Равноправие) (R^2=0,176), чувство принадлежности (Принадлежность (Консерватизм) (R^2=0,121), социальный порядок (Принадлежность (Консерватизм) (R^2=0,197), вежливость (Принадлежность (Консерватизм) (R^2=0,231), взаимоуслужливость (Принадлежность (Консерватизм) (R^2=0,285), честолюбие (Мастерство) (R^2=0,095), которые понижают показатели «потенциала осуществления жизненных намерений» от низких к средним собственных значений и повышают по направлению к высокой их выраженности (см. Таблица 24). Эффект влияния ценностей: взаимоуслужливость, смысл жизни, вежливость, достижение успеха, социальный порядок, равенство, здоровье оказался наиболее значительным (см. R^2).

Таблица 24

Средние и стандартные отклонения показателя «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции удмуртской группы (одномерный однофакторный дисперсионный ANOVA)

Ценности удмуртской этногруппы в принудительной социальной изоляции	Уровни ценностного показателя			Уровень значимости p ≤
	низкий	средний	высокий	
Равенство	3,65 (0,72)	3,18 (0,57)	4,00 (0,47)	0,013
Чувство принадлежности	3,86 (0,75)	3,13 (0,60)	3,70 (0,49)	0,034
Социальный порядок	3,22 (0,50)	3,09 (0,56)	3,80 (0,57)	0,009
Смысл жизни	3,00 (0,42)	3,18 (0,68)	3,89 (0,39)	0,002
Вежливость	3,50 (0,39)	3,10 (0,61)	3,86 (0,48)	0,004
Взаимоуслужливость	3,36 (0,47)	3,11 (0,53)	3,97 (0,52)	0,001
Творчество	3,04 (0,46)	3,22 (0,54)	3,80 (0,66)	0,027
Независимость	2,95 (0,35)	3,26 (0,69)	3,76 (0,50)	0,045
Честолюбие	3,43 (0,41)	3,18 (0,61)	3,76 (0,62)	0,051
Здоровье	2,45 (0,52)	3,11 (0,50)	3,31 (0,68)	0,015
Достижение успеха	3,06 (0,44)	3,56 (0,65)	4,24 (0,36)	0,005
Потакание себе	3,12 (0,64)	3,34 (0,63)	4,00 (0,45)	0,033

Примечание. Главные эффекты фактора ценности: «равенство» $F = (2, 47) = 5,024$, $p = 0,013$; «чувство принадлежности» $F = (2, 47) = 3,696$, $p = 0,034$; «социальный порядок» $F = (2, 47) = 5,383$, $p = 0,009$; «смысл жизни» $F = (2, 47) = 7,626$, $p = 0,002$; «вежливость» $F = (2, 47) = 6,443$, $p = 0,004$; «взаимоуслужливость» $F = (2, 47) = 8,160$, $p \leq 0,001$; «творчество» $F = (2, 47) = 4,022$, $p = 0,027$; «независимость» $F = (2, 47) = 3,343$, $p = 0,045$; «честолюбие» $F = (2, 47) = 3,184$, $p = 0,051$; «здоровье» $F = (2, 47) = 4,321$, $p = 0,015$; «достижение успеха» $F = (2, 47) = 6,086$, $p = 0,005$; «потакание себе» $F = (2, 47) = 3,757$, $p = 0,033$.

Отдельно остановимся на ценности «здоровье». Она является для всех лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, во-первых, наиболее предпочитаемой ценностью (см. Таблица 4), во-вторых, фактором,

привносящим эффект на «потенциал осуществления жизненных намерений» (см. Таблица 24; 25) и, в-третьих, ценностью с внутренним конфликтом – ощущением невозможности ее достижения (данные полученные в результате применения методики Е.Б. Фанталовой (см. Таблица 6)). Такое значение ценности «здоровье» выступает барьером в осуществлении намерений лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, т.к. будущее ограничено возможными проблемами со здоровьем (Ф.Е. Василюк)

В группе лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности, «воздействующими» ценностями на «потенциал осуществления жизненных намерений» стали: духовная жизнь (R^2=0,101), смысл жизни (R^2=0,099), национальная безопасность (Принадлежность (Консерватизм)) (R^2=0,119), защита семьи (R^2=0,108), социальное признание (Мастерство) (R^2=0,100), умелость (Мастерство) (R^2=0,180) (см. Таблица 25). Надо полагать, ценности «самотворения»: духовная жизнь и смысл жизни, несущие в себе большой побудительный заряд, организуют поведение и позволяют человеку в своей полноценной жизни произвольно действовать для реализации поставленных целей.

Таблица 25

Средние и стандартные отклонения показателя «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности (одномерный однофакторный дисперсионный ANOVA)

Ценности лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности	Уровни ценностного показателя			Уровень значимости $p \leq$
	низкий	средний	высокий	
Духовная жизнь	3,10 (0,63)	3,45 (0,57)	3,69 (0,60)	0,048
Смысл жизни	3,60 (0,42)	3,19 (0,49)	3,58 (0,65)	0,051
Национальная безопасность	2,80 (0,42)	3,42 (0,59)	3,60 (0,60)	0,027
Защита семьи	3,03 (0,57)	3,45 (0,58)	3,57 (0,59)	0,038
Социальное признание	3,09 (0,53)	3,55 (0,61)	3,53 (0,60)	0,049
Умелость	3,04 (0,60)	3,31 (0,54)	3,74 (0,58)	0,004

Примечание. Главные эффекты фактора ценности: «духовная жизнь» F = (2, 57) = 3,215, p = 0,048; «смысл жизни» F = (2, 57) = 3,141, p = 0,051; «национальная безопасность» F = (2, 57) = 3,857, p = 0,027; «защита семьи» F = (2, 57) = 3,453, p = 0,038; «социальное признание» F = (2, 57) = 3,182, p = 0,049; «умелость» F = (2, 57) = 6,247, p = 0,004.

По данным дисперсионного анализа (одномерного однофакторного ANOVA), констатируют значимые различия показателей зависимой переменной, соответствующих трем разным градациям независимой переменной отдельно в каждой группе лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности. Так, в русской группе лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности, в качестве таких независимых переменных выступили ценности : смысл жизни (R^2=0,370), национальная безопасность (Принадлежность (Консерватизм)) (R^2=0,274), взаимоуслужливость (Принадлежность (Консерватизм)) (R^2=0,239), самодисциплина (Принадлежность (Консерватизм)) (R^2=0,404), защита семьи (R^2=0,293), верность (Равноправие) (R^2=0,224), умелость (Мастерство) (R^2=0,399), довольство своим местом в жизни (R^2=0,227), интеллект (R^2=0,251), наслаждение жизнью (Автономия аффективная) (R^2=0,301), ответственность (Равноправие) (R^2=0,310) (см. Таблица 26).

Таблица 26

Средние и стандартные отклонения «показателя потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности русской группы (одномерный однофакторный дисперсионный ANOVA)

Ценности русской этногруппы в нормальных условиях жизнедеятельности	Уровни ценностного показателя			Уровень значимости p ≤
	низкий	средний	высокий	
Смысл жизни	3,60 (0,42)	3,04 (0,42)	3,83 (0,62)	0,002
Национальная безопасность	2,83 (0,48)	3,93 (0,55)	3,86 (0,63)	0,013
Взаимоуслужливость	3,10 (0,42)	3,31 (0,60)	4,03 (0,52)	0,025
Самодисциплина	3,93 (0,95)	3,17 (0,45)	4,03 (0,49)	0,001
Защита семьи	2,73 (0,34)	3,41 (0,66)	3,79 (0,77)	0,009

Верность	2,93 (0,33)	3,38 (0,57)	3,84 (0,67)	0,033
Умелость	2,73 (0,51)	3,26 (0,44)	3,93 (0,60)	0,001
Довольство своим местом в жизни	3,85 (0,78)	3,19 (0,46)	3,75 (0,66)	0,031
Интеллект	2,78 (0,30)	3,59 (0,62)	3,85 (0,21)	0,020
Наслаждение жизнью	3,20 (0,52)	3,21 (0,62)	3,94 (0,54)	0,007
Ответственность	2,84 (0,39)	3,41 (0,55)	3,80 (0,62)	0,007

Примечание. Главные эффекты фактора ценности: «смысл жизни» F = (2.27) = 7,936, p = 0,002; «национальная безопасность» F = (2, 27) = 5,086, p = 0,013; «взаимоуслужливость» F = (2, 27) = 4,231, p = 0,025; «самодисциплина» F = (2, 27) = 9,140, p = 0,001; «защита семьи» F = (2, 27) = 5,584, p = 0,009; «верность» F = (2, 27) = 3,896, p = 0,033; «умелость» F = (2, 27) = 8,984, p = 0,001; «довольство своим местом в жизни» F = (2, 27) = 3,955, p = 0,031; «интеллект» F = (2, 27) = 4,526, p = 0,020; «наслаждение жизнью» F = (2, 27) = 6,091, p = 0,007; «ответственность» F = (2, 27) = 6,065, p = 0,007.

В удмуртской группе лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности, установлены эффекты ценностей: вежливость (Принадлежность (Консерватизм)) (R^2=0,219), независимость (Мастерство) (R^2=0,194) (см. Таблица 27).

Таблица 27

Средние и стандартные отклонения «показателя потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности удмуртской группы (одномерный однофакторный дисперсионный ANOVA)

Ценности удмуртской этногруппы в нормальных условиях жизнедеятельности	Уровни ценностного показателя			Уровень значимости p ≤
	низкий	средний	высокий	
Вежливость	3,82 (0,74)	3,07 (0,40)	3,49 (0,55)	0,035
Независимость	2,96 (0,51)	3,47 (0,47)	3,70 (0,83)	0,049

Примечание. Главные эффекты фактора ценности: «вежливость» F = (2, 27) = 3,792, p = 0,035; «независимость» F = (2, 27) = 3,254, p = 0,049.

По результатам дисперсионного анализа (одномерного двухфакторного и однофакторного ANOVA), эффектов ценностей на индивидуальном уровне в группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, не обнаружено. У лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности, с помощью дисперсионного анализа (одномерного двухфакторного ANOVA, межгрупповой дизайн) показателей всей выборочной совокупности установлены статистически значимый эффект первого контролируемого фактора (ценности на индивидуальном уровне) и взаимодействие факторов (ценностей и этнокультурной принадлежности), а именно мотивационного типа – Саморегуляция (R^2=0,213) (см. Таблица 28). При использовании дисперсионного анализа (одномерного однофакторного ANOVA) показателей русских, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности, в качестве предикторов «потенциала осуществления жизненных намерений» выступили мотивационные типы: Саморегуляция (R^2=0,408) и Благожелательность (R^2=0,212), удмуртов – Конформность (R^2=0,223) (см. Таблица 29; 30).

Таблица 28

Взаимодействие фактора «этническая идентичность» и мотивационного фактора «саморегуляция» по показателю «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в нормальны условиях жизнедеятельности (средние и стандартные отклонения) (одномерный двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Фактор этническая идентичность	Уровни мотивационного типа «саморегуляция»		
	низкий	средний	высокий
Русские	2,88 (0,19)	3,30 (0,53)	3,93 (0,62)
Удмурты	3,40 (0,17)	3,48 (0,51)	3,21 (0,79)

Примечание. Взаимодействие фактора «этническая идентичность» и мотивационного фактора «саморегуляция» и $F = (5, 54) = 4,984$, $p = 0,010$.

Таблица 29

Средние и стандартные отклонения показателя «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности (одномерный однофакторный дисперсионный ANOVA)

Мотивационные типы в русской группе лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности	Уровни мотивационного типа			Уровень значимости p ≤
	низкий	средний	Высокий	
Саморегуляция	2,79 (0,27)	3,61 (0,52)	4,03 (0,79)	0,001
Благожелательность	3,10 (0,27)	3,42 (0,62)	4,30 (0,53)	0,040

Примечание. Главные эффекты фактора мотивационного типа: «саморегуляция» $F = (2, 27) = 9{,}296$, $p \leq 0{,}001$; «благожелательность» $F = (2, 27) = 3{,}643$, $p = 0{,}040$.

Таблица 30

Средние и стандартные отклонения показателя «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности (одномерный однофакторный дисперсионный ANOVA)

Мотивационные типы в удмуртской группе лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности	Уровни мотивационного типа			Уровень значимости p ≤
	низкий	средний	высокий	
Конформность	3,96 (0,70)	3,16 (0,46)	3,48 (0,57)	0,033

Примечание. Главные эффекты фактора мотивационного типа: «конформность» $F = (2, 27) = 3{,}870$, $p = 0{,}033$.

По мнению Ш. Шварца, ценности на индивидуальном уровне являются основой мотивов, регулирующих поведение и деятельность человека, определяют направленность его конкретных действий и жизненной активности, удовлетворяющей универсальные человеческие потребности. В условиях принудительной социальной изоляции ценности на индивидуальном уровне не становятся побудителями потенциальной реализации отсроченных, долговременных намерений человека. Вернее всего, они будут выступать

факторами реализации срочных, оперативных намерений [53, с. 150], приводящих к удовлетворению потребностей текущего момента [87, с. 223-232].

По данным дисперсионного анализа (однофакторный одномерный ANOVA) в русской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, установлена доля вариации зависимой переменной «потенциал осуществления жизненных намерений», объясняемая вариацией независимой переменной (смысложизненные ориентации): цели в жизни (R^2=0,352), процесс жизни (R^2=0,113), результативность жизни (R^2=0,198), локус контроля – Я (R^2=0,197), локус контроля – жизнь (R^2=0,178), (см. Таблица 31).

Таблица 31

Средние и стандартные отклонения показателя «потенциал осуществления жизненных намерений» в русской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (одномерный однофакторный дисперсионный ANOVA)

Смысложизненные ориентации лиц, в условиях социальной изоляции русской этногруппы	Уровни смысложизненного показателя		
	низкий	средний	высокий
1. Цель жизни	2,96 (0,52)	3,44 (0,48)	3,92 (0,48)
2. Процесс жизни	3,20 (0,47)	3,47 (0,58)	3,78 (0,60)
3. Результат жизни	3,16 (0,59)	3,52 (0,50)	3,94 (0,57)
4. Локус контроля – Я	2,82 (0,54)	3,45 (0,51)	3,76 (0,58)
5. Локус контроля – жизнь	3,11 (0,53)	3,60 (0,46)	3,73 (0,64)

Примечание. Главные эффекты фактора смысложизненных ориентаций: «цель в жизни» $F = (2, 84) = 22{,}804$, $p \leq 0{,}001$; «процесс жизни» $F = (2, 84) = 5{,}356$, $p = 0{,}006$; «результат жизни» $F = (2, 84) = 10{,}374$, $p \leq 0{,}001$; «локус контроля Я» $F = (2, 84) = 10{,}279$, $p \leq 0{,}001$; «локус контроля жизни» $F = (2, 84) = 9{,}105$, $p \leq 0{,}001$.

В свою очередь в удмуртской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, обнаружена аналогичная закономерность в отношении лишь части смысложизненных ориентаций: процесс жизни (R^2=0,137), локус контроля – Я (R^2=0,265), (см. Таблица 32).

Таблица 32

Средние и стандартные отклонения показателя «потенциал осуществления жизненных намерений» в удмуртской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (одномерный однофакторный дисперсионный ANOVA)

Смысложизненные ориентации лиц, в условиях принудительной социальной изоляции удмуртской группы	Уровни смысложизненного показателя		
	низкий	средний	высокий
1. Процесс жизни	3,22 (0.59)	3,28 (0,69)	3,89 (0,35)
2. Локус контроля – Я	2,69 (0.38)	3,49 (0,48)	3,71 (0,66)

Примечание. Главные эффекты фактора смысложизненных ориентаций: «процесс жизни» $F = (2, 47) = 3,180$, $p = 0,052$; «локус контроля Я» $F = (2, 47) = 7,417$, $p = 0,002$.

В нормальных условиях жизнедеятельности смысложизненные ориентации: цель в жизни (R^2=0,208), процесс жизни (R^2=0,178), результативность в жизни (R^2=0,211), локус контроля – Я (R^2=0,135), локус контроля – жизнь (R^2=0,174), общий показатель «осмысленности жизни» (R^2=0,262) в полном составе выступают предикторами «потенциала осуществления жизненных намерений» человека (см. Таблица 33).

Таблица 33

Средние и стандартные отклонения показателя «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности (одномерный однофакторный дисперсионный ANOVA)

Смысложизненные ориентации лиц, в нормальных условиях жизнедеятельности	Уровни ценностного показателя		
	низкий	средний	высокий
1. Цель жизни	3,11 (0,59)	3,41 (0,44)	3,80 (0,62)
2. Процесс жизни	3,13 (0,61)	3,29 (0,52)	3,82 (0,63)
3. Результат жизни	3,07 (0,54)	3,41 (0,49)	3,82 (0,65)
4. Локус контроля – Я	3,26 (0,50)	3,31 (0,53)	3,77 (0,70)

5. Локус контроля – жизнь	3,07 (0,54)	3,38 (0,52)	3,79 (0,65)
6. Осмысленность жизни	3,13 (0,52)	3,43 (0,48)	3,90 (0,62)

Примечание. Главные эффекты фактора смысложизненных ориентаций: «цель в жизни» $F = (2, 57) = 7{,}488$, $p \leq 0{,}001$; «процесс жизни» $F = (2, 57) = 6{,}151$, $p = 0{,}004$; «результат жизни» $F = (2, 57) = 7{,}644$, $p \leq 0{,}001$; «локус контроля Я» $F = (2, 57) = 4{,}455$, $p = 0{,}016$; «локус контроля жизни» $F = (2, 57) = 6{,}023$, $p = 0{,}004$; «осмысленность жизни» $F = (2, 57) = 10{,}115$, $p \leq 0{,}001$.

Анализ данных дисперсионного анализа дает нам основание утверждать, что на «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, произвели эффект ценности социальных отношений и равных возможностей, самореализации и субъективного благополучия, в большинстве своем являющиеся предпочитаемыми (базовыми) культурными ценностями в этой группе. При этом установлено, что по мере увеличения значимости ценностей в русской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, показатель жизненных намерений резко повышается от низкого к среднему и чуть возрастает к высокому значению ценности. Тогда как в удмуртской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, он плавно понижается от низкого к среднему и резко повышается к высокому показателю ценностей. Результаты, рассматриваемые на примере эффекта ценности «социальный порядок» можно объяснить, ссылаясь на данные эмпирических исследований [102], в ходе которых установлено, что у удмуртов актуализация значимой ценности «Упорядочивание социального мира» запускает самоорганизацию внутреннего мира, а именно самоупорядочивание как нелинейный процесс самоорганизации личности с дискретным путем своего развития, осуществляемый средствами социальных ресурсов. По всей вероятности, выявленная ценность «социальный порядок» запускает подобный механизм в реализации жизненных намерений.

Особую связь с зависимой переменной обнаруживает ценность «благочестие» (хранение веры, следование религиозным убеждениям), при повышении значимости которой «потенциал осуществления жизненных

намерений» в русской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, повышается, в удмуртской – понижается. Здесь следует указать, что у лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции – удмуртов, в стимульном материале рядом с этой ценностью были замечены приписки: «Христианская вера», «Православный Бог». Видимо, испытуемые эту ценность связывали с религией, распространенной в регионе – христианским православием. Как отмечают финно-угроведы [36, с.197-216], для религиозно-мифологической системы удмуртов в силу ее генезиса, длительности эволюции и взаимодействия с разными культурными системами характерен сложный синкретизм. В религии удмуртов своеобразно переплетаются элементы собственно язычества: тотемизма, погребального культа, знахарства, ведовства, шаманизма, которые сгруппированы, в основном, вокруг семейно-родовых и аграрных культов, а также христианства и ислама. Невзирая на существенное влияние мировых религий, удмуртам удалось сохранить свою древнюю анимистическую религию. До сегодняшнего дня в удмуртских деревнях сохранились места и святилища, где народ продолжает совершать свои священные обряды и ритуалы.

Важным предиктором «потенциала осуществления жизненных намерений» явилась ценность «здоровье». Защита своего здоровья – это, в первую очередь, защита чести и достоинства, порой и жизни, в условиях принудительной социальной изоляции, защитой от нравов тюремной среды, и, кроме того, это следование правилам сберегающего здоровье поведения, исключающим действия самоповреждающего характера, что часто наблюдается в условиях тюремной субкультуры [13]. Несомненно, при условии сохранения здоровья в ходе отбывания наказания и понимания значимости этой ценности к моменту выхода из пенитенциарного учреждения, человек с большой вероятностью может реализовать жизненные намерения и достичь поставленных целей в процессе ресоциализации.

На основании предложенной теоретической модели В.Ю. Хотинец нами были соотнесены ценности на культурном уровне Ш. Шварца с ценностями православия (в русской группе) и ценностей язычества (в удмуртской). Было установлено, что ценности на культурном уровне, оказавшие эффекты на «потенциал осуществления жизненных намерений» в каждой исследуемой группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, легко согласуются с этноконфессиональными ценностями. Так, в русской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, такие ценности, как внутренняя гармония (быть в мире с самим собой), смысл жизни (наличие жизненных целей), ответственность, мудрость, самодисциплина (сопротивляемость соблазнам), на наш взгляд, соотносятся с ценностями православия. Православные ценности направлены, в первую очередь, на преображение внутреннего мира человека (внутреннего строя человеческой души), осмысление человеческого существования, милосердие и целомудрие, смирение и ответственность как высшее понимание и постижение жизни.

В удмуртской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, ценности: смысл жизни, взаимоуслужливость, вежливость, социальный порядок, равенство, чувство принадлежности, честолюбие (усердие в работе) сопоставимы с ценностями язычества воззрений как основы религиозно-мифологических представлений удмуртского народа. Представления об идеальном устройстве мира, воплощенные в удмуртском эпосе, включают в себя мир и согласие, равенство и справедливость, лад в работе и добрые отношения с добрыми людьми – всё это придает силы и позволяет народу справляться с трудностями существования. Особенная связь этих ценностей с «потенциалом осуществления жизненных намерений» (см. Таблица 24) исходит от циклического представления жизни, времени, пространства без строгой и обратимой последовательности, что вызывает особые закономерности опосредованного поведения и поступков человека в этнокультурном мире [182].

Не подлежат сомнению данные о том, что ценности субъектности и самореализации: достижение успеха (стремление к достижению целей), выбор собственных целей (самостоятельность в выборе) – при выходе из пенитенциарных учреждений могут актуализировать жизненные намерения лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции. Проявление субъектной активности, активизации субъектного (регуляторного) опыта обеспечивает человеку возможность успешного разрешения возникающих проблем, позволяет осмыслить задачи в разнообразных жизненных ситуациях, обрести самостоятельность в сложных обстоятельствах [108], реализовать свои жизненные намерения и планы.

В нормальных условиях жизнедеятельности культурные ценности-предикторы намерений самоорганизуют ценностную систему личности, согласуя ценности вариативной направленности (ценности коллективизма и индивидуализма).

Среди смысложизненных ориентаций в качестве предикторов жизненных намерений в обеих группах лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции, выделились «процесс жизни» и «локус контроля – Я». Низкие показатели по шкале «процесс жизни» у лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции – признак неудовлетворенности своей жизнью в настоящем. Однако жизни могут придавать полноценный смысл воспоминания о прошлом или нацеленность на будущее [88, с.14-16]. Смысл глубоко понимается в религиозных учениях и религиозно-мифологических представлениях человеческих сообществ: дискретная темпоральность, присущая опыту взаимообщения временного человека с вечным Богом – в христианстве [118], «синхрония» существования реального и божественного миров – в языческих верованиях [183].

«Локус контроля – Я» соответствует представлению о себе как о личности, обладающей возможностями построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле [88, с. 15]. Жизненные намерения

конструируются через личностное содержание, отражающееся в жизненных смыслах, сознательном отношении к себе (личностная регуляция) и как результат – в возможности адаптации в социальном мире. «Оживление» субъектности приводит к правильным жизненным смыслам и целям, позволяет найти лучшие способы разрешения конфликтных и проблемных ситуаций независимо от национального статуса человека и социальной структуры его окружения [108]. У человека появляется возможность преодолеть в сложных жизненных ситуациях трудности, связанные с выбором адекватных стратегий решения проблем, способов и средств достижения жизненных целей (субъектная регуляция) и как результат – возможность изменить внутренний мир и поведение [117].

Очевидно, что выявленные ценности и смыслы удерживают побуждение – энергетический заряд намерения, синтезируя его аффективный и интеллектуальный компоненты [53, с. 40]. «В тех случаях, когда усвоенные ценности сами приобретают силу непосредственных побуждений, они могут определять поведение человека независимо от сознательно принятых решений, непроизвольно подчиняя себе все другие его побуждения, в том числе и неосознаваемые им самим» [23, с. 41].

Итак, в ходе эмпирического исследования получены следующие результаты:

1. В результате применения методики «Жизненные предназначения» О.И. Моткова средствами контент-анализа были раскрыты особенности и структура жизненных намерений лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации (принудительной социальной изоляции). Во-первых, установлено, что намерение может быть представлено лишь только потребностью (я хочу) без конкретных способов и средств, позволяющих достичь удовлетворения этой потребности. Во-вторых, установлена рассогласованность аффективного (переживание нужды) и интеллектуального (способы и средства достижения цели) компонентов. В-третьих, обнаружено замещение интеллектуального компонента (в связи с имеющимися сомнениями в действенности способов и средств достижения цели)

нравственными поучениями – религиозными притчами как жизненными намерениями или же непосредственным обращением к всемогущему Богу-Творцу, Покровителям рода и семьи из религиозно-мифологических (языческих) воззрений.

В группе лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности, аффективный и интеллектуальный компоненты в преобладающей мере согласованы друг с другом.

2. Раскрыты кросскультурные особенности намерений лиц во всей выборочной совокупности: в русской группе намерения в большей мере ориентированы на самого себя с включением внутренних субъектных ресурсов, в удмуртской группе в большинстве своем намерения отличаются социальной направленностью с адаптивными возможностями во взаимодействии с внешним миром.

3. По данным применения опросника изучения ценностей на культурном уровне Ш. Шварца с использованием процедуры подсчета средних значений показателей ценностей и построением иерархического кластерного анализа ценностей были установлены кросскультурные различия в базовых культурных ценностях у лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации. К отличительным ценностям в русской группе относятся: независимость, мудрость, полезность, взаимоуслужливость, вошедшие в блоки Шварца: Принадлежность (Консерватизм), Равноправие, Мастерство. В удмуртской группе к отличительным ценностям относятся: мир на земле, сохранение своего публичного образа, вежливость, честность, самодисциплина, умение прощать, которые представлены в блоках Принадлежность (Консерватизм), Равноправие, Гармония. В результате применения методики «УСЦД» Е.Б. Фанталовой у лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, был выявлен внутренний конфликт (Ц – Д = 4.28) в отношении ценности «здоровье».

4. В нормальных условиях жизнедеятельности в русской группе базовые культурные ценности весомее представлены индивидуалистическими

ценностями: достижение успеха (Мастерство), наслаждение жизнью (Автономия аффективная); в удмуртской группе – коллективистскими ценностями: ответственность, верность, социальная справедливость (Равноправие), чистоплотность, сохранение своего публичного образа, вежливость, социальный порядок, национальная безопасность (Принадлежность (Консерватизм)). Внутриличностных конфликтов и вакуумов ценностной сфере не обнаружено.

5. Установлены кросскультурные различия во всей выборочной совокупности; в русской группе доминируют ценности индивидуалистической направленности, в удмуртской группе базовые культурные ценности весомее представлены коллективистскими ценностями социальных отношений.

6. По результатам применения опросника изучения ценностей на индивидуальном уровне Ш. Шварца установлены кросскультурные различия индивидуальных ценностей всей выборочной совокупности: наиболее значимыми типами мотивации в структуре индивидуальных ценностей являются Саморегуляция, Безопасность, Благожелательность – в удмуртской группе; Безопасность, Саморегуляция, Благожелательность, Достижение – в русской.

7. По результатам использования теста «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева с применением U-критерий (Манна-Уитни) были установлены сниженные показатели смысложизненных ориентаций: процесса жизни, результативности жизни, локуса контроля жизни у лиц в трудной жизненной ситуации в сравнении с лицами в нормальных условиях жизнедеятельности. Во всей выборочной совокупности кросскультурные различия смысложизненных ориентаций не установлены.

8. По результатам применения процедуры дисперсионного анализа (одномерного двухфакторного ANOVA, межгрупповой дизайн) были выявлены ценностные факторы (на культурном уровне) намерений лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации. По показателю «потенциал осуществления жизненных намерений» установлен главный эффект фактора «ценности» при взаимодействии факторов «этническая идентичность» и «ценности»: равенство

(Равноправие), социальный порядок (Принадлежность (Консерватизм)), вежливость (Принадлежность (Консерватизм)), взаимоуслужливость (Принадлежность (Консерватизм)), умелость (Мастерство), чистоплотность (Принадлежность (Консерватизм)). По показателю «потенциал осуществления жизненных намерений» установлен главный эффект фактора «ценности» при взаимодействии факторов «этническая идентичность» и «ценности»: равенство (Равноправие), социальный порядок (Принадлежность (Консерватизм)), вежливость (Принадлежность (Консерватизм)), взаимоуслужливость (Принадлежность (Консерватизм)), умелость (Мастерство), чистоплотность (Принадлежность (Консерватизм)), благочестие (Принадлежность (Консерватизм)).

9. По данным дисперсионного анализа (одномерного однофакторного) показателей в русской группе лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, установлены ценностные факторы (на культурном уровне) намерений: внутренняя гармония, социальный порядок (Принадлежность (Консерватизм), смысл жизни, самоуважение, самодисциплина (Принадлежность (Консерватизм)), защита семьи, единство с природой (Гармония), мудрость (Принадлежность (Консерватизм)), социальная справедливость (Равноправие), выбор собственных целей (Мастерство), здоровье, умелость (Мастерство), ответственность (Равноправие), достижение успеха (Мастерство), чистоплотность (Принадлежность (Консерватизм)).

10. По данным дисперсионного анализа (одномерного однофакторного) показателей в удмуртской группе лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, установлены ценностные факторы (на культурном уровне) намерений: смысл жизни, творчество (Автономия интеллектуальная), независимость (Мастерство), здоровье, достижение успеха (Мастерство), потакание себе (Автономия аффективная). Вместе с тем обнаружены особенные эффекты ценностей: равенство (Равноправие), чувство принадлежности (Принадлежность (Консерватизм), социальный порядок (Принадлежность (Консерватизм),

вежливость (Принадлежность (Консерватизм), взаимоуслужливость (Принадлежность (Консерватизм), честолюбие (Мастерство), которые понижают показатели «потенциала осуществления жизненных намерений от низких к средним собственных значений и повышают по направлению к высокой их выраженности

11. По результатам применения дисперсионного анализа (одномерного однофакторного) показателей в группе лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности, «воздействующими» ценностями (на культурном уровне) «потенциал осуществления жизненных намерений» стали: духовная жизнь, смысл жизни, национальная безопасность (Принадлежность (Консерватизм)), защита семьи, социальное признание (Мастерство), умелость (Мастерство).

12. По данным дисперсионного анализа (одномерного однофакторного) показателей в группе лиц в нормальных условиях жизнедеятельности установлены ценностные факторы (на культурном уровне) намерений: у русских – смысл жизни, национальная безопасность (Принадлежность (Консерватизм), взаимоуслужливость (Принадлежность (Консерватизм), самодисциплина (Принадлежность (Консерватизм), защита семьи, верность (Равноправие), умелость (Мастерство), довольство своим местом в жизни, интеллект, наслаждение жизнью (Автономия аффективная), ответственность (Равноправие); у удмуртов – вежливость (Принадлежность (Консерватизм), независимость (Мастерство).

13. В результате применения дисперсионного анализа (одномерного двухфакторного и однофакторного ANOVA) ценностей на индивидуальном уровне в группе лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, эффектов не выявлено.

14. По данным дисперсионного анализа (одномерного двухфакторного ANOVA, межгрупповой дизайн) показателей в группе лиц в нормальных условиях жизнедеятельности установлен главный эффект фактора «мотивационного типа» при взаимодействии факторов «этническая

идентичность» и «мотивационного типа»: Саморегуляция. В результате использования дисперсионного анализа (одномерного однофакторного) в качестве предикторов «потенциала осуществления жизненных намерений» выступили мотивационные типы: Саморегуляция и Благожелательность (постепенное повышение «потенциала жизненных намерений») в русской группе; Конформность (резкое понижение, а потом повышение «потенциала жизненных намерений») в удмуртской группе.

15. По данным применения процедуры дисперсионного анализа (одномерного однофакторного) в группе лиц в трудной жизненной ситуации смысловыми предикторами «потенциала осуществления жизненных намерений» выступили: цели в жизни, процесс жизни, результативность жизни, локус контроля – Я, локус контроля – жизнь в русской группе; процесс жизни, локус контроля – Я в удмуртской группе.

16. С помощью дисперсионного анализ (одномерного однофакторного) в группе лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности смысловыми предикторами «потенциала осуществления жизненных намерений» выступили: цель в жизни, процесс жизни, результативность в жизни, локус контроля – Я, локус контроля – жизнь, общий показатель «осмысленности жизни».

Таким образом, решены эмпирические задачи исследования: раскрыта структура и особенности жизненных намерений лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, в сравнении с группой лиц в нормальных условиях жизнедеятельности; установлены кросскультурные различия в показателях базовых культурных ценностей и мотивационных типов во всей выборочной совокупности; не установлены кросскультурные различия смысложизненных ориентаций во всей выборочной совокупности; выявлены ценностно-смысловые предикторы (факторы) жизненных намерений и их побудительные силы (синтез потребности и интеллектуальной активности) лиц в трудной жизненной ситуации и нормальных условиях жизнедеятельности.

ВЫВОДЫ

1. В ходе теоретического исследования выявлено, что намерения как побудители поведения формируются, когда цель деятельности отдалена и ее достижение отсрочено или же когда удовлетворение потребности не может быть достигнуто непосредственно и требует достижения промежуточных целей, не имеющих собственной побудительной силы. В трудных жизненных ситуациях для личности поддерживающее значение приобретает то, что наделяется ресурсным значением, а значит, наделяется ценностью (полезностью) и смыслом (личностной значимостью), синтезирует аффективный и интеллектуальный компоненты намерений и приводит к отсроченным, жизненно важным результатам.

2. В результате эмпирического исследования установлено, что в группе лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, в частности, в принудительной социальной изоляции, разрыв и рассогласование аффективного (переживания нужды) и интеллектуального (конкретных способов и средств достижения цели) компонентов намерений выражаются дефицитарностью интеллектуальной активности, рассогласованностью цели и способов ее достижения, замещением интеллектуального компонента в связи с имеющимися сомнениями в действенности собственных способов и средств достижения цели религиозными притчами или благодетельством Божественных сил. В группе лиц, находящихся в нормальных условиях, аффективный и интеллектуальный компоненты в преобладающей мере согласованы друг с другом.

3. Во всей выборочной совокупности намерения и базовые культурные ценности сообразованы (связаны) друг с другом: намерения в большей мере ориентированы на собственное «Я» с включением внутренних субъектных ресурсов. Базовые культурные ценности весомее представлены ценностями

индивидуалистической направленности у лиц из русской культурной среды; намерения в большинстве своем отличаются социальной направленностью с адаптивными возможностями во взаимодействии с внешним миром, базовые культурные ценности значительнее выделяются коллективистскими ценностями социальных отношений у лиц из удмуртской культурной среды. У лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, обнаружены заниженные значения показателей смысложизненных ориентаций: процесс жизни, результативность жизни, локус контроля – жизнь.

4. Во всей выборочной совокупности наиболее значимыми ценностями на индивидуальном уровне стали ценности: Саморегуляция, Безопасность, Благожелательность, в большей мере направленные на достижение свободы, потребности быть самосильными и независимыми и в то же время потребности в позитивном взаимодействии с другими для собственной безопасности и стабильности жизни. Ряд ценностей расширяется за счет включения мотивационного типа Достижение (обретения личного успеха и результатов жизнедеятельности) у лиц из русской культурной среды.

5. В трудной жизненной ситуации предикторами реализации намерений личности выступили: 1) ценности на групповом уровне: наряду с ценностью субъектной активности, этноконфессиональные ценности и религиозные смыслы, сопоставимые с ценностями православия в русской группе; исходящие от языческих воззрений и религиозно-мифологических представлений финно-угорских народов в удмуртской группе; 2) ценности на индивидуальном уровне: эффекты отсутствуют; 3) смысложизненные ориентации: «процесс жизни», «локус контроля – Я».

В нормальных условиях жизнедеятельности предикторами реализации намерений личности стали: 1) ценности на групповом уровне: ценности субъектной активности и духовности, профессиональной самореализации и социального признания. Обнаружены кросскультурные различия в направленности ценностей-предикторов: ценности коллективизма ведут к

повышению возможности реализации жизненных намерений в русской группе (предпочтение индивидуальных ценностей) и к понижению – в удмуртской (предпочтение коллективистских ценностей); 2) ценности на индивидуальном уровне: ценности субъектной регуляции. Установлены кросскультурные различия в специфическом изменении реализации жизненных намерений при эффекте ценностей: ценность Конформность (ценность коллективизма) ведет к его резкому понижению, а потом к повышению у удмуртов; ценности Самореализация (ценность индивидуализма) и Благожелательность (ценность коллективизма) – к его повышению у русских; 3) смысложизненные ориентации в полном составе: цель жизни, процесс жизни, результат жизни, локус контроля – Я, локус контроля – жизнь, общий показатель «осмысленности жизни».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ситуация динамично развивающегося мира, с его нестабильностью и непредсказуемостью изменений, постоянным смещением культурных и нравственных ориентиров в поликультурном пространстве, культивированию приоритетов удовольствия и эгоцентричности, где существует необходимость быстро приспосабливаться к изменяющимся условиям, к человеку предъявляется ряд требований, со стороны социальной адаптации, необходимостью финансовой состоятельности, сохранения психологического здоровья и саморазвития личности. Подобные требования не всегда находят отражение в возможности определить или реализовать способы и средства для решения социально-психологических задач, а порой и полностью отсутствуют. Появление трудной жизненной ситуации в данных требованиях усугубляет и рушит прежний уклад существования и выступает серьезным препятствием на пути запланированных целей. Будущее для самого человека при этом становится иллюзорным, а реализация жизненных намерений сдвигается все дальше во времени, приводя к разрушению целостной картины мира, трансформации ценностных и смысловых ориентиров, сильным эмоциональным переживаниям и форм деструктивного (саморазгружающего) поведения, вплоть до самоуничижения, косвенному стремлению к сокращению жизни, уходу от реальности.

Одним из способов сохранения целостной картины миры и поддержания жизни в настоящем, возможно, осуществить с помощью психологической коррекции, а именно духовно-нравственного воздействия и духовной терапии. При совершении религиозных ритуалов и культовых действий, человек ориентируется на духовную чистоту, приобретая смыл дальнейшей жизни, раскрывая значение и опредмечивая свои действия (Д.А. Леонтьев) в сознании (интеллектуальном) плане, замещая при этом способы и средства удовлетворения

нереализованных отсроченных намерений, так же появляется возможность снять напряжение неудовлетворенности потребности (аффективного компонента), переработать во внешнем и внутреннем плане эмоций при обращении к господу или Всевышнему, а не подавлять их или переносить на других, себя в виде агрессии. Жизнь не подвластна самому субъекту, локус контроля смещается в сторону власти не закона общества, не других (закон не справедлив по отношению к ним, присутствует отрицание собственной вины за преступление), а в сторону власти всевышнего и законов мироздания, дающий справедливое объяснение событиям жизни и испытаний.

В завершение диссертационного исследования предложены практические рекомендации для психологов, сопровождающих лиц, находящихся в трудных жизненных ситуациях и сталкивающихся со следующими проблемами: построение намерений личности в трудных жизненных ситуациях (вызванное разрывом и рассогласованием аффективного (переживания нужды) и интеллектуального (конкретных способов и средств достижения цели).

В результате проведенного исследования психологам необходимо способствовать построению намерений с учетом научных знаний о исторически сложившейся культурной специфичности народа с участием представителей конфессий, с применением методов духовной психотерапии (Л.Ф. Шеховцова) и др. Для конструирования жизненных сценариев в индивидуальной работе психологу необходимо использовать методы сказкотерапии, гештальт-терапии (Ф.С. Перлс), когнитивно-поведенческой психотерапии, трансактного анализа (Э. Берн), направленные на построение будущих целей, планов, намерений, жизненных стратегий; применять пословицы, сказки, мифы, духовно-практический «фольклор», религиозные притчи, моральные дилеммы (Л. Кольберг) (например: человек попал в трудную ситуацию (…….), в которой он не может осуществить (……). С использованием каких сказок и притчей вы могли бы описать (охарактеризовать) данную ситуацию и выход из нее персонажем?). Для преодоления переживаний, снятия аффективных компонентов

переживаний использовать в работе метод вербализации эмоций, молитву как форму рефлексии (Ф.Е. Василюк); для формирования жизненных ценностей и жизненных смыслов применять метод психоконсультирования, лого-терапию (В. Франкл), экзистенционально ориентированную ноотехнику «жизнетворчества» (Д.А. Леонтьев), экзистенциальный анализ (Р. Мэй, Дж. Бугенталь).

На основе результатов проведенного исследования применительно к лицам, содержащимся в условиях принудительной социальной изоляции, предлагаются методы психокоррекции с целью устранения или уменьшения ее криминогенности, для формирования моделей социально-правового поведения**.** Наряду с когнитивно-поведенческим методом для вторичной профилактики криминального поведения в исправительных учреждениях с участием представителей конфессий предлагается использовать методы духовно-нравственного воздействия (В.А. Горбунов, В.П. Шорников) или духовной психотерапии (Е.В. Змановская), способствующие наряду с морально-нравственным становлением осужденных реализации адекватных требованиям социального окружения намерений личности, метод этнофункциональной профилактики девиантного поведения, позволяющий снижать выраженность ряда особенностей личности, обусловливающих криминальное поведение (А.В. Сухарев).

Намечено перспективное направление исследования: изучение психологических механизмов порождения намерений человека, синтезирующих аффективный и интеллектуальный его компоненты, способствующих выходу из критических ситуаций, деструктивных состояний; психологических закономерностей формирования намерений человека в ситуации неустойчивости и неопределенности условий жизнедеятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская, К.А. Состояние современной психологии: субъектная парадигма / К.А. Абульханова-Славская // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / отв. ред. А. Л. Журавев, А. В. Юревич. – М. : Ин-т психологии РАН, 2007. – С. 428–450.

2. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.

3. Алишев Б.С., Психологическая теория ценностей (системно-функциональный подход) : дис. … д-ра психол. наук: 19.00.01 / Алишев Булат Салямович. – Казань, 2002. – 367 с.

4. Алишев Б.С., Ценностное многообразие и ценностная унификация в развитии культуры / Б.С. Алишев //Реалии и перспективы психологической науки и практики в Российском обществе. Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Набережные Челны, 2005. – С. 94-97

5. Алишев Б.С., О психологической сущности ценностей / Б.С. Алишев // Психология человека в современном мире: материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – Т.1. –334 с.

6. Алишев Б.С., Взаимодействие в системе «субъект-объект» и проблема ценностей / Б.С. Алишев // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. –2009. –Т. 151. – № 5-1. – С. 185-196

7. Алишев Б.С., смысл и мотив: к соотношению понятий / Б.С. Алишев // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. –2010. – Т. 152. –№ 5. – С. 159-171.

8. Алишев Б.С., Социальные взаимодействия и культура: психолого антропологический анализ / Б.С. Алишев // Вестник удмуртского государственного университета. Серия: Философия. Педагогика. Психология. – 2011. –№3. – С. 70-81.

9. Алишев Б.С., К вопросу о психологической сущности ценностей / Б.С. Алишев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – 2011. –Т. 4. –№ 1. – С. 3-26

10. Алишев Б.С., Ценности и смыслы: соотношение понятий // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч.1. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», –2012. – С. 67-71

11. Алишев Б.С., Этнокультурные различия в структуре ценностей молодежи Татарстана / Б.С. Алишев // Tatarica. – 2014. – № 1. – С.186-206

12. Аллик Ю., Мыттус Р., Реало А., Пуллманн Х., Трифонова А., МакКрэй Р.Р., Мещеряков Б.Г. Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. – С. 2–18.

13. Антонян, Ю.М. Основные мотивы поведения осужденных / Ю. М. Антонян // Человек: преступление и наказание. – 2009. – №1. – С. 9–19.

14. Асмолов, А.Г. Психология личности : культурно-историческое понимание развития человека : учеб. для студентов вузов / А. Г. Асмолов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл : Academia, 2007. – 526 с.

15. Асмолов, А. Г. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии / А. Г. Асмолов. – М. : Смысл, 2002. – 480 с.

16. Асмолов, А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров : Психолог. Психопедагог. Психоисторик / А.Г. Асмолов – М. : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1996. – 767 с.

17. Асмолов, А.Г. Историко-эволюционный подход к пониманию личности: проблемы и перспективы исследования / А.Г. Асмолов // Вопросы психологии. –1986. – № 1. – С. 28–40.

18. Бенедикт, Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры / пер. с англ. Н. М. Селиверстова ; под ред. А.В. Говорунова. – СПб. : Наука, 2004. – 357 с.

19. Битюцкая, Е.В. Трудная ситуация: критерии когнитивного оценивания / Е. В. Битюцкая // Психологическая наука и образование. – 2007. – № 4. – С. 87–93.

20. Блонский, П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения. В 2 т. Т. 1. / П.П. Блонский. –М. : Педагогика, 1979. – 304 с.

21. Богорев, Н.В. Влияние уголовной субкультуры на духовное развитие нации в современной России / Н.В. Богорев // Преступность и духовность / отв. ред. А. И. Долгова. – М. : Рос. криминол. ассоц., 2008. – С. 140–144.

22. Бодалев, А.А. О человеке в экстремальной ситуации : эмоциональная и интеллектуальная составляющая отношения в выборе поведения / А.А. Бодалев// Мир психологии. – 2002. – № 4. – С. 127–135.

23. Божович, Л.И. Изучение мотивации поведения детей и подростков : сб. ст. / под ред. Л. И. Божович, Л. В. Благонадежной. – М. : Педагогика, 1972. – 351 с.

24. Божович, Л.И. Изучение мотивации поведения детей и подростков / под ред. Л.И. Божович и Л.В. Благонадежной. – М.: АСТ-Пресс, 2002. – 460с.

25. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – СПб. : Питер, 2008. – 398 с.

26. Братусь Б.С. Психология. Нравственность. Культура. М., 1994. - 60 с.

27. Брентано Ф. О происхождении нравственного познания. СПб., 2000.

28. Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журн. – 1999. – Т. 20, №5. – С. 38-44.

29. Буякас Т.М., Зевина О.Г. Опыт утверждения общечеловеческих ценностей – культурных символов – в индивидуальном сознании// Вопросы психологии. – 1997. – Т.18, № 5. С. 44-50.

30. Бызова В. М. Жизненные ценности молодежи Республики Коми на рубеже веков: кросскультурный аспект // Психологический журнал. – 2002. №1. – С. 101-112.

31. Будалина, Е. Е. Психологическая адаптация к иной социокультурной среде (на материале исследования удмуртского и коми-пермяцкого этносов): автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.01 / Будалина Елена Евгеньевна. – Пермь, 2004. – 25 с.

32. Василюк Ф.Е. Влияние молитвы на смысловую работу переживания // Консультативная психология и психотерапия. – 2005. № 3. – С. 51-54.

33. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984.

34. Вилюнас, В. К. Психологические механизмы мотивации человека / В. К. Вилюнас. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 288 с.

35. Вилюнас, В. К. Психология развития мотивации / В. К. Вилюнас. – СПб. : Речь, 2006. – 458 с.

36. Владыкин, В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов / В. Е. Владыкин. – Ижевск :Удмуртия, 1994. – 383 с.

37. Волочков А.А. Ценностная направленность личности и смыслообразующая активность / А.А.Волочков, Е.Г.Ермоленко // Полисистемное исследование индивидуальности человека / под ред. Б.А. Вяткина. – М., 2005. – 384с.

38. Выготский, Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3 / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1983. – 365 с.

39. Выготский, Л. С. Собр. Соч. В 6-ти тт. Т. 6. М., 1984. – 398 с.

40. Вяткин, Б.А. Интегральная индивидуальность и этнические особенности человека / Б.А. Вяткин, В.Ю. Хотинец. – Пермь : Изд-во ПГПУ, 1997. – 60 с.

41. Гинзбург М.Р. Тышкова М. Поведение школьников в трудных ситуациях // Вопросы психологии. 1986. – № 6. – С. 149–150.

42. Горбунов, В.А. Исправительная педагогика / В.А. Горбунов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 175 с.

43. Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [http://base.garant.ru/70644264/]: распоряжение Правительства РФ № 313-р от 6 марта 2013 г. Доступ из информ. – прав. портала «Гарант».

44. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России / В.В. Гриценко. – Москва : ИП РАН, 2002. – 252 с.

45. Джидарьян, И.А. Счастье в представлениях обыденного сознания / И. А. Джидарьян // Психологический журнал. – 2000. – № 2. – С. 40–49.

46. Джидарьян, И.А. Представление о счастье в российском менталитете / И.А. Джидарьян. – СПб. :Алетейя, 2001. – 242 с.

47. Дильтей, В. Описательная психология / В. Дильтей. – СПб. : Алетейя : Кренов, 1996. – 160 с.

48. Еникеев, М.И. Юридическая психология : с основами общей и социальной психологии / М.И. Еникеев. – 2-е изд., перераб. – М. : Норма ; Инфра-М, 2012. – 639 с.

49. Здравомыслов, А.Г. Потребности, интересы, ценности / А.Г. Здравомыслов. – М. : Политиздат, 1986. –222 с.

50. Здравомыслов, А.Г. Межэтнические конфликты в постсоветском пространстве / А. Г. Здравомыслов. –М. : Аспект Пресс, 1996. – 286 с.

51. Зеленкова, Т.В. Прогрессивные тенденции развития психологии в контексте в контексте интеграционных процессов в современной науке / Т.В. Зеленкова // Прогресс психологии: Критерии и признаки. Под ред. А.Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. – М.: «Институт психологии РАНН», 2009. – 336 с.

52. Змановская, Е. В. Девиантология. Психология отклоняющегося поведения : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. В. Змановская. – 2-е изд., испр. – М. : Академия, 2004. – 287 с.

53. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2011. – 508 с.

54. Калиненко, А. А. Базовые ценности лиц в условиях социальной депривации / А. А. Калиненко // Казанская наука. – 2013. – № 12. – С. 282–285.

55. Калиненко, А. А. Жизненные предназначения и смысложизненные ориентации осужденных в связи с их религиозными предпочтениями / А. А. Калиненко // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2013. – Т. 19, № 2. – С. 25–29.

56. Калиненко, А.А. Ценностные факторы жизненных намерений осужденных, находящихся в условиях длительной социальной депривации / А.А. Калиненко // Психология индивидуальности : материалы IV Всерос. науч. конф., 22-24 нояб. 2012 г. / отв. ред.: А. Б. Купрейченко, В. А. Штроо. – М. : Логос, 2012. –С. 131.

57. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В.Н. Карандашев – СПб : Речь, 2004. – 70 с.

58. Кириллова, Е. И. Интент-анализ психотерапевтической речи К. Роджерса : (Случаи Герберта, Глории и Джен) / Е. И. Кириллова, А. Б. Орлов // Консультативная психология и психотерапия. – 2010. – № 4. – С. 134–162.

59. Кожевникова, О. В. Образные репрезентации транскрипционных знаков английского языка в процессе его изучения учащимися различных этногрупп (на примере удмуртского и русского этносов) : дис. … канд. психол. наук: 19.00.07 / Кожевникова Оксана Вячеславовна. – Пермь, 2006. – 187 с. С. 16 – 97.

60. Кокурина, И. Г. Исследование мотивационной направленности в труде / И. Г. Кокурина // Личность всистеме коллективных отношений : тез. докл. Всесоюз. конф. в г. Курске, 20–22 мая / ред.: А. А. Бодалев [и др.]. – М., 1980. – С. 116.

61. Кондратьев, М.Ю. Социальная психология закрытых образовательных учреждений/М.Ю. Кондратьев – СПб.: Питер, 2005. – 304 с.

62. Лазарус, Р. Теория стресса и психофизиологические исследования / Р. Лазарус // Эмоциональный стресс / под ред. В. Л. Леви. – М., 1970. – С. 178–209.

63. Лебедев, В. И. Личность в экстремальных условиях // Психология экстремальных ситуаций: Хрестоматия. / Сост. А.Е. Тарас, К.В. Сельченок. – Мн.: Харвест, 1999. – С.84 – 134.

64. Лебедева, Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию : учеб. пособие / Н. М. Лебедева.– М. : Ключ-С, 1999. – 224 с.

65. Лебедева, Н. М. Базовые ценности русской культуры на рубеже XXI века / Н. М. Лебедева // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21, № 3. – С. 73–87.

66. Лебедева, Н. М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре / Н. М. Лебедева // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 3. – С. 26–36.

67. Лебедева, Н. М. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко // Психологический журнал. – 2003. – № 5. – С. 31–44.

68. Лебедева, Н. М. Ценности культуры и развитие общества / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. – М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2007. – 528 с.

69. Лебедева, Н. М., Татарко А. Н. Культура как фактор общественного прогресса: монография. –М.: Юстицинформ, 2009. – 408 с.

70. Левин, К. Динамическая психология : избр. тр. / под общ. ред. Д. А. Леонтьева и Е. Ю. Патяевой. – М. :Смысл, 2001. – 572 с.

71. Левитов, Н. Д. Психология характера / Н. Д. Левитов. – М. : Просвещение, 1969. – 424 с.

72. Леонтьев, А. Н. Человек и культура / А. Н. Леонтьев. – М. : [б. и.], 1961. –396 с.

73. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы, эмоции / А. Н. Леонтьев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 38 с.

74. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.

75. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. – 509 с.

76. Леонтьев, А. Н. Психологические основы развития ребенка и обучения / А. Н. Леонтьев. – М. : Смысл, 2009. – 423 с.

77. Леонтьев В.Г. Мотивация и психологические механизмы ее формирования/ В.Г. Леонтьев. –Новосибирск: Новосибирский полиграфкомбинат, 2002. – 264 с.

78. Леонтьев, Д. А. Виктор Франкл в борьбе за смысл / Д. А. Леонтьев // Франкл, Ф. Человек в поисках смысла : сборник / Ф. Франкл. – М., 1990. – С. 5–22.

79. Леонтьев, Д. А. Жизненный мир человека и проблема потребностей / Д. А. Леонтьев // Психологический журнал. – 1992. – № 2. – С. 43–56.

80. Леонтьев, Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций / Д. А. Леонтьев. – М., 1992. –17 с.

81. Леонтьев, Д. А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности / Д. А. Леонтьев // Вестник Московского университета. Сер. Психология. – 1996.– № 4. – С. 35–43.

82. Леонтьев, Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д. А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 15–25.

83. Леонтьев, Д. А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности / Д. А. Леонтьев // Вестник Московского университета. Сер. Психология. – 1997.– № 1. – С. 20–27.

84. Леонтьев, Д. А. Самореализация и сущностные силы человека / Д. А. Леонтьев // Психология счеловеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, В. Г. Щур. – М. : Смысл, 1997. – С. 156–177.

85. Леонтьев, Д.А. Психология смысла / Д.А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999. – 487 с.

86. Леонтьев Д.А., Патяева Е.Ю. Курт Левин: в поисках нового психологического мышления / Д.А. Леонтьев, Е.Ю. Патяева // Психологический журнал. – Т. 22. – № 5. – 2001.

87. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2003. – 486 с.

88. Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2006.

89. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2007. – 513 с.

90. Леонтьев, Д.А. Психологические ресурсы преодоления стрессовых ситуаций: к уточнению базовых конструктов / Д.А. Леонтьев // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 23–25 сент. 2010 г. / Ин-т психологии РАН [и др.]. – Кострома, 2010. – Т. 2. – С. 40–42.

91. Леонтьев, Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному / Д.А. Леонтьев // Вопросы психологии. – 2011. – № 1. – С. 3–27.

92. Леонтьев, Д.А. Личностный потенциал: структура и диагностика / Д.А. Леонтьев // под ред. Д.А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2011. – 675 с.

93. Леонтьев, Д.А. Личностное изменение человеческого развития / Д.А. Леонтьев // Вопросы психологии. –2013. – № 3. – С. 67–80.

94. Леонтьев, Д.А. Развитие личности в норме и в затрудненных условиях / Д.А. Леонтьев // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т. 10, №3. – С. 97-106.

95. Лурье, С.В. Историческая этнология / С.В. Лурье. – М. : Академ. проект, 2004. – 622 с.

96. Маслоу, А. Самоактуализация / А. Маслоу // Психология личности : тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея. – М., 1982. – С. 108–118.

97. Миронова, Т.И. Социальная психология реабилитации депривационных ограничений (на примере детско-молодежных групп временного типа): монография / Т.И. Миронова. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2011-2012. – 378.

98. Миронова, Т.И. Социальная психология реабилитации депривационных ограничений (на примере детско-молодежных групп временного типа): автореф. дис. … д-ра. психол. наук : 19.00.05 / Миронова Татьяна Ивановна. – Кострома, 2012. –58 с.

99. Миронова, Т.И. социально-психологическая модель реабилитации подростковой делинквентности в пенитенциарных учреждений / Т.И. Миронова, С.В. Шепелева, О.С. Маслова // Пензинский психологический вестник. – 2014. – №2 (3). С.116–131.

100. Мотков, О. И. Методика «Жизненное предназначение» / О. И. Мотков // Школьный психолог. – 1998. – № 36. – С. 8–9.

101. Мышкина, С.А. Ценности как культурные факторы этнотипических стилевых характеристик познавательной активности / С.А. Мышкина // Вестник Удмуртского университета. – 2007. – Вып. 9. – С. 122–134.

102. Мышкина, С.А. Психологические особенности учебно-познавательной активности студентов удмуртской и русской этнических групп :

автореф. дис. … канд. психол. наук : 19.00.01; 19.00.07 / Мышкина Светлана Александровна. – Казань, 2013. – 25 с.

103. Мясищев, В.Н. О связи склонностей и способностей / В. Н. Мясищев // Склонности и способности / отв. ред. В. Н. Мясищев. – М., 1962. – С. 3–36.

104. Наенко, Н.И. Психическая напряжённость. М.: МГУ, 1976.

105. Наследов, А. Д. Математические методы психологического исследования: анализ и интерпретация данных : учеб. пособие / А. Д. Наследов. – СПб. : Речь, 2004. – 289 с.

106. Начерова-Бочавер, С.К. Развитие идей Л.И. Анцыферовой о методологии практической психологии личности / С.К. Начерова-Бочавер // Психологический журнал. –2014. – Т. 35, № 6. – С. 35-45.

107. Нравственность Российского современного общества: психологический анализ / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. – М. : Ин-т психологии РАН, 2012. – 413 с.

108. Осницкий, А. К. Регуляторный опыт, субъектная активность и самостоятельность человека [Электронный ресурс] / А. К. Осницкий // Психологические исследования : электрон. науч. журн. – 2009. – № 5(7), ч. 1. – Режим доступа: http://psystudy.ru (дата обращения: 30.10.2015).

109. Осухова, Н. Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях / Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н. Г. Осухова. – 2-е изд., испр. –М. : Издательский центр «Академия», 2007. – 288 с.

110. Патяева, Е.Ю. На пути к культурно-исторической теории мотивации: уровневая концепция человеческих действий П. Жане // Культурно-историческая психология. – 2011. –№ 1. –С. 49–62.

111. Патяева, Е.Ю. Парадигмы в психологии мотивации: науковедческий анализ / отв. ред. А. Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А. В. Юревич. – М. : Ин-т психологии РАН, 2012. – 466 с.

112. Поздняков, В. М. Отечественная пенитенциарная психология: история и современность / В. М. Поздняков.– М. : Акад. упр. МВД России, 2000. – 269 с.

113. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей / А.Р. Ратинов. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 349 с.

114. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2002. – 704 с.

115. Салихова, Н.Р. Сравнительный анализ ценностно-смысловой сферы личности американских и российских студентов / Н.Р. Салихов // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – Т. 155, кн. 6. – С. 197–211.

116. Семичев, С.Б. Теория кризисов и психопрофилактика. – Труды / Ленингр. науч-исслед. психоневрологического ин-та им. В. М. Бехтерева, Т. 63. Неврозы и пограничные состояния. Л., 1972, с.96-99.

117. Сергиенко, Е.А. Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции / Е.А. Сергиенко // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2009. – № 5(7). – режим доступа::http: psystudy.ru (дата обращения: 26.10.2015).

118. Сержантов, П.Б. Общение временного с вечным по свидетельству архимандрита Софрония (Сахарова) /П.Б. Сержантов // Преподобный Силуан и его ученик архимандрит Софроний : по материалам «Силуановских чтений». – Клин : Христианская жизнь, 2001. – С. 194–212.

119. Серый А.В. Ценностно-смысловая сфера личности: Учебное пособие / А.В. Серый, М.С. Яницкий. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. – 92 с.

120. Серый, А.В. Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов /А.В. Серый.– Кемерово : Кузбассвузиздат, 2002. – 183 с.

121. Серый, А.В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / А. В. Серый. – Кемерово :Кузбассвузиздат, 2004. – 272 с.

122. Серый, А.В. Межконфессиональные различия ценностно-смысловой сферы представителей русского этноса / М.С. Яницкий, А.В. Серый, Г.М. Авилов // В сборнике: Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-

экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона сборник научных статей Международной научно-практической конференции: в 2 томах. Хабаровск, 2008. – С. 193-200

123. Яницкий, М.С. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности / М.С. Яницкий, А.В. Серый // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 19-1. – С. 82-97.

124. Яницкий М.С. Трансформация представлений об экстремальной ситуации в постнеклассической психологии / М.С. Яницкий, А.В.Серый // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. – 2013. – № 3. – С. 120-124.

125. Серый, А.В. Смысловые аспекты переживания сложной жизненной ситуации у больных алкоголизмом / А.В. Серый, М.С. Яницкий // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. –2014. –№ 4. – С. 210-219.

126. Слободчиков, В.И. Личность как реальность для других / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев // Психология личности : хрестоматия. – Самара : Бахрах-М, 2002. – Т. 2. – С. 489–508.

127. Солдатова, Г. У. Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Г. У. Солдатова. – М. : Смысл, 2001. – 279 с.

128. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология : учеб. Для вузов / Т.Г. Стефаненко. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 368 с.

129. Столяренко, А.М. Экстремальная психопедагогика: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2002. – 607 с.

130. Сунцова, Я. С. Согласованность социальных и культурных ценностей в регуляции поведения личности (на материале исследования удмуртского этноса) : дис. … канд. психол. наук: 19.00.01 / Сунцова Яна Сергеевна. – Пермь, 2005. – 182 с.

131. Сухарев, А. В. Этнофункциональная парадигма в психологии / А. В. Сухарев. – М. : Ин-т психологии РАН, 2008. – 575 с.

132. Сухарев, А.В. От методологии к практике этнофункциональная парадигма в криминальной психологии / А.А. Сухарев, А.П. Чулисова // прикладная юридическая психология. – 2009. – №4. – С. 70–87.

133. Сухарев, А.В. Этнофункциональный подход к профилактике социально-нравственных отклонений / А.В. Сухарев // В сборнике: Психология нравственности сборник статей. Сер. «Психология социальных явлений» Институт психологии РАН; ответственные редакторы и авторы вступительной статьи: А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. Москва, 2010. – С. 401-417.

134. Сухарев, А.В. Этнофункциональный аспект суицидального поведения у личности преступника / А.В. Сухарев, Чулисова А.П. Прикладная юридическая психология. – 2011. – № 4. – С. 31-41.

135. Сухарев, А.В. Психологическая этнофункциональная профилактика криминального поведения / А.В. Сухарев, А.П. Чулисова, В.С. Грачев // В сборнике: Проблемы психологической безопасности Сер. «Психология социальных явлений» Российская академия наук, Институт психологии; Ответственные редакторы: А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. Москва, 2012. – С. 227-254.

136. Сухарев, А.В., Архегения и этнофункциональность как базовые принципы в исследовании эмиграционных намерений российских студентов / С.В. Фролова, А.В. Сухарев, В.А. Петрухина // Вестник славянских культур. – 2013. – Т. 29, № 3. – С. 97-103.

137. Сухарев, А. В. Этнофункциональная коррекция образной сферы личности осужденных за насильственные преступления / А. В. Сухарев, А. П. Чулисова. – М. : Ин-т психологии РАН, 2013. – 145 с.

138. Сухарев А.В. Этнофункциональный анализ личности заключенных под стражу, склонных к суициду / А.В. Сухарев, А.П. Чулисова // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 4. – С. 57-68.

139. Сухарев А.В. Структура ментальности русского и заподноевропейского общества в X-XVII: этнофункциональный анализ / Сухарев А.В. Психологический журнал. – 2014. –Т. 35, № 2. – С. 129-140.

140. Сухарев А.В. Ранняя этнофункциональная психопрофилактика криминального поведения у молодежи / А.В.Сухарев, А.П. Чулисова // В сборнике: Психология человека и общества: Научно-практические исследования Под редакцией А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабриной. Москва, 2014. – С. 30-62.

141. Сухарев, А.В. Этнофункциональный аспект исследования культурно-психологических механизмов развития личности / Сухарев А.В. // Наука. Культура. Общество. – 2015. – № 1. – С. 48-62.

142. Сухарев, А.В. Роль этнической функции образов природы в развитии ментальности личности / Сухарев А.В. // В сборнике: Историогенез и современное состояние российского менталитета Москва, 2015. – С. 205-218.

143. Татарко, А. Н. Методы этнической и кросскультурной психологии / А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева. – М. :Высш. Шк. Экономики, 2011. – 162 с.

144. Татрко, А.Н. Взаимосвязь культурно-психологических факоров и социального капитала / А.Н. Татарко // Вестник государственного Ленинградского университета им. А.С. Пушкина. – 2012. Т.5–№1. – С. 105-113.

145. Татарко, А.Н. Индивидуальные ценности и социально-психологический капитал: кросс-культурный анализ/ А.Н. Татарко // Психология: журнал Высшей школы экономики. –2012. –№ 2. – С. 66-68.

146. Татарко, А. Н. Кросс-культурный анализ социального капитала российского общества / А.Н. Татарко // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Педагогика. Психология. –2012. –№ 3. – С. 43-51.

147. Теплов, Б. М. Проблемы индивидуальных различий : избр. Работы / Б. М. Теплов. – М. : Изд-во Акад. Пед. Наук РСФСР, 1961. – 536 с.

148. Тромпенаарс, Ф. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хампден-Тернер. – М. : Попурри, 2004. – 528 с.

149. Троянская А.И. Профессиональная рефлексия личности в этнокультурных условиях (на материале исследования работников образования удмуртской и русской этнических групп): автореф. дис. … канд. психол. наук : 19.00.01; 19.00.05 / А.И. Троянская. – Казань, 2010. – 24 с.

150. Троянская А.И. монография / А. И. Троянская ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Удмуртский гос. ун-т». Ижевск, 2011.

151. Узнадзе, Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. – СПб. : Питер, 2001. – 416 с.

152. Фанталова, Е. Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2001. – 112 с.

153. Фанталова, Е. Б. «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» :психометрическое исследование показателей. Методика / Е. Б. Фанталова // Мир психологии. – 2011. – №2. – С. 228–243.

154. Федеральный закон от 10.12.1995 N 195 ФЗ (ред. от 21.07.2014) «об основах социального обслуживания населения в Российской федерации»[http://base.garant.ru/105642/] Доступ из информ. – прав. портала «Гарант».

155. Фетискин, Н.П., Сравнительный анализ ценностных ориентаций русских (на примере городских и сельских жителей костромской области) / Е.Н. Резников, В.А. Садов, Н.П. Фетискин, Н.В. Колиогло // структура этнопсихологических характеристик русских (на примере жителей Костромской области) Вести. Рос. гуманитарного науч. фонда. М., 2003. –С. 166-175.

156. Фетискин, Н.П. Психологическая стабилизация ментальности как фактор развития общества в условиях социальной энтропии / Н.П. Фетискин, Г.М.Мануйлов, Т.И. Миронова. – Москва, Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2008. – 177 с.

157. Фетискин, Н.П., Шепелева С.В. Катебология девиантного поведения / Н.П Фетисикн, С.В. Шепелева // Научный поиск. – 2013. – №3. – С. 50-51.

158. Фетискин, Н. П. Практическая девиантология / Н.П. Фетискин. – М.: Форум, НИЦ ИНФРА–М, 2015. – 272 с.

159. Франкл, В. Поиск смысла жизни и логотерапия / В. Франкл // Психология личности : тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея. – М., 1982. – С. 118–126.

160. Франкл, В. Человек в поисках смысла : сборник / В. Франкл ; общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. –М. : Прогресс, 1990. – 368 с.

161. Фролова, С. В. Смыслообразующие факторы эмиграционных намерений студентов / С. В. Фролова // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27, № 3. – С. 58–68.

162. Фролова, С.В. Психология эмиграционных намерений. – Саратов: Изд-во. Сарат. гос. ун-та, 2010 – 58 с.

163. Хотинец, В.Ю. Формирование этнического самосознания студентов в процессе обучения в вузе / В. Ю. Хотинец // Вопросы психологии. – 1998. – № 3. – С. 31–43.

164. Хотинец, В.Ю. О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание / В.Ю. Хотинец // Социологические исследования. – 1999. – № 9. – С. 67–74.

165. Хотинец, В.Ю. Зависимость развития интегральной индивидуальности от особенностей этнического самосознания / В. Ю. Хотинец // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20, № 1. – С. 114–118.

166. Хотинец, В.Ю. Этническое самосознание / В. Ю. Хотинец. – СПб. : Алетейя, 2000. – 240 с.

167. Хотинец, В.Ю. Этничность в интегральном исследовании индивидуальности человека: методология, теория, эмпирика и педагогическая практика (на материале исследования коренных народов Западного Урала) : дис.

… д-ра психол. наук: 19.00.01 / Хотинец Вера Юрьевна. – Новосибирск, 2000. – 412 с.

168. Хотинец В.Ю. Этничность в интегральном исследовании индивидуальности человека: методология, теория, эмпирика и педагогическая практика (на материале исследования коренных народов Западного Урала): автореф. дисс. …доктора. психол. наук: 19.00.01 / Хотинец Вера Юрьевна – Новосибирск, 2000 – 39 с.

169. Хотинец, В. Ю. Четыре метода анализа документов в социально-психологических исследованиях : учебное пособие / В. Ю. Хотинец. – Ижевск : [б. и.], 2001. – 59 с.

170. Хотинец, В. Ю. К вопросу об основных подходах к изучению этничности в зарубежной и отечественной науке (позиция этнопсихолога) / В. Ю. Хотинец // Мир психологии. – 2001. – № 4. – С. 135–146.

171. Хотинец, В. Ю. Психологические характеристики этнокультурного развития человек / В. Ю. Хотинец // Вопросы психологии. – 2001. – № 5. – С. 60–72.

172. Хотинец, В. Ю. Теоретико-методологические основания исследования этнической индивидуальности человека / В. Ю. Хотинец // Вестник Удмуртского университета. – 2003. – Спецвып.: Психология и педагогика. – С. 109–126.

173. Хотинец, В. Ю. Психологические и культурные факторы этнотипического поведения / В. Ю. Хотинец // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26, № 2. – С. 33–44.

174. Хотинец В.Ю. Событие культур. Психологические универсалии в культурном многообразии. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2005. –152 с. (Сер. «Монография»; вып.)

175. Хотинец, В. Ю. Теоретико-методологические основания и эмпирические исследования этнической индивидуальности / В. Ю. Хотинец // Полисистемное исследование индивидуальности человека / под ред. Б. А. Вяткина. – М., 2005. – С. 50–90. 384 с.

176. Хотинец, В. Ю. Ценности язычества и удмуртская ментальность / В. Ю. Хотинец // Этнокультурная личность и конкурентоспособность : сб. ст. / под ред. В. Ю. Хотинец, Э. Р. Хакимова. – Ижевск, 2008. – С. 7–23.

177. Хотинец, В. Ю. Согласованность социальных и культурных ценностей в регуляции межличностного взаимодействия / В. Ю. Хотинец, Я. С. Сунцова // Психологический журнал. – 2009. – № 4. – С. 32–45.

178. Хотинец, В. Ю. Психологические особенности освоения транскрипции при изучении английского языка удмуртами и русскими / В. Ю. Хотинец, О. В. Кожевникова // Вопросы психологии. – 2009. – № 6. – С. 87–98.

179. Хотинец, В. Ю. Становление поликультурной компетентности старшеклассников в ходе проектно-исследовательской деятельности / В. Ю. Хотинец // Образование и наука. – 2009. – Т. 67, № 10 – С. 59–69.

180. Хотинец, В. Ю. Этнокультурные особенности профессиональной рефлексии / В. Ю. Хотинец, А. И. Троянская // Психологический журнал. – 2011. – № 3. – С. 25–37.

181. Хотинец, В. Ю. Этническая индивидуальность: полисистемная характеристика / В. Ю. Хотинец // Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа/ сост.: Б. А. Вяткин, Л. Я. Дорфман, М. Р. Щукин. – М. : Смысл, 2011. – С. 430–451.

182. Хотинец, В. Ю. Природа этнотипических стилей активности человека / В. Ю. Хотинец // Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа/ сост.: Б. А. Вяткин, Л. Я. Дорфман, М. Р. Щукин. – М. : Смысл, 2011. – С. 452–454.

183. Хотинец, В. Ю. Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов / В. Ю. Хотинец // Социологические исследования. – 2011. – № 2. – С. 99–107.

184. Хотинец, В. Ю. Этнокультурные особенности профессиональной рефлексии / В. Ю. Хотинец, А. И.Троянская // Психолгический журнал. – 2011. – Т. 32, № 3. – С. 57–73.

185. Хотинец, В. Ю. Методологические основы этнической и кросскультурной психологии : учеб. пособие / В. Ю. Хотинец. – М. : Форум, 2012.– 87 с.

186. Хотинец, В. Ю. Ценностно-мотивационные факторы жизненных предназначений осужденных пенитенциарных учреждений / В. Ю. Хотинец, Б. А. Вяткин, А. А. Калиненко // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2012. – № 2. – С. 7–11.

187. Хотинец, В. Ю. Психологические особенности учебно-познавательной активности студентов разных этнических групп / В. Ю. Хотинец, С. А. Мышкина // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33, № 6. – С. 60–75.

188. Хотинец В.Ю., Молчанова Е.А. Опосредующая роль этнического образа в межэтнических отношениях// Психологический журнал. 2014. – Т.35, № 3. С.40-57.

189. Хотинец, В. Ю. Ценностно-смысловые факторы жизненных намерений лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях / В. Ю. Хотинец, А. А. Калиненко // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36, № 2. – С. 55–69.

190. Шепелева С. В. Психология преддевиантного поведения : монография. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2008. – 169с

191. Шепелева С. В. Психолого-акмеологические направления профилактики девиантного поведения: материалы Международного симпозиума. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – С. 314-320.

192. Шорников, В. П. Роль Русской православной церкви в исправлении и ресоциализации осужденных //Организационно-правовое, психолого-педагогическое и социально-экономическое обеспечение концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: современное состояние и перспективы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 27–28 окт. 2011 г. / Акад. ФСИН России [и др.]. – Рязань, 2011. – Т. 2, ч. 2. – С. 102–109.

193. Шпет, Г. Г. Психология социального бытия : избр. психол. тр. / Г. Г. Шпет ; под ред. Т. Д. Марцинковской. – М. ; Воронеж : [б. и.], 1996. – 496 с.

194. Щербаков, Г. В. Мотивационная сфера осужденных: понятие, диагностика, коррекция : монография / Г. В. Щербаков. – Рязань : Акад. права и упр. ФСИН, 2009. – 110 с.

195. Ядов, В. А. Взаимосвязь ценностных ориентаций и социальных установок / В. А. Ядов // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / рук. проекта В. А. Ядов. – 2-е расшир. изд. – М., 2013. – Гл. 3, ч. 2. – С. 78–88.

196. Averill J. P. Personal control over aversive stimuli and its relationship to stress. –Psychological bulletin. –1973. –V. 80, № 4. –p. 286– 303.

197. Caplan G. Emotional crises. – 111: The encyclopedia of mental health. –N. Y. –1963. –V.2. – P. 521-532.

198. Coping with physical illness. / Ed. by R. H. Moos. – N. Y.: Plenum medical book, 1977. – 440 p.

199. Hamburg D. A., Adams J. E. A perspective of coping behavior. – Archives of general psychiatry. –1967. – V. 17. – P. 277-284.

200. Hofstede, G. The Confucius connection: from cultural roots to economic growth / G. Hofstede, M. H. Bond // Organizational dynamics. – 1988. – V. 16. – P. 4–21.

201. Kluckhohn, C. Values and value orientations in the theory of action: an exploration in definition and classification // Toward a general theory of action / eds. T. Parsons, E. Shils. – Cambridge : Harvard Univ. Press. – 1951. – P. 388–433.

202. Kluckhohn, C. Variations in value orientations / C. Kluckhohn, F. L. Strodtbeck. – N. Y. : Row Peterson, 1961. – 187 p.

203. Rokeach, M. The nature of human values / M. Rokeach. – N. Y. : Free Press, 1973. – 438 p.

204. Matsumoto, D. Culture and psychology / D. Matsumoto. – Pacific Grove : Brooks/Cole Publishing Company, 1996. – 368 p.

205. Matsumoto, D. Do between-culture differences really mean that people are different? / D. Matsumoto // journal of cross-cultural psychology – 2001. –V. 32, №4. – p. 478-490.

206. Sagiv L. Value priorities and subjective well-being: Direct relation and congruity effects / L.Sagiv, S.H.Schwarz // European Journal of Social Psychology, 30. –2000. – P. 177 – 198.

207. Jacobson Q.F. Programs and techniques of crisis intervention. – In: American handbook of psychiatry. / Ed. By S. Arieti – N. Y., 1974, p. 810-825.

208. Schwartz S.H., & Bilsky W. Toward a Uniwersal Psychological Structure of Human Values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987– V.53, № 3.–P. 550-562.

209. Schwarz, S.H., & Bilsky, W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extension and cross-cultural replications // Journal of Personality and Social Psychology, Reprinted in H. Inoue (Ed.). – № 58– P. 878-891.

210. Schwarz, S. H., Struch, N., & Bilsky, W. Values and intergroup social motives: A study of Israeli and German student // Social Psychology Quarterly, 1990. – № 53 – P. 185-198.

211. Schwartz, S. H. Universals in the structure and content of values : theoretical advances and empirical tests in 20 countries / S. H. Schwartz // Advances in experimental social psychology / ed. M. P. Zanna. – Orlando : Academic, 1992. – V. 25. – P. 1–65.

212. Schwarz, S. H. Universal in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // In M. Zanna (Ed.), Advances in experimental social psychology – N.Y.: Academic Press, 1992 – V.25. –. P. 1-65.

213. Schwarz, S. H. Are there universal aspects in the content and structure of values? // Journal of Social Issues. – 1994. – № 50. – P. 19-45.

214. Schwarz, S. H. Values. In A. S. R. Manstead & M. Hewstone (Eds.) // The Blackwell Encyclopedia of Social Psychology. Oxford: Basil Blackwell. –1995– P. 665-667.

215. Schwarz, S. H., & Sagiv, L. Identifying culture specifics in the content and structure of values // Journal of Cross-Cultural Psychology. –1995. – № 26, P. 92-116.

216. Schwarz, S. H., & Huismans, S. Value priorities and religiosity in four Western religions // Social Psychology Quarterly. – 1995. – №58. – P. 88-107.

217. Schwarz, S. H. Value priorities and behavior: Applying a theory of integrated value systems. In C. Seligman, J. M. Olson, & M. P. Zanna (Eds.) // The Psychology of Values: The Ontario Symposium. Vol. 8. Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1996 – P. 1-24.

218. Schwarz, S. H., Verkasalo, M., Antonovsky, A., & Sagiv, L. Value priorities and social desirability: Much substance, some style // British Journal of Social Psychology, 1997. –№ 36. – P. 3-18.

219. Schwarz, S. H., Lehmann, A., & Roccas, S. Multimethod probes of basic human values // J. Adamopoulos & Y. Kashima (Eds.) Social Psychology and Culture Context: Essays in Honor of Harry C. Triandis. Newbury Park, CA: Sage, 1999. – P. 107–123.

220. Schwarz, S. H., Bardi, A. Moral dialogue across cultures: An empirical perspective // E. W. Lehman (Ed.) Autonomy and order: A communitarian anthology. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2000. – P. 155-184.

221. Schwarz, S. H., & Sagiv, L., Boehnke, K. Worries and values // Journal of Personality, 2000. – 68. – P. 309-346.

222. Schwarz, S. H., Sagie, G. Value consensus and importance: A cross-national study // Journal of Cross-Cultural Psychology, 2000. –31. –P. 329-361.

223. Schwarz, S. H., Bardi, A., & Bianchi, G. Value adaptation to the imposition and collapse of Communist regimes in Eastern Europe // S. A. Renshon & J. Duckitt (Eds.), Political psychology: Cultural and cross cultural perspectives. London: Macmillan, 2000. – P. 217-237.

224. Tartakovsky, E., & Schwarz, S. H. Motivation for emigration, values, well-being, identification among young Russian Jews // International Journal of Psychology. –2001. – 36. – P. 88-99.

225. Schwarz, S. H., Melech, G., Lehmann, A., Burgess, S., & Harris, M. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // Journal of Cross Cultural Psychology. – 2001–№ 32. – P. 519-542.

226. Schwarz, S. H., Bardi, A. Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective / S. H. Schwarz , A. Bardi // Journal of Cross Cultural Psychology. – 2001. – № 32. – P. 268– 290.

227. Schwartz S.H. Mapping and interpreting cultural differences around the world //Vinken H., Soeters J., Ester P. (eds.). Comparing cultures, Dimensions of culture in a comparative perspective. Leiden, The Netherlands: Brill, 2004. – P. 43–73.

228. Sells, S. B. On the nature of stress / S. B. Sells // Social and psychological factors in stress. – N. Y., 1970. – P. 134–139.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Схема процедуры исследования

I Блок: Жизненны намерения лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции и лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности;

II Блок: Жизненные намерения лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции русской и удмуртской этногрупп.

Кодировочная инструкция

А1 Жизненные намерения

А1.1. Создание и забота о семье

А1.2. Социально значимая деятельность

А1.3. Саморазвитие и самосовершенствование

А1.4. Придание, наполнение жизни смыслом

А1.5. Обустройство жизни

А1.6. Наслаждение жизнью

А2 Компоненты жизненных намерений

А2.1 Аффективный компонент

А.2.2 Интеллектуальный компонент

А3-Соотношение аффективного (А2.1) и интеллектуального (А2.2) компонентов

А3.1. Согласованность

А3.2 Разрыв аффективного и интеллектуального компонентов

А3.3. Рассогласованность

А3.4. Замещение жизненных намерений

А3.4.1 Нравственные поучения – религиозные притчи

А3.4.2 Обращение к всемогущему Богу-Творцу (православие)

А3.4.3 Обращение к Покровителям рода и семьи из религиозных (языческих) верований

Б1 Направленность жизненных намерений

Б1.1. Направленность на себя

Б1.2. Направленность на других

Б2 Ресурсы реализации жизненных намерений

Б2.1. Внутренние ресурсы

Б2.2. Внешние ресурсы

Приложение 1

Таблица 1

Частота и объём упоминания категорий в группе лиц, находящихся в условиях социальной изоляции и группе лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности

А1	Группа в условиях социальной изоляции			Группа в нормальных условиях жизнедеятельности		
	Частота	Объём	Процент объема упоминания	Частота	Объём	Процент объема упоминания
А1.1.	101	10162	36.93%	30	1650	31.14%
А1.2.	51	5014	18.22%	24	1329	26.27%
А1.3	36	3580	13.01%	15	795	15.01%
А1.4	35	3563	12.95%	12	660	12.46%
А1.5.	29	2986	10.85%	9	477	9.00%
А1.6.	21	2212	8.04%	6	324	6.12%
Итого:	273	27517	100%	96	5298	100%
А2	Частота	Объём	Процент объема упоминания	Частота	Объём	Процент объема упоминания
А2.1.	273	13679	49.71%	96	2832	53.45%
А2.2.	132	5627	20.45%	69	2051	38.72%
Итого	405	19306	70.16%	165	4883	92.17%
А3	Частота	Объём	Процент объема упоминания	Частота	Объём	Процент объема упоминания
А3.1.	99	9879	35.90%	61	3996	75.43%
А3.2.	49	5531	20.10%	10	505	9.54%
А3.3.	31	3896	14.16%	7	382	7.20%
Итого:	94	8211	29.84%	18	415	7.83%

Продолжение таблицы 1

А3.4.	Частота	Объём	Процент объема упоминания	Частота	Объём	Процент объема упоминания
А3.4.1.	44	3591	13.05%	8	245	4.62%
А3.4.2.	28	2322	8.44%	6	112	2.12%
А3.4.3.	22	2298	8.35%	4	58	1.09%
Итог:	94	8211	29.84%	18	415	7.83%

Таблица 2

Частота и объём упоминания категорий жизненных намерений лиц, находящихся в условиях социальной изоляции русской и удмуртской этногрупп

А1	Русские в условиях принудительной социальной изоляции			Удмурты в условиях принудительной социальной изоляции		
	Частота	Объём	Процент объема упоминания	Частота	Объём	Процент объема упоминания
Б1						
Б1.1.	41	738	21.38	12	286	13.88
Б1.2.	16	352	10.20	32	434	21.07
Б2						
Б2.1.	39	1036	30.01	13	362	17.57
Б2.2.	18	840	24.33	31	673	32.67

Приложение 2

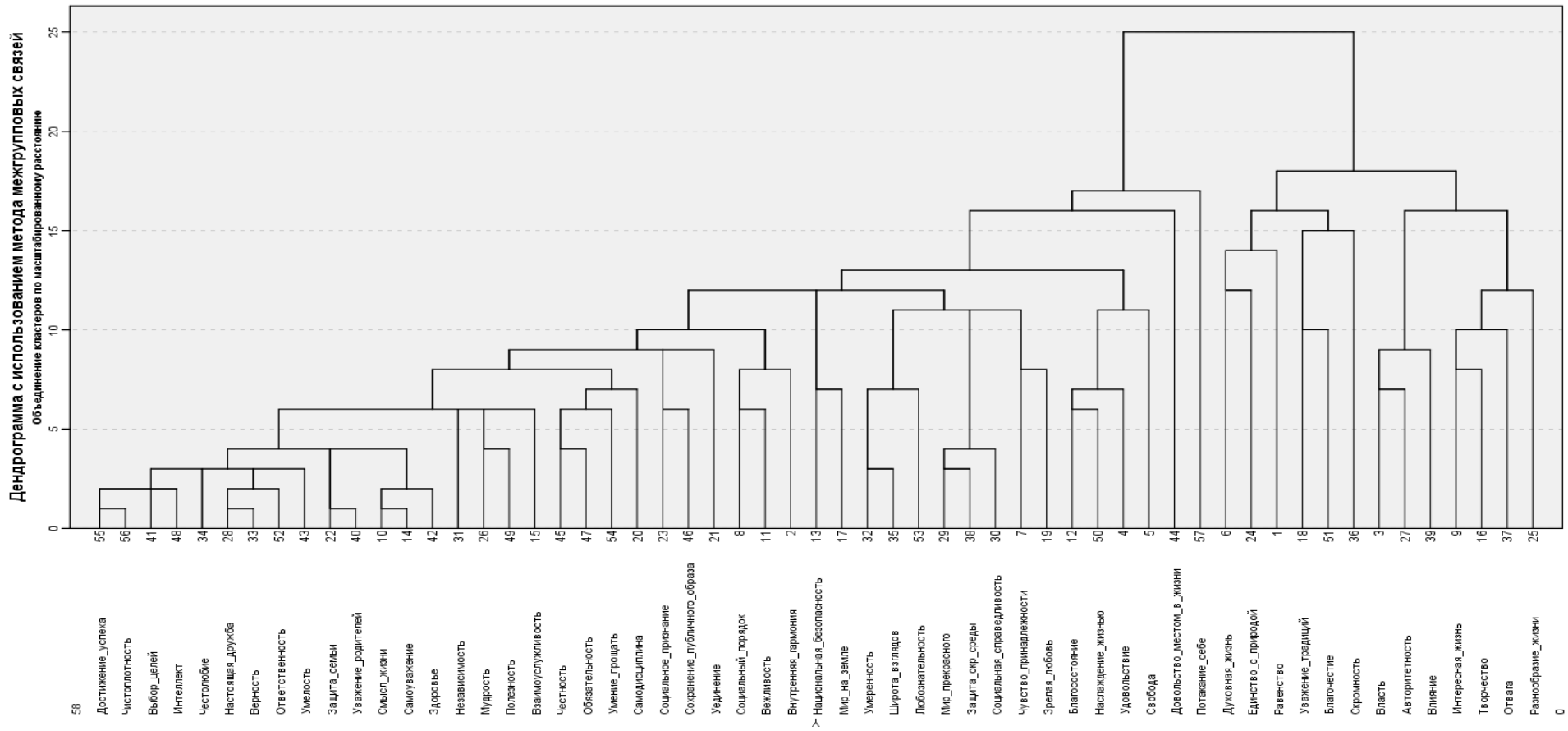

Рисунок 1. Кластерная структура культурных ценностей в русской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (Дендрограмма Method linkage (Between Groups) Squared Euclidean distance)

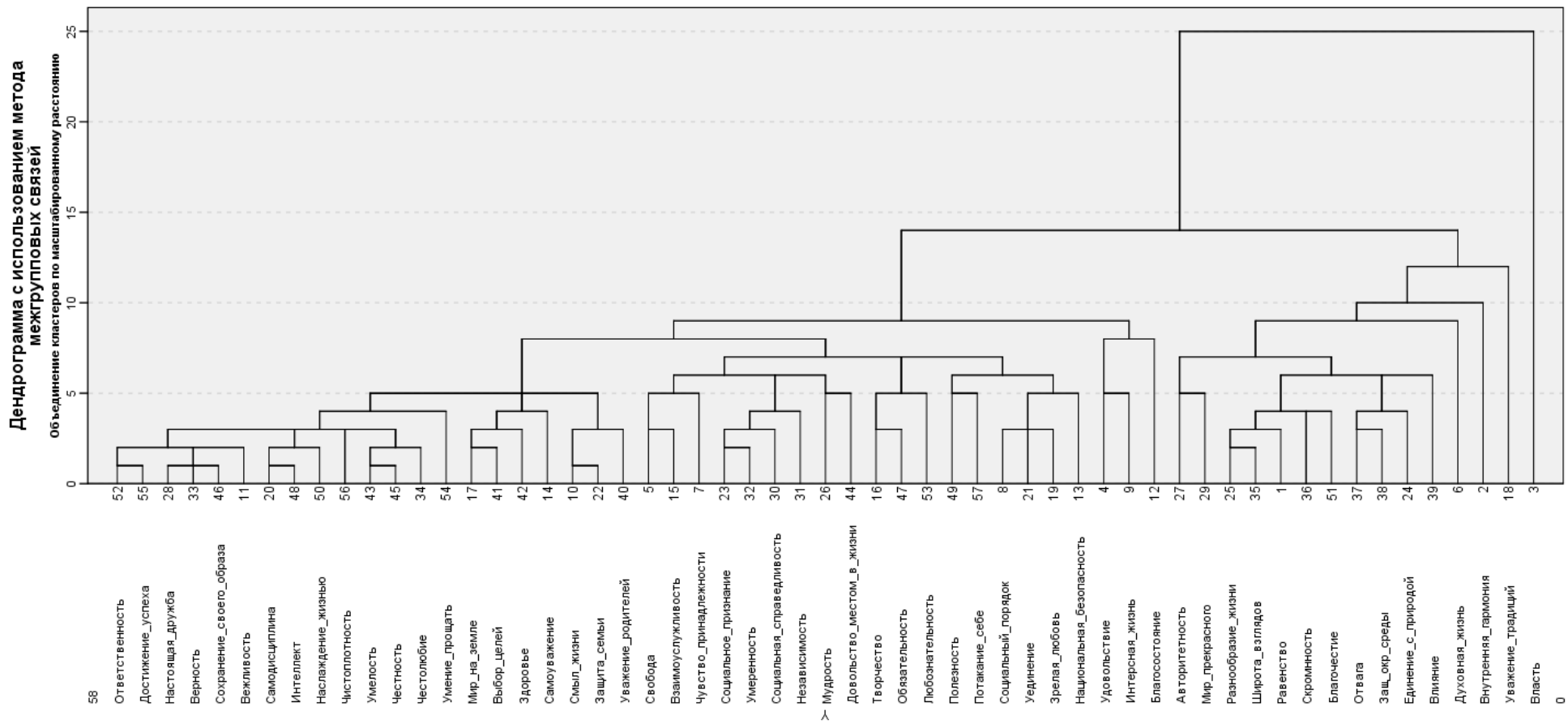

Рисунок 2. Кластерная структура культурных ценностей в удмуртской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (Дендрограмма, Method linkage (Between Groups), Squared Euclidean distance)

Приложение 3

Таблица 1

Среднее значение и стандартные отклонения культурных ценностей в русской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной депривации

Ранжированные предпочитаемые ценности	Порядковый номер ценности опросника Ш. Шварца	Ср. знач.	Ст. откл.
1. ЗАЩИТА СЕМЬИ	22	6,4483	1,16897
2. ЗДОРОВЬЕ	42	6,0805	1,35731
3. УВАЖЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ, СТАРШИХ	40	5,8851	1,43402
4. СМЫСЛ ЖИЗНИ	10	5,8391	1,32835
5. ВЕРНОСТЬ	33	5,7011	1,35642
6. САМОУВАЖЕНИЕ	14	5,6667	1,27285
7. НАСТОЯЩАЯ ДРУЖБА	28	5,5747	1,32623
8. ЧИСТОПЛОТНОСТЬ	56	5,4943	1,44571
9. ИНТЕЛЛЕКТ	48	5,4598	1,40435
10. НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	13	5,4483	1,90323
11. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	52	5,4368	1,49185
12. ВЫБОР СОБСТВЕННЫХ ЦЕЛЕЙ	41	5,2874	1,49346
13. ВЕЖЛИВОСТЬ	11	5,2759	1,50727
14. УЕДИНЕНИЕ	21	5,2644	1,79443
15. ЧЕСТОЛЮБИЕ	34	5,2184	1,48970
16. НЕЗАВИСИМОСТЬ	31	5,1724	1,64392
17. ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХА	55	5,1379	1,45612
18. УМЕЛОСТЬ	43	5,1034	1,46299
19. НАСЛАЖДЕНИЕ ЖИЗНЬЮ	50	5,0920	1,94477
20. МУДРОСТЬ	26	5,0460	1,58414
21. ПОЛЕЗНОСТЬ	49	4,9310	1,54614
22. ВЗАИМОУСЛУЖЛИВОСТЬ	15	4,7356	1,60276
23. МИР НА ЗЕМЛЕ	17	4,6654	2,08449
24. ЧЕСТНОСТЬ	45	4,6494	1,56657
25. СОХРАНЕНИЕ СВОЕГО ПУБЛИЧНОГО ОБРАЗА	46	4,6340	1,87956
26. САМОДИСЦИПЛИНА	20	4,6210	1,66910
27. БЛАГОСОСТОЯНИЕ	12	4,6010	1,79011
28. ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ	47	4,5391	1,53921
29. ВНУТРЕННЯЯ ГАРМОНИЯ	2	4,5386	1,79771
30. ЗРЕЛАЯ ЛЮБОВЬ	19	4,5226	1,92238
31. СВОБОДА	5	4,5111	1,89316

32. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК	8	4,5052	1,78383
33. СОЦИАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ	23	4,5007	1,76029
34. УМЕНИЕ ПРОЩАТЬ	54	4,4977	1,63152
35. ЧУВСТВО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ	7	4,4943	1,63447
36. СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ	30	4,4828	1,71764
37. УДОВОЛЬСТВИЕ	4	4,4253	1,89634
38. УМЕРЕННОСТЬ	32	4,2874	1,68377
39. ШИРОТА ВЗГЛЯДОВ	35	4,2874	1,55450
40. ЗАЩИТА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	38	4,1954	1,89761
41. ДОВОЛЬСТВО СВОИМ МЕСТОМ В ЖИЗНИ	44	4,1609	1,99926
42. МИР ПРЕКРАСНОГО	29	4,1149	1,70788
43. ПОТАКАНИЕ СЕБЕ	57	4,0575	2,08737
44. ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ	53	4,0345	1,85803
45. ИНТЕРЕСНАЯ ЖИЗНЬ	9	3,9540	1,92842
46. ТВОРЧЕСТВО	16	3,8161	1,96793
47. БЛАГОЧЕСТИЕ	51	3,6552	2,04500
48. РАЗНООБРАЗИЕ ЖИЗНИ	25	3,6322	1,91150
49. УВАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ	18	3,5747	2,07214
50. СКРОМНОСТЬ	36	3,4138	1,97985
51. АВТОРИТЕТНОСТЬ	27	3,1264	2,18241
52. РАВЕНСТВО	1	3,0805	1,91213
53. ДУХОВНАЯЖИЗНЬ	6	3,0805	1,87529
54. ЕДИНСТВО С ПРИРОДОЙ	24	3,0000	1,89246
55. ОТВАГА	37	2,8736	1,90961
56. ВЛИЯНИЕ	39	2,7356	1,98518
57. ВЛАСТЬ	3	1,9655	2,00840

Таблица 2

Среднее значение и стандартные отклонения культурных ценностей в удмуртской группе лиц, находящихся в условиях принудительной социальной депривации

Ранжированные предпочитаемые ценности	Порядковый номер ценности опросника Ш. Шварца	Ср. знач.	Ст. откл.
1. ЗАЩИТА СЕМЬИ	22	5,8667	1,81437
2. ЗДОРОВЬЕ	42	5,7333	1,41259
3. УВАЖЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ, СТАРШИХ	40	5,5333	1,75643
4. САМОУВАЖЕНИЕ	14	5,4333	1,56873
5. СМЫСЛ ЖИЗНИ	10	5,4000	1,65258
6. ВЕРНОСТЬ	33	5,2667	1,20153
7. ЧИСТОПЛОТНОСТЬ	56	5,2667	1,59597
8. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	52	5,1000	1,44676
9. ИНТЕЛЛЕКТ	48	5,0667	1,41259
10. МИР НА ЗЕМЛЕ	17	5,0667	1,63861
11. СОХРАНЕНИЕ СВОЕГО ПУБЛИЧНОГО ОБРАЗА	46	5,0333	1,75152
12. ВЕЖЛИВОСТЬ	11	4,9667	1,65015
13. ВЫБОР СОБСТВЕННЫХ ЦЕЛЕЙ	41	4,9333	1,68018
14. ЧЕСТНОСТЬ	45	4,9000	1,42272
15. НАСЛАЖДЕНИЕ ЖИЗНЬЮ	50	4,8667	1,40770
16. НАСТОЯЩАЯ ДРУЖБА	28	4,8000	1,80803
17. ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХА	55	4,8000	1,39951
18. УМЕЛОСТЬ	43	4,7667	1,19434
19. ЧЕСТОЛЮБИЕ	34	4,6667	1,56102
20. САМОДИСЦИПЛИНА	20	4,6333	1,37674
21. УЕДИНЕНИЕ	21	4,5000	1,38340
22. УМЕНИЕ ПРОЩАТЬ	54	4,5667	1,50134
23. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК	8	4,5567	1,69651
24. СВОБОДА	5	4,5133	2,03560
25. НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	13	4,5033	1,90251
26. НЕЗАВИСИМОСТЬ	31	4,4967	1,64701
27. ВЗАИМОУСЛУЖЛИВОСТЬ	15	4,4667	1,71672
28. БЛАГОСОСТОЯНИЕ	12	4,4333	1,79431
29. МУДРОСТЬ	26	4,4000	1,63158
30. СОЦИАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ	23	4,4000	1,71404
31. ЗРЕЛАЯ ЛЮБОВЬ	19	4,3000	1,60065
32. ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ	47	4,3000	1,55696

33. СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ	30	4,1333	1,54771
34. ПОЛЕЗНОСТЬ	49	4,1333	1,47936
35. ДОВОЛЬСТВО СВОИМ МЕСТОМ В ЖИЗНИ	44	4,0333	1,71169
36. ИНТЕРЕСНАЯ ЖИЗНЬ	9	4,0000	1,74198
37. УМЕРЕННОСТЬ	32	3,9000	1,32222
38. УВАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ	18	3,9000	2,18695
39. ЧУВСТВО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ	7	3,9000	1,88186
40. ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ	53	3,7333	1,55216
41. ТВОРЧЕСТВО	16	3,7000	1,93248
42. ВНУТРЕННЯЯ ГАРМОНИЯ	2	3,6333	1,93842
43. ШИРОТА ВЗГЛЯДОВ	35	3,5667	1,25075
44. ПОТАКАНИЕ СЕБЕ	57	3,3000	1,48904
45. УДОВОЛЬСТВИЕ	4	3,5333	1,73669
46. МИР ПРЕКРАСНОГО	29	3,3667	1,56433
47. РАВЕНСТВО	1	3,2000	1,56249
48. РАЗНООБРАЗИЕ ЖИЗНИ	25	3,1000	1,26899
49. БЛАГОЧЕСТИЕ	51	3,0333	1,58622
50. АВТОРИТЕТНОСТЬ	27	3,0667	1,70057
51. СКРОМНОСТЬ	36	2,8333	1,66264
52. ОТВАГА	37	2,7667	1,40647
53. ЗАЩИТА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	38	2,6667	1,49328
54. ДУХОВНАЯ жизнь	6	2,5667	2,09570
55. ЕДИНСТВО С ПРИРОДОЙ	24	2,3667	1,67091
56. ВЛИЯНИЕ	39	2,1333	1,43198
57. ВЛАСТЬ	3	1,7333	2,14851

Таблица 3

Среднее значение и стандартные отклонения культурных ценностей в русской группе лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности

Ранжированные предпочитаемые ценности	Порядковый номер ценности опросника Ш. Шварца	Ср. знач.	Ст. откл.
1. ЗАЩИТА СЕМЬИ	22	5,5333	1,52527
2. ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХА	55	5,4000	0,96847
3. СМЫСЛ ЖИЗНИ	10	5,3333	1,39786
4. ЗДОРОВЬЕ	42	5,3333	1,68836
5. НАСТОЯЩАЯ ДРУЖБА	28	5,2667	1,04826
6. УВАЖЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ, СТАРШИХ	40	5,2333	1,40647
7. ЧЕСТНОСТЬ	45	5,2000	0,99655
8. ИНТЕЛЛЕКТ	48	5,2000	1,03057
9. НАСЛАЖДЕНИЕ ЖИЗНЬЮ	50	5,1000	1,37339
10. УМЕЛОСТЬ	43	4,9667	1,37674
11. ВЕРНОСТЬ	33	4,9000	1,42272
12. МИР НА ЗЕМЛЕ	17	4,9000	1,53914
13. ВЫБОР СОБСТВЕННЫХ ЦЕЛЕЙ	41	4,8667	1,33218
14. ПОЛЕЗНОСТЬ	49	4,8667	1,38298
15. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	52	4,8667	1,30604
16. САМОУВАЖЕНИЕ	14	4,7667	1,43078
17. БЛАГОСОСТОЯНИЕ	12	4,7000	1,60065
18. СОХРАНЕНИЕ СВОЕГО ПУБЛИЧНОГО ОБРАЗА	46	4,6667	1,58296
19. СВОБОДА	5	4,6667	1,34762
20. СОЦИАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ	23	4,6000	1,37966
21. ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ	47	4,6000	1,30252
22. ИНТЕРЕСНАЯ ЖИЗНЬ	9	4,5667	1,69550
23. НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	13	4,5667	1,71572
24. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК	8	4,5333	1,33218
25. ВЗАИМОУСЛУЖЛИВОСТЬ	15	4,5333	1,33218
26. СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ	30	4,5333	1,50249
27. УЕДИНЕНИЕ	21	4,5000	1,54808
28. ЧЕСТОЛЮБИЕ	34	4,5000	1,52564
29. ЗРЕЛАЯ ЛЮБОВЬ	19	4,5000	1,81469
30. ВЕЖЛИВОСТЬ	11	4,4667	1,30604
31. НЕЗАВИСИМОСТЬ	31	4,4667	1,54771
32. ВНУТРЕННЯЯ ГАРМОНИЯ	2	4,4333	1,73570

33. ЧУВСТВО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ	7	4,3667	1,24522
34. ЧИСТОПЛОТНОСТЬ	56	4,3667	1,37674
35. САМОДИСЦИПЛИНА	20	4,2667	1,76036
36. ШИРОТА ВЗГЛЯДОВ	35	4,2333	1,69550
37. ЗАЩИТА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	38	4,2333	1,54659
38. ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ	53	4,2333	1,59056
39. ТВОРЧЕСТВО	16	4,1667	1,48750
40. МИР ПРЕКРАСНОГО	29	4,1667	1,39168
41. ДОВОЛЬСТВО СВОИМ МЕСТОМ В ЖИЗНИ	44	4,1667	1,98413
42. УВАЖЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ	18	4,1333	1,69651
43. УМЕНИЕ ПРОЩАТЬ	54	4,1333	1,56983
44. МУДРОСТЬ	26	4,1333	0,97320
45. УДОВОЛЬСТВИЕ	4	4,0667	1,14269
46. ПОТАКАНИЕ СЕБЕ	57	3,9333	1,36289
47. ЕДИНСТВО С ПРИРОДОЙ	24	3,8333	1,68325
48. РАЗНООБРАЗИЕ ЖИЗНИ	25	3,8333	1,62063
49. АВТОРИТЕТНОСТЬ	27	3,7667	1,38174
50. УМЕРЕННОСТЬ	32	3,7667	1,52414
51. ВЛИЯНИЕ	39	3,6333	1,58622
52. БЛАГОЧЕСТИЕ	51	3,6000	1,81184
53. РАВЕНСТВО	1	3,6000	1,69380
54. СКРОМНОСТЬ	36	3,4667	1,43198
55. ОТВАГА	37	3,4333	1,71572
56. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ	6	3,3000	1,68462
57. ВЛАСТЬ	3	2,7333	1,74066

Таблица 4

Среднее значение и стандартные отклонения культурных ценностей в удмуртской группе лиц, находящихся в нормальных условиях жизнедеятельности

Ранжированные предпочитаемые ценности	Порядковый номер ценности опросника Ш. Шварца	Ср. знач.	Ст. откл.
1. ЗАЩИТА СЕМЬИ	22	6,2667	1,22990
2. СМЫСЛ ЖИЗНИ	10	5,9333	0,94443
3. ЗДОРОВЬЕ	42	5,8333	1,51050
4. БЛАГОСОСТОЯНИЕ	12	5,6667	1,02833
5. УВАЖЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ, СТАРШИХ	40	5,6667	1,56102
6. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	52	5,6000	1,16264
7. ЧИСТОПЛОТНОСТЬ	56	5,5667	1,10433
8. НАСЛАЖДЕНИЕ ЖИЗНЬЮ	50	5,5333	1,38298
9. СОХРАНЕНИЕ СВОЕГО ПУБЛИЧНОГО ОБРАЗА	46	5,5000	1,30648
10. ВЕРНОСТЬ	33	5,4333	1,19434
11. САМОУВАЖЕНИЕ	14	5,4333	1,54659
12. ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХА	55	5,4000	1,22051
13. НАСТОЯЩАЯ ДРУЖБА	28	5,3333	1,95348
14. ЧЕСТНОСТЬ	45	5,3000	1,20773
15. ВЕЖЛИВОСТЬ	11	5,3000	1,41787
16. ЧЕСТОЛЮБИЕ	34	5,2667	1,43679
17. МИР НА ЗЕМЛЕ	17	5,2667	1,55216
18. СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ	30	5,2333	1,16511
19. НЕЗАВИСИМОСТЬ	31	5,2000	1,49482
20. ИНТЕЛЛЕКТ	48	5,1667	1,36668
21. ВЫБОР СОБСТВЕННЫХ ЦЕЛЕЙ	41	5,0667	1,36289
22. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК	8	5,0333	1,21721
23. САМОДИСЦИПЛИНА	20	5,0333	1,18855
24. НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	13	5,0000	1,59741
25. СОЦИАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ	23	4,9333	1,65952
26. МУДРОСТЬ	26	4,9333	1,38796
27. УМЕНИЕ ПРОЩАТЬ	54	4,9333	1,38796
28. ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ	47	4,9333	1,33735
29. УМЕЛОСТЬ	43	4,9000	1,34805
30. СВОБОДА	5	4,8333	1,59921
31. ЗРЕЛАЯ ЛЮБОВЬ	19	4,8000	1,54026
32. ПОЛЕЗНОСТЬ	49	4,7667	1,40647

33. ВЗАИМОУСЛУЖЛИВОСТЬ	15	4,7333	1,41259
34. УДОВОЛЬСТВИЕ	4	4,6667	1,53877
35. УЕДИНЕНИЕ	21	4,5333	1,61316
36. ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ	53	4,4667	1,73669
37. ЧУВСТВО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ	7	4,4667	1,61316
38. ПОТАКАНИЕ СЕБЕ	57	4,4333	1,63335
39. ИНТЕРЕСНАЯ ЖИЗНЬ	9	4,3000	1,84110
40. РАВЕНСТВО	1	4,2000	1,42393
41. РАЗНООБРАЗИЕ ЖИЗНИ	25	4,2000	1,44795
42. УВАЖЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ	18	4,2000	2,38385
43. УМЕРЕННОСТЬ	32	4,1333	1,56983
44. ВНУТРЕННЯЯ ГАРМОНИЯ	2	4,1000	1,97135
45. ЗАЩИТА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	38	4,1000	1,68870
46. ШИРОТА ВЗГЛЯДОВ	35	4,0333	1,54213
47. МИР ПРЕКРАСНОГО	29	3,9667	2,02541
48. ТВОРЧЕСТВО	16	3,8333	1,46413
49. ДОВОЛЬСТВО СВОИМ МЕСТОМ В ЖИЗНИ	44	3,7000	2,01973
50. АВТОРИТЕТНОСТЬ	27	3,6333	1,88430
51. СКРОМНОСТЬ	36	3,6000	1,81184
52. БЛАГОЧЕСТИЕ	51	3,5667	1,59056
53. ОТВАГА	37	3,1667	1,74363
54. ЕДИНСТВО С ПРИРОДОЙ	24	3,0000	2,01717
55. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ	6	2,7000	1,85974
56. ВЛИЯНИЕ	39	2,7000	1,44198
57. ВЛАСТЬ	3	1,9000	1,91815

Приложение 4

Таблица 1

Значимые различия смысложизненных ориентаций русской и удмуртской этногруппах в условиях социальной изоляции по критерию U-Манна-Уитни

Смыложизненные ориентации	Сумма рангов «в условиях социальной изоляции», (русские)	Сумма рангов «в условиях социальной изоляции», (удмурты)	U	Z	P=
1. Цели в жизни	5240,00	2771,00	1198,000	-0,669	0,504
2. Процесс жизни	5212,50	2817,50	1225,500	-0497	0,619
3. Результативность жизни	5039,00	3106,50	1211,000	-0,588	0,556
4. Локус контроля Я	5315.50	2646,50	1122,500	-1,143	0,253
5. Локус контроля жизни	5291,00	2686,50	1147,000	-0,989	0,323

Таблица 2

Значимые различия показателей смысложизненных ориентаций русской и удмуртской этногруппах в нормальных условиях жизнедеятельности по критерию U-Манна-Уитни

Смыложизненные ориентации	Сумма рангов «в нормальных условиях жизнед.», (русские)	Сумма рангов «в нормальных условиях жизнед.», (удмурты)	U	Z	P=
1. Цели в жизни	926,50	903,50	438,500	-0,170	0,865
2. Процесс жизни	972,50	857,50	392,500	-0,852	0,394
3. Результативность жизни	972,00	858,00	393,500	-0,845	0,398
4. Локус контроля Я	892,00	938,00	427,000	-0,341	0,733
5. Локус контроля жизни	1009,00	821,00	356,000	-1.393	0,164
6. Интегральный показатель	922,50	907,50	442,500	-0,111	0,912

Таблица 3

Значимые различия показателей смысложизненных ориентаций лиц, находящихся в условиях социальной изоляции и лиц, находящихся нормальных условиях жизнедеятельности по критерию U-Манна-Уитни

Смыложизненные ориентации	Сумма рангов «в условиях социальной изоляции»	Сумма рангов «в нормальных условиях жизнед.»	U	Z	P=
1. Цели в жизни	12084.50	5432.50	3417.500	-0.287	0.774
2. Процесс жизни	11276.50	6122.50	2727.500	-2.429	0.015
3. Результативность жизни	10962.50	6390.50	2459.500	-3.262	0.001
4. Локус контроля Я	12201.00	5333.00	3503.000	-0.022	0.983
5. Локус контроля жизни	10900.00	6444.00	2406.000	-3.428	0.001
6. Интегральный показатель	11681.50	5776.50	3073.500	-1.353	0.176

Приложение 5

Графическое отображение результатов одномерного двухфакторного дисперсионного анализа (межгрупповой дизайн) лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (эффект фактора «ценности» при взаимодействии факторов «этническая идентичность» и «ценности»)

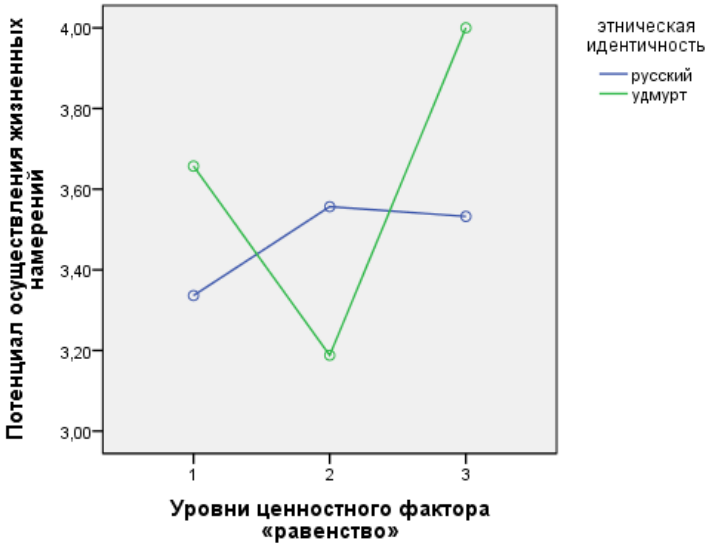

Рисунок 3
Эффект ценностного фактора «равноправие» и взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «равноправие» по показателю потенциал осуществления жизненных намерений лиц, находящихся в условиях социальной изоляции.

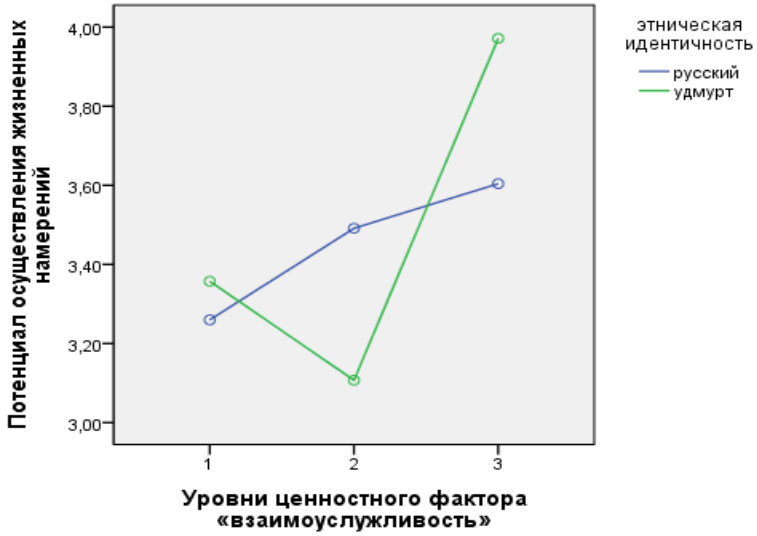

Рисунок 4
Эффект ценностного фактора «взаимоуслужливость» и взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «взаимоуслужливость» по показателю потенциал осуществления жизненных намерений лиц, находящихся в условиях социальной изоляции.

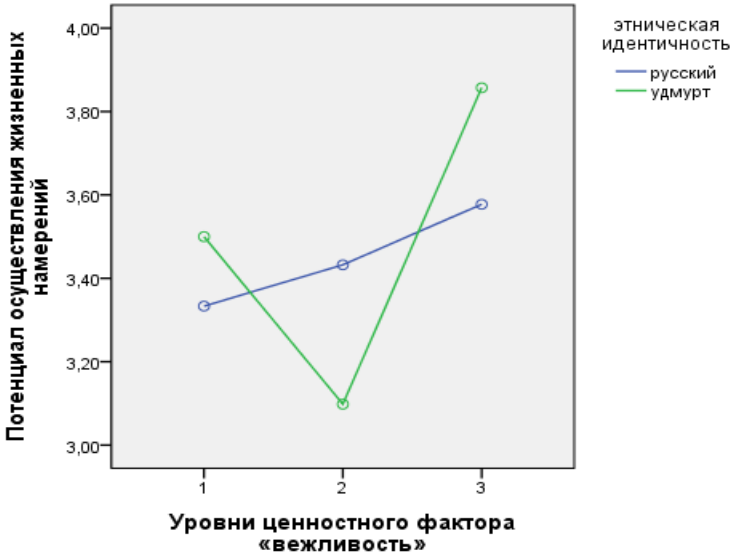

Рисунок 5
Эффект ценностного фактора «вежливость» и взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «вежливость» по показателю потенциал осуществления жизненных намерений лиц, находящихся в условиях социальной изоляции.

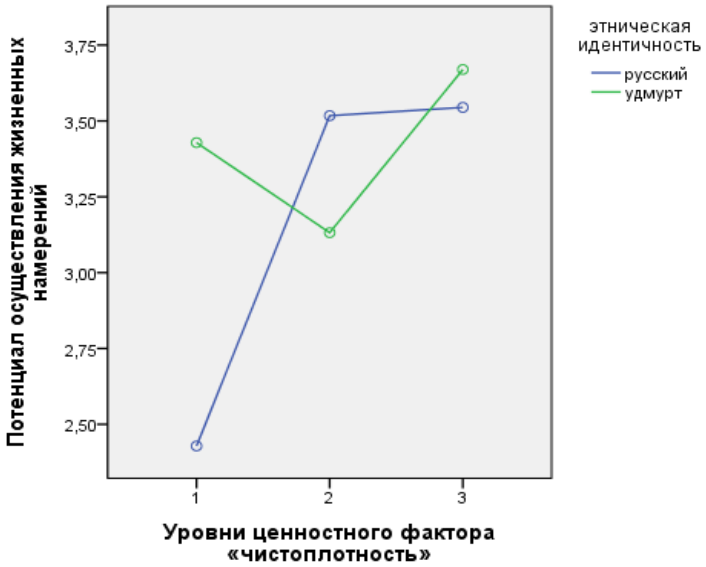

Рисунок 6
Эффект ценностного фактора «чистоплотность» и взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «чистоплотность» по показателю потенциал осуществления жизненных намерений лиц, находящихся в условиях социальной изоляции.

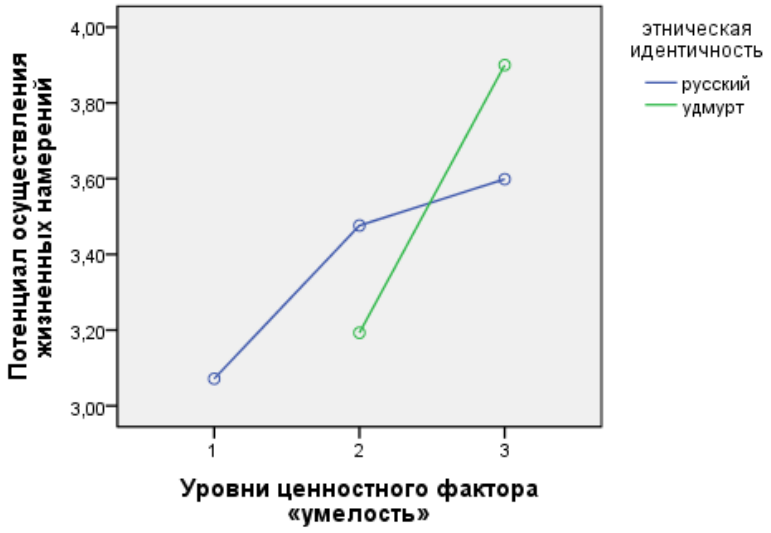

Рисунок 7
Эффект ценностного фактора «умелость» и взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «умелость» по показателю потенциал осуществления жизненных намерений лиц, находящихся в условиях социальной изоляции.

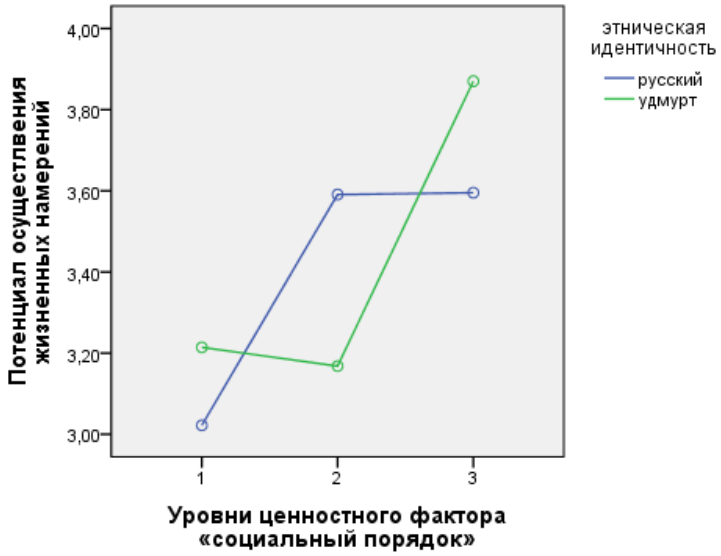

Рисунок 8
Эффект ценностного фактора «социальный порядок» и взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «социальный порядок» по показателю потенциал осуществления жизненных намерений лиц, находящихся в условиях социальной изоляции.

Приложение 6

Графическое отображение результатов одномерного двухфакторного дисперсионного анализа (межгрупповой дизайн) лиц, находящихся в условиях принудительной социальной изоляции (взаимодействия факторов «этническая идентичность» и «ценности)

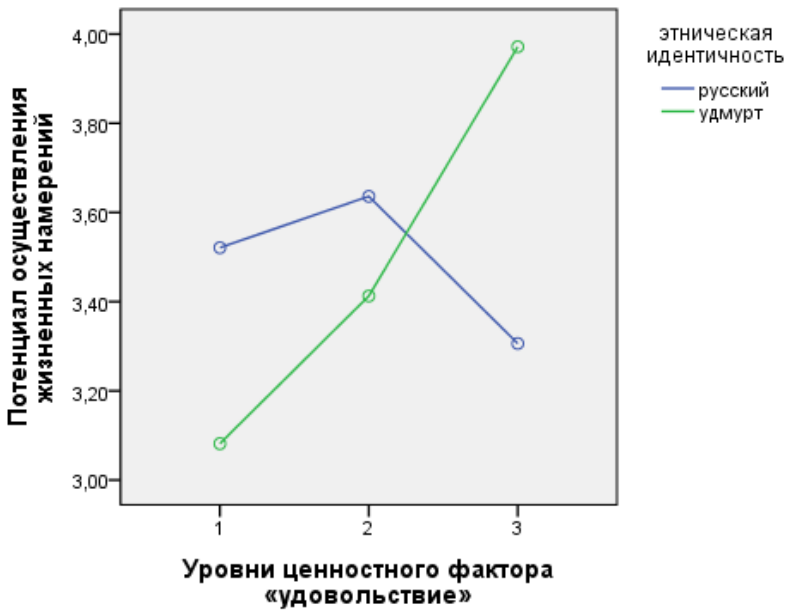

Рисунок 9
Взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «удовольствие» по показателю «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в условиях социальной изоляции

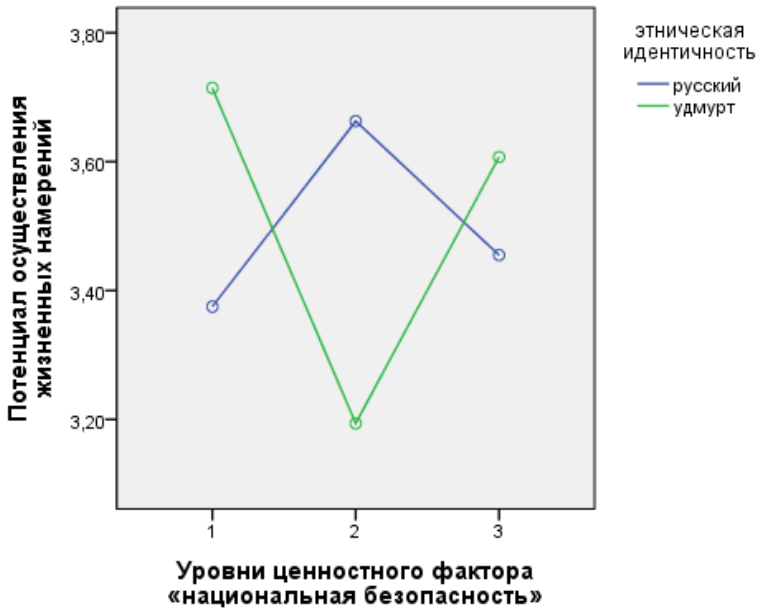

Рисунок 10
Взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «национальная безопасность» по показателю «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в условиях социальной изоляции

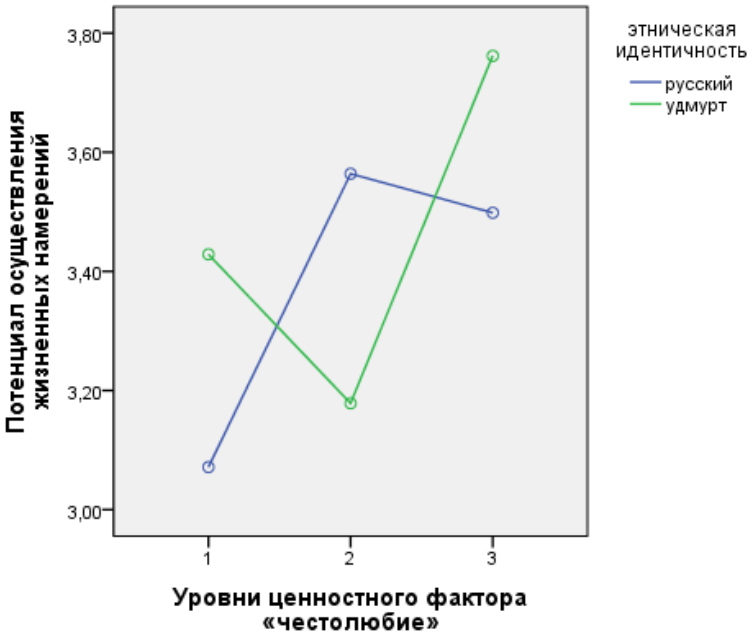

Рисунок 11
Взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «честолюбие» по показателю «потенциал осуществления жизненных намерений» лиц, находящихся в условиях социальной изоляции

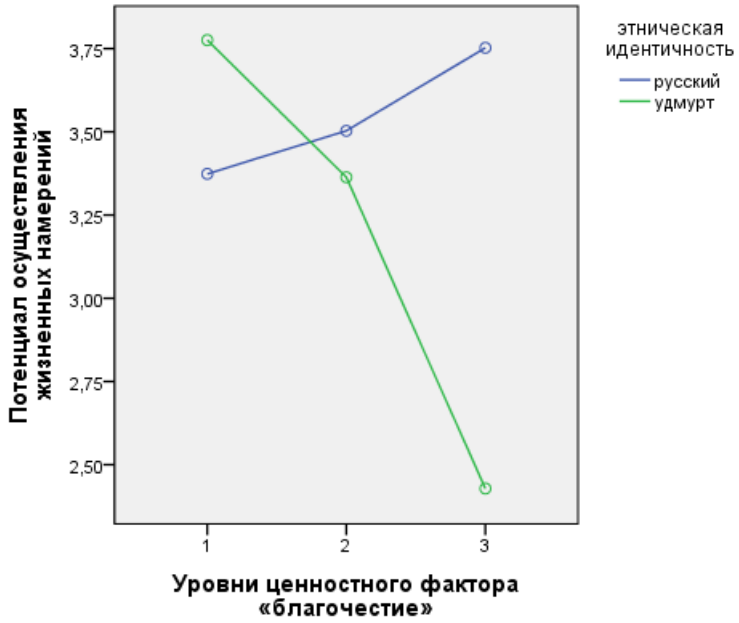

Рисунок 12
Взаимодействие фактора «этническая идентичность» и ценностного фактора «благочестие» по показателю потенциал осуществления жизненных намерений лиц находящихся в условиях социальной изоляции